

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
“ГЛАЗОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМ. В.Г. КОРОЛЕНКО”**

На правах рукописи

ЛЫСКОВА Ирина Юрьевна

**ФОРМИРОВАНИЕ ПУНКТУАЦИОННЫХ СИСТЕМ В
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (на материале немецкого XVII – XVIII вв.
и французского XVI – XVIII вв. языков)**

10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Н.Н.Орехова

Глазов – 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПУНКТУАЦИЯ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ	13
1.1. Пунктуация в письменной системе языке. Современные подходы к пунктуации.....	13
1.2. Языковая и пунктуационная нормы.....	24
1.3.Эволюция пунктуационной нормы в немецком языке	29
1.4. Развитие пунктуационной нормы во французском языке	34
Выводы по первой главе.....	41
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ПУНКТУАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	44
2.1. К истории теоретического осмысления пунктуации в немецкой грамматической традиции.....	44
2.2. Немецкая пунктуационная теория в XVII – XVIII вв.	47
2.3. Пунктуация в немецких памятниках XVII века.....	73
2.4. Пунктуация в немецких памятниках XVIII века	110
Выводы по второй главе.....	135
ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ПУНКТУАЦИОННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	139
3.1. Французская грамматическая традиция в XVI -XVIII вв.	139
3.2. Пунктуация во французских памятниках XVI века	149
3.3. Пунктуация во французских памятниках XVII века.....	155
3.4. Пунктуация во французских памятниках XVIII века.....	167
Выводы по третьей главе	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
ЛИТЕРАТУРА	181
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	200
ПРИЛОЖЕНИЯ	210

Приложение 1. Соотношение двоеточия и точки с запятой на протяжении двух столетий (Немецкий язык XVII-XVIII вв.)	210
Приложение 2. Соотношение двоеточия и точки с запятой на протяжении трех столетий (Французский язык XVI-XVIII вв.)	211
Приложение 3. Графическое оформление придаточных дополнительных предложений (Немецкий язык XVII в.)	212
Приложение 4. Графическое оформление придаточных определительных предложений (Немецкий язык XVII в.)	213
Приложение 5. Графическое оформление инфинитивных оборотов (Немецкий язык XVII в.)	214
Приложение 6. Графическое оформление придаточных дополнительных, определительных и инфинитивных оборотов (Немецкий язык XVIII в.)	215

ВВЕДЕНИЕ

Подход к письму как к *вторичной* знаковой системе имеет долгую традицию. Пунктуация как составная его часть (наряду с графикой и орфографией) также характеризуется как подсистема языка вспомогательного характера. О вторичном характере пунктуации свидетельствует, в частности, широко распространенное беспробельное написание (вплоть до VIII в.), частое отсутствие знаков препинания в ранних средневековых кодексах. Позднее, с усложнением деятельности социума, возрастает объем письменных сообщений, целесообразной становится необходимость введения особых знаков, способствующих адекватному членению текста. Однако оценка роли пунктуации и ее реальное функционирование в разных языках неодинаково. Это обусловлено различными факторами – развитием строя конкретного языка, теории синтаксиса, неодинаковыми подходами к назначению пунктуации, а также социально-культурными традициями.

Развитие современных языков неотъемлемо от письменной (печатной) формы их бытования, последняя же, как и большинство языков, испытывает воздействие современных процессов глобализации, демократизации и усиления личностного начала в сочетании со сложившимися традициями, аксиологическими приоритетами. Наблюдаемые в настоящее время процессы частично проявлялись и в прошлых состояниях языка (в том числе в пунктуации), а ряд теоретических подходов наряду с анализом общего направления развития системы отмечены фиксацией типологически значимых свойств (рост корпуса знаков, их функциональная дифференциация, синонимия, нейтрализация и др.). Наряду с последними пунктуационная система каждого языка (в диахронии и синхронии) отмечена идиоэтнической спецификой. Так, общепризнано противопоставление двух типов

пунктуации: “немецкого” (куда относится и русская пунктуация) и “французского” (пунктуация в английском, романских языках и некоторых других). В настоящей работе основное внимание в контексте диахронного подхода уделяется общим, типологически значимым параметрам пунктуации наряду со специфическими свойствами систем в конкретных языках.

Исследование выполнено на материале немецкого и французского языков (на хронологическом срезе XVI – XVIII вв.), поскольку данные языки являются эталонами, “прототипами” регламентирующего типа пунктуации и более свободной ее разновидностями.

На основе проведенного исследования можно утверждать, что действие этих факторов было релевантным вплоть до XX в. Однако в связи с эволюцией общества и языка изменения не могли не коснуться и этой письменной сферы. Чтобы правильно оценить изменения в современной пунктуации, необходимо обратиться к истории вопроса.

Общая характеристика работы. Настоящая работа посвящена анализу пунктуационных систем, которые рассматриваются в аспекте их становления, эволюции, функционирования и нормализационных процессов.

Объектом исследования является процесс становления нормы в пунктуационной системе.

Предметом исследования служат немецкая и французская пунктуация, рассматриваемые в системно-диахронном аспекте в плане узуса и нормы на протяжении двух столетий (XVII-XVIII вв. для немецкого и XVI – XVIII вв. для французского языка).

Актуальность проблематики исследования. Современный этап функционирования языка на рубеже столетий требует новой оценки происходящих в социуме изменений. В целом ряде европейских языков актуальной становится проблема реформирования языка. Цель этих

реформ одна – унификация письма, что не в последнюю очередь связано с развитием компьютерных технологий, усилением межкультурного взаимодействия, некоторым стиранием идиотнических черт. Это ведет к формированию более унифицированного подхода к пунктуации – коммуникативно-прагматического, когда все внимание пользователя языка направлено на эффективную коммуникацию.

Особенно актуальной данная проблематика является для немецкого языка, что обусловлено многолетней активной и многогранной нормализационной деятельностью. Длительный подготовительный этап привел к реформе графики, осуществляемой с 1998 г. Характерно также, что направления реформирования современной немецкой пунктуации сопоставимы с узואльным характером последней в исследуемый период, последнее свидетельствует о существующей на протяжении столетий традиции.

Исследование такого рода позволит также пролить свет на вопросы нормообразования, неизученные моменты становления, развития, и взаимовлияния пунктуационных систем (так, в немецком языке в середине XVIII в. регистрируется рост графического необособления ряда придаточных предложений под влиянием французского языка). Далее, сопоставление типологически различных языковых явлений способствует выявлению общих закономерностей развития пунктуационных систем. Не менее существенным фактором выбора языка стало то, что пунктуационные нормы французского языка, как правило, не включены в учебники и учебные пособия, что еще раз свидетельствует о вспомогательном характере пунктуации и даже о недооценке ее роли. Таким образом, складывается впечатление, что французские пунктуационные нормы, имея за собой многовековую традицию, так и не получили адекватной кодификации.

Актуальным является и вопрос о принципах (основах) пунктуации, которая в определенной степени коррелирует и с интонационными параметрами, и с логико-грамматическим построением высказывания, и с выражаемым смыслом. В соответствии с такой сложной природой пунктуации в теории принято выделять три принципа: интонационный, структурный и смысловой/коммуникативный.

Как известно, интонационный принцип играл ведущую роль на начальном этапе, когда пунктуационная система только складывалась и важным было передать на письме просодическую характеристику высказывания, то есть знаки препинания коррелировали с паузами устной речи. Далее в действие вступает структурный принцип, хронологически более поздний, опирающийся на инвариантность, фиксированность употребления знаков за определенной позицией. Коммуникативный же принцип, оформившийся в XX веке, предполагает существенную свободу выбора знака в соответствии с коммуникативно-прагматической направленностью высказывания.

Существуют разногласия по вопросу о том, какой принцип станет доминирующим. Так, немецкие исследователи (Р. Баудуш 1984, Д. Нериус 1967) до 80-х гг. XX в. исходили из приоритета структурного принципа; современные исследователи (В. Ментруп и др.) отмечают поворот к прагматическому аспекту высказывания. Для французских исследователей (Л.Г. Веденина, Н. Каташ) ведущим выступает коммуникативно-прагматический принцип. Исследователи русской пунктуации (Н.С. Валгина, Н.Н. Орехова, Н.Л. Шубина) говорят о взаимодействии принципов с переменным доминированием каждого в конкретной ситуации.

Цель исследования состоит в попытке теоретического осмысления общих закономерностей и тенденций развития пунктуации; определении идиоэтнической специфики развития немецкой и французской систем

пунктуации на базе поликоординированного системного подхода в плане взаимовлияния пунктуационных норм исследуемых языков; возможных векторов дальнейшего развития систем.

В связи с поставленной целью сформулированы основные **задачи работы**:

- дать оценку современному состоянию пунктуационной теории;
- рассмотреть процесс становления языковой нормы и понятие пунктуационной нормы как составной части языковой нормы, выявить ее место, ранг среди языковых норм;
- выявить условия, которые способствовали формированию “немецкого” типа пунктуации, и проследить динамику пунктуационной нормы в немецком языке;
- определить причины, обусловившие становление “французского” типа пунктуации и описать динамику пунктуационной нормы во французском языке;
- выявить факторы, под влиянием которых происходят изменения в пунктуационной норме;
- проанализировать теоретические источники по пунктуации XVI - XVIII в. во французском языке и немецкие пунктуационные учения XVII - XVIII вв.;
- сопоставить кодифицированную норму исследуемых языков; выявить общие (типологически значимые) и частные особенности каждой из систем;
- описать специфику становления и развития пунктуационных норм в письменной практике исследуемых языков.

Основные методы исследования определяются целями и задачами работы. Синхронно-диахронная характеристика пунктуационных систем немецкого и французского языков обусловила использование описательного метода, на основе анализа и синтеза. С целью выявления общего и идиоэтнического компонентов применяется сравнительно-

сопоставительный метод, наблюдение, аналогия, экстраполяция на базе комплексного структурно-семантического и коммуникативно-прагматического анализа.

Материал исследования. Основная часть анализируемого материала извлечена из художественной, научной и публицистической литературы немецкого и французского языков XVI – XVIII вв. Собрано и проанализировано более трех тысяч примеров (тексты, фрагменты текстов).

Новизна исследования состоит в системном диахронном анализе формирования и развития пунктуационных систем в плане корпуса знаков, системных отношений, узуса, нормы и ее кодификации; в выявлении общих закономерностей нормообразования и узуса. Работ, посвященных последовательному описанию и соотнесению реального узуса и зафиксированной нормы на определенном хронологическом срезе, представление таких корреляций в динамике как отражение эволюции языковых явлений, недостаточно. Из исследований такого плана для пунктуации можно назвать труды А.Б. Шапиро, Б.И. Осипова, Б.С.Шварцкопфа, Н.С. Валгиной. Еще большую редкость представляют сопоставительные диахронно-синхронные исследования двух и более языков – практически единственное исследование Н.Н. Ореховой, выполненное в рамках триады “система – узус - норма”.

Теоретической и методологической основой настоящей работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные проблемам письма (И. Гельб, А.А. Реформатский, Л.В. Щерба, О.А.Добиаш – Рождественская, В.А. Истрин, Б.И. Осипов, Т.А. Амирова, Л.Р. Зиндер), орфографии и пунктуации (Н.С. Валгина, Б.С. Шварцкопф, Б.И. Осипов, Н.Н. Орехова, Н.Л. Шубина, Л.Г. Веденина, В.Г. Гак, Л.В.Щерба, В.Ф. Иванова, А.И. Моисеев, А.Н. Наумович, Т.М. Николаева, А.Б. Шапиро, Р. Баудуш, Д. Нериус, Н. Каташ), языковой норме

(А.Едличка, В.А. Ицкович, Б.С. Шварцкопф, Б.И. Осипов, Н.Н. Орехова, Н.Н. Семенюк, Л.В. Щерба).

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности применения ее результатов в процессе преподавания истории языка, истории письма, теоретической и практической грамматики, в курсе сравнительной типологии. Результаты исследования могут послужить основой для написания курсовых и выпускных квалификационных работ, создания учебно-методических пособий для студентов и учителей иностранного языка. Возможно также использование полученных результатов при разработке направлений усовершенствования (реформирования) пунктуационных систем.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) пунктуационная система – это подсистема письменного языка, в которой регулярно манифестируются законы языкового развития (асимметрия формы и содержания, антиномия узуса и нормы, полевой характер системы и пр.);
- 2) пунктуационная система является функционально-адаптивной системой, реагирующей на изменения в социуме, в ней представлены центр и периферия; в развитии пунктуационных систем прослеживаются определенные общие, типологически релевантные закономерности, заключающиеся в постепенном увеличении числа компонентов системы, появлении новых функциональных зон, в возможности комбинирования знаков препинания с другими графическими приемами, в возможности перераспределения функций знаков, их варьировании;
- 3) периферийные явления являются источником колебаний нормы, что, в свою очередь, является основой для “новой” нормы – так, нормы “немецкого” и “французского” типов модифицируются в процессе функционирования, нормы “немецкого” типа становятся более

демократичными, пользователю предоставляется большая свобода в выборе знаков;

- 4) знаки препинания являются полидетерминированными единицами - на выбор знака могут влиять различные факторы (объем конструкции, ее позиция, пунктуационная ситуация, синтагматика знаков, степень взаимосвязи структурных компонентов, стиль);
- 5) процесс формирования пунктуационных систем немецкого и французского языков проходил под влиянием двух разнонаправленных языковых тенденций: для французского языка – в пунктуации находит свое выражение закон экономии языковых средств; для немецкого языка – потребность в максимальной эксплицитности синтаксических отношений;
- 6) пунктуационная норма, имеющая промежуточный характер между орфографической и морфолого-лексической нормой, отмечена идиоэтнической спецификой; своеобразие “немецкого” типа пунктуационной нормы в общих чертах сформировалось к концу XVIII столетия и состоит в глобальной ориентации на структуру; пунктуационная норма “французского” типа сложилась в русле риторического и рационального поиска оптимальных языковых ресурсов передачи смысла, когда при наличии лексико-грамматических показателей (союзы, словопорядок) знаки препинания расценивались как излишние; этот тип пунктуации сложился в общих чертах к концу XVII века;
- 7) характер пунктуационных норм зависит от целого комплекса внутриструктурных, социокультурных, исторических и имманентных свойств языка – при сложившихся общих для европейских языков пунктуационных основах соответствующая языковая норма носит поликоординированный характер, в каждом конкретном языке определяющую роль играют исторический фон (языковые взаимодействия, традиции), уровень разработки метатеории, подходы к нормализации,

ориентация социума на характер регулятивных процессов (прескриптивность, лабильность).

Апробация исследования. Основные положения и результаты исследования обсуждались: на Пятой региональной научно-практической конференции “Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений” (Глазов, 2002); на Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 22-23 мая 2003); на III Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, март 2004); на V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Красноярск, 20-21 мая 2004); на Седьмой региональной научно-практической конференции “Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений” (Глазов, 2005).

Содержание диссертации отражено в 7 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключение, списка использованной литературы, источников, Приложений.

ГЛАВА 1. ПУНКТУАЦИЯ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

1.1. Пунктуация в письменной системе языке. Современные подходы к пунктуации

В последние годы изучение пунктуации приобрело особую актуальность. Это связано с функционированием языка на рубеже веков, когда язык накопил огромные ресурсы для реализации потенциала языковых единиц, что предполагает некоторую их вариативность. Эта вариативность, с одной стороны, дает возможность выбора, с другой - приводит к “хаосу”, к отступлениям от нормы. Встает вопрос об установлении отличий “реальных динамических процессов в языке от явлений, вызванных недостаточной культурой устной и письменной речи” (Асташова 2004:89).

Сегодня можно констатировать, что устойчивый интерес к проблемам пунктуации связан с развитием языка и его графической системы: появляются новые подходы к языку, эти новые аспекты изучения исследователи проецируют в сферу пунктуации.

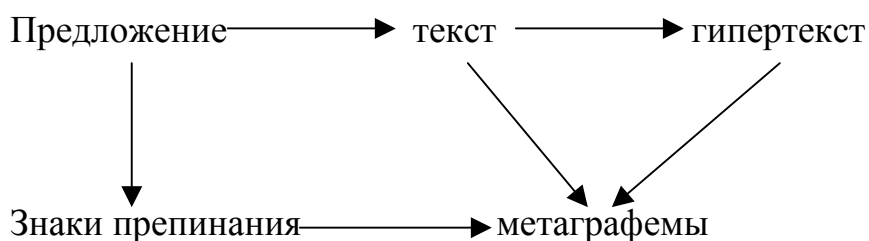
Пунктуация традиционно относится к сфере синтаксиса, вместе с тем, исследования по синтаксису сегодня выходят за рамки предложения, в центре внимания исследователей находится текст, дискурс. Далее, с развитием средств коммуникации возникают новые способы подачи информации, для этого используются не только лексические средства, большую роль начинают играть знаки препинания и другие графические средства (курсив, разрядка, шрифты и т.п.). Арсенал таких пунктуационно - графических средств постоянно пополняется и объединяется под общим названием – метаграфемы. Таким образом, формируется новый подход –

метаграфический, когда пунктуация рассматривается как составная часть всей совокупности графических средств.

Метаграфическая норма – это реализация совокупности реально используемых пунктуационно - графических знаков и средств для оформления текста. Сфера реализации пунктуационных норм – предложение и высказывание, сфера реализации метаграфических норм – текст (Гельб 1982, Шубина 2002).

О.В. Дедова констатирует, что иной стала сама стратегия организации текстового пространства, возник новый вид письменного текста – электронный гипертекст (Дедова 2002). Это состояние соответствует этапу развития когнитивной деятельности человека, которая, согласно Т.В. Черниговской, “идет по пути все большего сворачивания, ‘конденсации’ информации” (Черниговская 2004:8).

Представляется, что в целом динамика предмета исследований выглядит следующим образом:

Такая динамика вполне оправдана развитием синтаксической теории, с одной стороны, и процессами, происходящими в социуме, с другой, а также достижениями научно-технического прогресса.

Рассмотрим некоторые работы последних лет и попытаемся проследить возможные изменения в подходах к пунктуации.

В области французской пунктуации можно отметить работы Н.Каташ (1980), Л.Г. Ведениной (1975, 1988, 1991), Ж. Дрийона (1991), И.Г. Меркуловой (2001). Основной корпус критической и научной литературы о пунктуации французского языка сложился в середине 80-х

годов XX века, в 90-х годах встал вопрос о разделении пунктуационной системы на центр и периферию (Меркулова 2001).

Н. Каташ характеризует пунктуацию как совокупность визуальных знаков организации и презентации письменного текста. Эти классы графических знаков образуют систему, которая дополняет или даже способна замещать буквенную информацию. Различается пунктуация *слова*, пунктуация *фразы* и пунктуация *текста*. По мнению исследователя, пунктуация фразы самая актуальная. Далее автор рассматривает функции пунктуации фразы: синтаксическую, функцию паузирования и семантическую функцию. Кроме того, исследователь отмечает полифункциональность знаков: большинство знаков выполняют разделяющую и организующую функции (запятая, точка с запятой, двоеточие, знаки конца предложения, абзац).

Л.Г. Веденина предлагает развернутую систему пунктуационных знаков, которые подразделяются на три группы: основные, периферийные, индивидуального пользования. В отличие от таких исследователей французской пунктуации как Г. Сансин (1930) и Ж. Дамурет (1939), которые описывали знаки препинания как способ изображения на письме интонации звучащей фразы, она правомерно подчеркивает, что нет прямого соотношения между устной речью и пунктуацией. Автор рассматривает пунктуацию как совокупность правил оформления текста, средство уточнения смысла фразы, отмечает специфичность пунктуации каждого языка, что связывается со спецификой национального сознания. В целом это традиционный подход к теории пунктуации, когда знаки препинания коррелируют либо со смыслом, либо с интонацией, либо с синтаксическим построением предложения.

Ж. Дрийон считает, что пунктуация – это не только дело стиля, но и отражение мысли, мышления. Он трактует пунктуацию как код, но код произвольный. Именно эта произвольность кода объясняет

нестабильность, вариативность употребления знаков препинания от эпохи к эпохе, от страны к стране.

И.Г. Меркулова также различает основные и периферийные знаки, рассматривает их как элементы лингвистического кода; в комплекс периферийных знаков включаются шрифты, пробел, приемы расположения текста на плоскости. Автор разделяет мысль А.А.Реформатского о знаках пространственной и композиционной организации текста и обращается к периферийным явлениям пунктуационной системы. Исследуя феномен периферийных знаков, она анализирует соотношение видимого и читаемого и утверждает, что “изменяется сам механизм письма, когда с помощью таких динамических качеств периферийных знаков, как взаимодействие визуального и вербального, автор сотрудничает с читателем, делает его практически соавтором произведения” (Меркулова 2001:16). Таким образом, исследователь, учитывая новую научную парадигму в языкознании, обращается к человеческому фактору, когда графический текст создается человеком для человека, а все графические и оптические средства направлены на адекватное кодирование и декодирование сообщения, исключение двусмысленности.

Наиболее детально вопрос об основах пунктуации разработан в русской традиции, прежде всего это труды А.Б. Шапиро (1965), Б.С.Шварцкопфа (1988), Т.М. Николаевой (2000), Н.Н. Ореховой (2000), Н.Л. Шубиной (2000), Л.М. Кольцовой (2004).

Б.С. Шварцкопф исследует пунктуационную систему и ее функционирование; генеральной функцией пунктуации признается графическое оформление (членение) письменного (печатного) текста. В его концепции два основных понятия: функция знака препинания и его позиция. Автор дает характеристику каждому знаку препинания по следующим параметрам: общая функция, характеристика процесса

членения текста, частная функция знака. Б.С. Шварцкопф относит пунктуацию к вопросам культуры речи, и в связи с этим рассматривает такие явления, как пунктуационная норма, отклонение от нормы, колебание нормы. Это, бесспорно, фундаментальный труд по теории русской пунктуации. Он предлагает структурно-системную организацию пунктуации и соотношение этой системы с кодификацией пунктуационных норм в процессе функционирования.

Б.С. Шварцкопф впервые установил промежуточный характер пунктуационных норм, которые, с одной стороны, “установлены” нормализационным актом, а с другой стороны, постоянно развиваются, отражая новые закономерности реализации системы. Таким образом, не все входит в систему, существует еще и контекст, который вносит определенные поправки, что приводит к появлению колебаний в сфере пунктуации. Эти колебания рассматриваются как закономерности динамического развития пунктуационной системы, как возможные векторы развития системы.

Т.М. Николаева считает, что “за эклектикой русских пунктуационных правил стоит простая установка, некая коммуникативная задача”. Оказалось, что “пунктуационные знаки стремятся отделить одно событие от другого. Событие – это всякая пропозиция, соотносимая с предикативными отношениями” (Николаева 2000:291). Проблему она видит в определении границ и компонентов одного события и решает ее введением определенных типов трансформаций. Другими словами, автор оперирует понятием пропозиции как основы для использования знаков пунктуации¹.

В несколько другом ракурсе представлена работа Н.Н. Ореховой, и это не случайно. На современном этапе, в эпоху глобализации, на первое

¹ Аналогичную трактовку мы видим у немецких исследователей (Baudusch 1997).

место выходят исследования из области межкультурной коммуникации, поэтому научные разработки в сопоставительном аспекте двух языков, когда целью исследования становится нахождение того общего, что сближает языки, и частного, специфического, вызывают особый интерес. Н.Н. Орехова рассматривает пунктуационные системы русского и английского языков в динамическом аспекте, показывает становление системы, последовательно сопоставляя пунктуационный узус и кодифицированную норму. Основываясь на концепции Б.С. Шварцкопфа, исследователь подчеркивает функционально-адаптивный характер пунктуации, возникновение которой она связывает с совершенствованием письменного кода “в русле оптимизации дискурса для обеспечения адекватного восприятия” (Орехова 2000:180). Прослеживая историческое развитие знаков пунктуации, автор регистрирует рост функционального потенциала знаков, развитие их внутрисистемных отношений.

За описанием идиоэтнической специфики пунктуационных систем исследуемых языков следует мысль о реализации двух диаметрально противоположных культурных сценариев. *Русский культурный сценарий* – это авторитаризм, а в применении к пунктуации это означает доминирование структурной основы, когда пунктуационные нормы носят более строгий, регламентирующий, предписывающий характер, что ограничивает возможности выбора знаков, а это, в свою очередь, означает минимизацию личностного начала. *Особенность английской пунктуации* – в доминировании прагматического, “индивидуоцентрического” начала, что обеспечивает пишущему свободу выбора знака, когда главное – целесообразное использование знаков для адекватного воплощения авторской интенции (Орехова 2000). Автор также высказывает мысль об особом семиотическом статусе пунктуации, которая подчиняется действию законов языка. Системный подход к пунктуации позволил Н.Н. Ореховой продемонстрировать эти языковые законы в действии

(полифункциональность знаков, возможность взаимозамены знаков, полевой характер системы и пр.).

Мы считаем, что сочетание системного подхода и диахронно-типологического исследования дает наиболее полную картину эволюции пунктуационной системы, позволяет делать предположения относительно векторов ее дальнейшего развития.

Н.Л. Шубина рассматривает русскую пунктуацию как функционально-адаптивную систему, которая чутко реагирует на все изменения в языке и на динамические процессы, происходящие в общественном сознании (активная модификация речевых единиц, перераспределение функций вербальных и невербальных компонентов в коммуникативно-прагматической организации высказывания, текста и др.). Адаптивный характер пунктуации особенно четко проявляется на “нестабильных участках” пунктуационного оформления одного и того же текста в разных редакциях или в разное время издания. Автор отмечает *коммуникативно-прагматическую направленность* пунктуационной нормы, когда употребление знаков зависит от конкретной коммуникативной или пунктуационной ситуации текста, а овладение пунктуацией происходит только в процессе текстовой деятельности. В представлении автора пунктуация – это составляющая невербального компонента текста, которая не только сопровождает вербальную часть передаваемой информации, но и может автономно передавать ее, что особенно важно в связи с “формирующейся компьютерной парадигмой” (Шубина 2000:347).

Таким образом, исследователи говорят о том, что изменяются не только функции знаков, но и их значимость в плане коммуникативно-смысловой и коммуникативно-прагматической организации текста. Н.Л.Шубина отмечает детерминированный характер знаков препинания, на выбор которых влияют различные факторы: традиционная/нормативная

регламентация, интенция пишущего, пунктуационная ситуация, языковые предпочтения, социальные отношения респондентов. Это новый уровень исследований, где предмет рассмотрения не только предложение, но и текст. Пунктуация выступает не только как средство распределения информации, но и инструмент создания коммуникативно-прагматической стратегии *текста*. В этой функционально-адаптивной системе метаграфических знаков и средств различаются: *синграфические* знаки (ядерные знаки препинания), *супраграфические* (“единицы II порядка”: пробел, курсив, разрядка, шрифты и проч.), *типографские* (средства графической аранжировки текста, плоскостной синтагматики текста). Исследование Н.Л. Шубиной вскрывает закономерности развития знаков в рамках широкого подхода к пунктуации.

В этом же направлении многоаспектного описания пунктуации работает Л.М. Кольцова. В ее концепции пунктуация – это “совокупность иерархически организованных позиций, призванных обеспечивать единство текста и его частей”, она указывает пять позиций и называет три функции знаков препинания: объединение структурных единиц в смысловые блоки; указание на характер отношений между частями блоков; репрезентация явлений подтекстового, затекстового, предтекстового характера (Кольцова 2000:91). Таким образом, система в ее концепции – это сочетание позиции и функции, что продемонстрировано и в работе Б.С. Шварцкопфа. Далее Л.М. Кольцова призывает отказаться от господствующего представления о пунктуации как о дополнительной системе; автор утверждает, что мысль совершается в письме, организуется, корректируется и закрепляется письмом. И сегодня есть необходимость “по-новому определить роль графических средств в организации текста вообще и реализации его прагматической стороны в частности” (Кольцова 2000:93), то есть автор пытается придать пунктуации новый статус, повысить ее ранг в языковой системе. Пунктуация, по мнению

исследователя, это иерархически организованная система единиц, организующая текст путем объединения, членения, выделения и развертывания языковых элементов, и тем самым она воплощает представление автора о мире в виде детализованной языковой картины. Таким образом, автор также выходит за рамки предложения на следующий уровень – пунктуацию текста, где пунктуация, наряду с лексико-грамматическими средствами и порядком слов, способствует передаче замысла автора, помогает адекватно декодировать его и даже организует текст.

Однако не все исследователи склонны придавать пунктуации столь большое значение. Так, Н.Д. Голев отрицает состоятельность тезиса об определяющей роли пунктуации в процессах семантизации текста при его обычном чтении. Проведенные им эксперименты подтверждают вывод о том, что “реальное движение глазоумсли по тексту при обычном чтении осуществляется не с опорой на поверхностные параметры текста и его мелкие и частные фрагменты (что, впрочем, отмечают многие специалисты по чтению и особенно скорочтению), а с опорой на весь контекст, на смыслы целого и на механизмы речевого прогнозирования” (Голев 2005:36; Пиотровская 2004:263).

Особенно интересной пунктуационная проблематика представляется для исследователей немецкого языка, что связано с реформированием свода правил орфографии и пунктуации. Реформа, вступившая в силу с 1 августа 1998 года, вызвала многочисленные дискуссии, которые не прекращаются до сих пор. Основная цель реформы - упростить правописание. Это же требование упрощения касалось и сферы пунктуации. У. Беренс (1989) пишет, что среди немецких филологов нет единого взгляда на функции пунктуации. Споры идут также о принципе, лежащем в ее основе. Определения предлагаются разные и базируются на разных подходах: называют функцию смысловую, ограничительную,

членения, сигнальную, обозначения, сообщения, текстуальную, стилистическую, информационную. Относительными величинами при описании знаков препинания являются в интерпретации немецкой исследовательницы синтаксические конструкции. Знаки препинания как синтаксические средства могут маркировать: конец предложения; синтаксическую интеграцию по-разному структурированных единиц (оформление прямой речи); субординацию в сложноподчиненном предложении; сочинение в простом и сложном предложениях. Таким образом, в работе У. Беренс предстает традиционная трактовка пунктуации, в основе которой лежит структурное членение высказывания.

Р. Баудуш (1997) говорит о необходимости реформы и присоединяется к Международной рабочей группе по подготовке реформы (1995); она рассматривает три функциональные позиции знаков препинания: обозначение конца цельных предложений; членение внутри цельных предложений; введение высказываний, выделение слов или частей текста. Под пунктуацией Р. Баудуш понимает особую графическую подсистему в структуре орфографии, элементы которой – знаки препинания – отличаются от букв алфавита, цифр, символов и т.д. и функционируют в предложении. Хотелось бы особо отметить, что, по мнению немецких исследователей, важную роль в предложении играет предикативная структура, что следует учитывать при постановке запятой, то есть во главе угла стоит пропозиция. Предложение – это рекурсивная единица, а значит, она может иметь в своем составе другие предложения как составляющие, и эти составляющие организуются по тому же структурному принципу, что и главная единица. Р. Баудуш подчеркивает синтаксический принцип немецкой пунктуации, где знаки препинания наряду с пробелами и заглавным написанием начала предложения – самые важные графические средства обозначения границ синтаксико-семантических единиц. С их помощью можно отделить цельные,

элементарные предложения, словосочетания и слова. Таким образом, исследователь обращает внимание, прежде всего, на дистинктивную функцию знаков. Более того, с точки зрения дидактики осваивать немецкую пунктуацию следует, изучив, прежде всего, синтаксические понятия и правила. Чтобы научиться правильно расставлять знаки, пишущий должен (muss) знать такие синтаксические понятия как цельное предложение, аппозиция (приложение), инфинитивный оборот, гипотаксис, паратаксис, парентеза.

Между тем, по мнению Р. Баудуш, в настоящее время (1991), важным становится написание, оформление текста в интересах читателя, наблюдается *поворот к прагматике* высказывания, когда постановка знака становится делом пишущего, изменилась даже мотивировка: muss-правила превратились в kann-правила. Связано это с тем, что структура предложения для человека, пользующегося языком, является по сравнению с содержанием текста, менее существенной. Польский исследователь пунктуации Э. Лучиньски констатирует, что “пунктуационное членение предложения, опирающееся на синтаксический критерий, авторами текста либо не осознается, либо сознательно не учитывается. Знаки препинания все чаще начинают использоваться для указания на смысловую целостность или важность некоторых фрагментов” (Лучиньски 2004:285).

В целом, обобщая сказанное выше, можно отметить следующую тенденцию в теории пунктуации: немецкие авторы пытаются проецировать понятия и термины, разработанные в русской пунктуационной теории, на немецкую пунктуацию и находят такие соответствия².

В целом же пунктуация продолжает привлекать внимание ученых: всесторонне анализируется система знаков, изучаются их функции, позиции и назначение в разных функциональных стилях. Между тем, хотелось бы отметить, что эта система не статична, пунктуации как

² Л.В.Щерба (1983) относит эти языки к одному пунктуационному типу - “немецкому”.

языковой подсистеме свойственна динамика, и эту динамику призвана отражать кодификация. Учитывая сложность действующих правил, нормализаторы выходят с предложениями унификации правил, при этом они должны учитывать тот факт, что для осуществления коммуникации между читающим и пишущим оба должны пользоваться одним кодом. Это представляет значительную трудность в связи с полифункциональностью знаков, различным их потенциалом и функционированием в разных языках.

В русле антропоцентризма и когнитивного направления некоторые авторы эксплицитно высказываются о связи (или корреляции) пунктуационных норм с культурно – исторической парадигмой, специфичной для конкретных этносов.

1.2. Языковая и пунктуационная нормы

В языке как организованной совокупности средств принято различать две стороны: систему (структуру) и норму. Система, как известно, представляет собой целостную совокупность элементов, структура – определенную внутреннюю организацию этой совокупности. Языковая норма – это “совокупность наиболее устойчивых реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации” (ЛЭС 1990:337).

Пунктуационная норма – это норма языковая, поэтому целесообразно рассмотреть сначала понятие языковой нормы. Как известно, различают норму письменной и устной форм литературного языка, а также нормы различных функциональных стилей. “Языковая норма тесно связана с эволюцией языка и складывается из узуса под влиянием стихийных, равно как и сознательных процессов. Значение стихийных и сознательных факторов в процессе нормализации разных

уровней языка неодинаково; норма письменного языка складывается раньше нормы устного” (ЛЭС 1990:337-338).

Письменная норма исходит из признания письма вторичной знаковой системой. Обе нормы в чем-то уступают одна другой, в чем-то превосходят одна другую, а в целом дополняют друг друга. Каждый языковой коллектив заинтересован в том, чтобы структура письменной нормы не отдалялась значительно от структуры устной нормы. Этот принцип представляет собой один из важнейших динамических факторов, требующих изменений внутри письменного языка (Вахек 1967), именно поэтому периодически необходимо проводить реформы, однако реформаторы стараются не вносить радикальных инноваций. Вносимые коррективы, если учитывать определение Э. Косериу, где норма понимается как “совокупность социально принятых регулярных реализаций возможностей системы”, должны удовлетворять следующим требованиям: регулярная воспроизводимость, социальное одобрение, соответствие этого выражения возможностям системы языка (Косериу 1963).

С точки зрения проявлений стихийности и сознательности нормализационных процессов регулярную воспроизводимость можно, на наш взгляд, рассматривать как стихийный процесс, в основе которого могут лежать расширение сочетаемости языковых элементов, влияние вкуса и моды, стремление к экспрессивности речи и др. (Семенюк 1970, Лаптева 2003, Мыркин 1998 и др.). Сознательный подход к языковой норме находит свое отражение в таком свойстве нормы, как социальное одобрение.

Далее, в лингвистике различаются следующие два аспекта понятия языковой нормы: объективная (дескриптивная, онтологическая) норма и оценочная (прескриптивная, аксиологическая) норма. Объективная норма – принятая форма реализации возможностей, предоставленных системой

языка. Оценочная норма устанавливает выбор между вариантами, допускаемыми объективной нормой (Гак 1986, Селина 2003 и др.).

Эволюцию норм исследователи (Семенюк 1967, Ицкович 1967, Гак 1986, Горбачевич 1978, Селина 2003 и др.) рассматривают как процесс перехода дескриптивной нормы в прескриптивную, включающий несколько этапов: зародившись внутри одной социальной группы, изменение постепенно распространяется на всех носителей языка, начинает осознаваться ими как нормативное явление, а затем и окончательно закрепляется в системе языка посредством кодификации.

Эти исследователи выделяют в сфере литературного языка нормативное поле, состоящее из ядра и периферии. Между ядром и периферией нормативного поля располагается промежуточный слой, включающий в себя лингвистические единицы, которые претерпевают естественные процессы нормализации, а, следовательно, уже не могут однозначно оцениваться как ненормативные. Такие явления описывает дескриптивная норма, которая “в диахроническом аспекте носит перспективный характер – расширяет использование потенциальных возможностей языка, тяготеет к созданию новых образцов” (Селина 2003:12). Дескриптивная норма опирается в первую очередь на узус, производя отбор уже имеющихся речевых фактов, а также на прескриптивную норму, благодаря наличию в ее составе неравноценных вариантов (Селина 2003). Отмеченные характеристики дескриптивной нормы применимы и к пунктуации.

Разделяя позицию ряда пунктологов, мы считаем, что дескриптивной норме в применении к пунктуации свойственны:

- повышенный динамизм (функциональный потенциал знаков, их полифункциональность),
- способность к созданию новых образцов, стремление к преодолению нормативных ограничений (авторская пунктуация),

- самостоятельность в выборе одного из вариантов, имеющих в языке (факультативность знаков препинания),
- тяготение к функциональной экономии (специализация и факультативность знаков препинания, учет пунктуационной ситуации),
- зависимость от социального контекста (факультативность знаков препинания и разное их использование в разных функциональных стилях).

Отмечая наличие стихийных и сознательных факторов, влияющих на норму, можно сказать, что такие качества дескриптивной нормы, как способность к созданию новых образцов, стремление к преодолению нормативных ограничений и зависимость от социального контекста предполагают сознательное вмешательство пользователей языком в нормализационный процесс. Другие свойства дескриптивной нормы демонстрируют стихийность нормализационных процессов, что заложено в самой языковой системе.

В целом, *динамика языковых норм выглядит следующим образом:*

узус —————> дескриптивная норма (норма в процессе становления) —————> прескриптивная норма.

Что касается пунктуационных норм, то можно с уверенностью констатировать, что исследования в этой области до недавнего времени не проводились. На сегодня можно отметить лишь фундаментальный труд Б.С. Шварцкопфа и исследования его последователей: Н.Н. Ореховой и Н.Л. Шубиной. Рассмотрим основные положения о норме в концепции Б.С. Шварцкопфа.

Б.С. Шварцкопф различает нормы языковые, орфографические и пунктуационные. Языковая норма — это “закономерности реализации системных возможностей единиц определенного уровня языковой системы, фиксирующие исторически сформировавшиеся параметры

традиционного употребления единицы <...> и тем самым накладывающие ограничение на использование системных возможностей единицы” (Шварцкопф 1995:47).

Языковые нормы отличаются от орфографических: орфографические своды более устойчивы и стабильны. Орфографическая норма является нормой установленной (декретированной), в противоположность морфологическим, синтаксическим или лексико-грамматическим нормам, которые следует рассматривать в целом как реально данные, объективно имеющиеся (онтологические). Б.С. Шварцкопф разделяет точку зрения Г.Фаска и В.А. Ицковича, которые противопоставляют орфографические и языковые нормы как “установленные” и “данные в языке”. Пунктуационная норма, по мнению Б.С. Шварцкопфа, в аспекте “возникновения” устанавливается нормализационным актом (как и орфографические нормы), но в отличие от орфографической нормы, в аспекте «функционирования» постепенно формируются новые закономерности реализации системы, таким образом, пунктуационная норма выступает как заданная свойствами функционирующей системы и носит промежуточный характер. Этот промежуточный характер определяет и значимость, важность, “принятость” пунктуационной нормы в социуме. Полагаем, что в целом такой характер пунктуационных норм соответствует онтологии пунктуации как вторичной системы. Если знания индивидом орфографических норм являются ядерными и оцениваются по жесткой шкале: правильно – неправильно, то знания пунктуационной нормы относительно, многое здесь зависит от конкретной ситуации.

Б.С. Шварцкопф выделяет два типа пунктуационных норм: основной тип, связанный с членением текста, с системными признаками знаков и их соотношением с синтаксической ситуацией в контексте и дополнительный тип, который связан с учетом условий, корректирующих возможности функционирования знаков в тексте. Пунктуационные нормы

важны прежде всего для грамматических знаков пунктуации, которые “держат” предложение, то есть действие структурного принципа русской пунктуации обеспечивает ей устойчивость, обязательность и общепринятость (Шварцкопф 1995).

Охарактеризовав языковые и пунктуационные нормы в целом, перейдем к рассмотрению вопросов формирования и эволюционирования пунктуационной нормы в немецком и французском языках.

1.3. Эволюция пунктуационной нормы в немецком языке

Исследователи придерживаются мнения, что немецкий национальный язык возникает и формируется как некая наддиалектная форма, как некое койне на базе письменной литературной нормы в основном на основе восточносреднемецких диалектов лишь во второй половине XVIII века. Развитие пунктуационных норм происходит в контексте норм литературного языка. Для уяснения вопроса о становлении пунктуационной нормы немецкого языка обратимся к истории немецкого письма и пунктуации.

Первые немецкие письменные тексты написаны под влиянием латинских и греческих образцов, пунктуация в них представлена комбинациями точек. Во времена каролингов, при Алкуине (IX в.), появляются другие знаки. В ранненовонемецкий период (1350 – 1650 гг.) пунктуация, по мнению исследователей (Билинг 1880, Мозер 1971, Хехли 1981, Гарбе 1984, Баудуш 1984, Янзен-Танг 1988), из риторической системы, служащей обозначению пауз устной речи, превращается в систему знаков синтаксического членения. Использование знаков резко возрастает, складывается их специализация. Активные процессы в языке, сознательное нормотворчество М. Лютера во многом изменили облик немецкого языка. Это в полной мере относится и к пунктуации. Немецкий

исследователь Ш. Хехли выделяет три этапа в развитии немецкой пунктуации:

1. этап “латинского подражания”, который представлен в работах Н.ф.Виле (N. von Wyle 1478), Ф. Ридерера (F. Riederer 1493) и Шрифтшпигель (Schriftspiegel 1527);
2. этап, когда ученые ориентировались прежде всего на узус - существующую практику использования знаков – И. Кольрос (J. Kolrosz (1530), В. Икельзамер (V. Ickelsamer 1534), И. Затлер (J. Sattler 1617);
3. этап, представленный в работе В. Ратке (W. Ratke 1629) с различением четырех основных знаков (, ; : .) и не законченный еще и в учении И. Аделунга (J. Adelung 1782).

Далее, к концу XVIII – началу XIX вв. грамматистами-нормализаторами были сформулированы основные правила употребления языка, частично на основе наблюдений и фиксации используемых языковых явлений, но главным образом исходя из доктрины “правильности”, то есть путем сознательных усилий “улучшить” язык. Пунктуационные теории XIX в. базируются, согласно Д. Янзен-Танг, на пунктуационном учении Аделунга. Характерен отказ нормализаторов от собственных нововведений и стремление к кодификации уже сложившихся правил. В сфере пунктуации роль кодификатора взял на себя К.Ф. Беккер (1839), который, по оценке Д. Янзен-Танг, окончательно приблизил пунктуационное учение к современному состоянию. Однако позднее интерес к вопросам пунктуации снижается - так, пунктуационные правила не были предметом обсуждения орфографических конференций 1876 и 1901 гг., что свидетельствует о маргинальном статусе пунктуации и пунктуационной нормы. Пунктуационные правила кодифицируются лишь в девятом издании правописания Дудена в 1915 г. (Янзен-Танг 1988).

Дальнейшее развитие пунктуации – это уточнение и вместе с тем усложнение правил.

Исследователи немецкой орфографии и пунктуации отметили в современном немецком узусе тенденции, которые противоречат действующим правилам. Задача филологов - приспособить языковые нормы к изменившейся языковой действительности. Немецкие орфографические нормы - это нормы установленные, кодифицированные, предписывающие и обладающие высокой степенью инвариантности (Вульф 2003:10).

Сегодня нарастающая вариативность языковых знаков предоставляет пользователям языка возможности выбора. Язык становится более мобильным, чутко реагирующим на ситуацию общения. Это касается в полной мере и пунктуации. Вопросы пунктуации (и заглавные написания) всегда были самыми спорными проблемами немецкого правописания. Демократичность реформы 1998 – 2005 гг. состоит в том, что теперь нет жесткого диктата, правила стали носить рекомендательный, поясняющий характер. В немецком языке изменилась установка: *muss*–правила превратились в *kann*–правила. Связано это с процессами демократизации языка в целом, глобализации, экспансией английского языка, когда в культуру входит новый, более свободный тип поведения, появляются новые способы передачи информации, взаимодействие различных культур расширяется.

Таким образом, пунктуационная норма немецкого языка на современном этапе становится более “мягкой”, она уже не декларированная, предписывающая, а скорее дескриптивная, описывающая, то есть ей сегодня свойственны названные выше дескриптивные характеристики.

В целом, для немецкого языка динамика пунктуационной нормы выглядит следующим образом: узус (XV - XVI вв.) ----

дескриптивная норма (XVII – XVIII вв.) ---- прескриптивная норма (XVIII - XX вв.) -----дескриптивная норма (современный этап).

Можно констатировать, что это - естественный процесс смены норм. Узус складывается стихийно в результате многовековой практики. Такая узуальная норма, по словам Г. Фаска, является не сознательным декретированием обязательных правил, а конкретной реализацией системы языка, и определяется лишь внутренними, относительно самостоятельными закономерностями этой системы (Фаска цит. по: Шварцкопф 1988:133). Впоследствии узуальное сознание постепенно отмирает, когда развивается грамматика. М.В. Каравашкина рассматривает отношения нормы и узуса как отношения преемственности. Она утверждает, что в основе нормы лежит, с одной стороны, “объективный разум”, с другой стороны, - образцовый текст, узус. Норму и узус можно противопоставить лишь по принципу осознанности – неосознанности (Каравашкина 1999:111).

Следующий шаг в развитии норм – это дескриптивная норма. Она оформляется также стихийно, как узус, что соответствует начальному этапу развития грамматики. Незафиксированность в академических изданиях обуславливает, согласно И.А. Селиной, ослабленную императивность дескриптивной нормы, ее недостаточную осознанность языковым коллективом и относительную нестабильность (Селина 2003).

Итак, немецкие пунктуационные нормы традиционно относят к регламентирующему, строго установленному типу пунктуации, которому чужда вариативность. На основе проведенного анализа теоретических источников мы попытались выявить факторы, которые способствовали становлению такой прескриптивной, регламентирующей нормы. К факторам, обусловившим предписывающий характер немецких норм в XVIII - XX вв. можно отнести целый комплекс внешних и внутренних факторов.

- 1) Становление языкового единства проходило в Германии на фоне борьбы между севером и югом (Nerius 1967). Несмотря на то, что положение восточносредненемецких диалектов в качестве нормативной базы было в XVIII веке неоспоримым, представители южных областей Германии пытались решить вопрос “правильного языка” в свою пользу. Результат борьбы – единственное решение, носящее декларативный, устанавливающий порядок.
- 2) Отсутствие единого политического центра, регулирующего и способствующего становлению единой языковой нормы, привело к тому, что ученые-грамматисты стали сознательно стремиться к выработке единых требований, обязательных для всех.
- 3) Особенности менталитета немецкого народа, главный концепт которого “Ordnung” (порядок) предполагает дисциплину, упорядочение всех сфер жизнедеятельности общества (Вежбицкая 2001).
- 4) Внешние воздействия, а именно: влияние *классического* латинского языка, с многовековыми традициями; с XVII века - влияние французского языка, который рассматривали как совершенный язык, четко организованную систему, обеспечивающую все потребности общения, общепринятую систему и потому составляющую норму саму по себе (Щетинкин 1984). Эти языки были непререкаемыми эталонами для подражания.
- 5) Рационалистическая регламентация языка. Период с конца XVIII – начала XIX вв. характеризуется закреплением норм немецкого литературного языка. В нормализации преобладают не столько стихийные, как в предыдущие эпохи, сколько сознательные процессы. Формулируя правила, грамматисты в качестве критериев нормы называли правильность, чистоту, простоту и ясность. Добиться этого можно было лишь исключением многочисленных вариантов.

6) Предписывающих норм требовало и решение спора среди ученых о том, что должно лечь в основу норм литературного языка: узуральное употребление лучших современных писателей (Voß, Klopstock, Gottsched) или узуральное употребление языковых единиц, принятое в образованном высшем сословии и в определенном ареале (Adelung).

Возвращаясь к динамике пунктуационных норм, попытаемся выяснить, чем обусловлен современный переход прескриптивной нормы немецкого языка в дескриптивную. Это и стихийные, и сознательные нормализационные процессы: демократизация языка, влияние английского языка с более свободной пунктуацией, новые функции пунктуации в связи с развитием компьютерной парадигмы и разная степень строгости норм или, по В.В. Виноградову, “неодинаковая крепость нормы”. К.С.Горбачевич обуславливает разную степень жесткости прескриптивной нормы внутренними механизмами функционирования языка, он утверждает, что “оценочная сторона нормы в сущности является вторичной, производной от регулярно реализуемых возможностей языковой системы. Оценка фактов не только не остается постоянной, но и обычно следует в направлении изменяющегося узуса ” (Горбачевич 1978:46).

Таким образом, изменение норм – это непрекращающийся процесс, при котором происходит постоянное количественное накопление изменяющихся языковых фактов, заканчивающееся качественным изменением в норме, ее обновлением, что мы и наблюдаем на современном этапе.

1.4. Развитие пунктуационной нормы во французском языке

Для уяснения магистральных путей развития французской пунктуации обратимся к вопросам становления пунктуационной нормы во

французском языке. В современной лингвистике известны три подхода к вопросам нормы: пуризм (осуждение любых отклонений от установленной литературно-книжной нормы), лаксизм (“послабление”, принятие любых нарушений нормы, любых форм языка) и рациональное объяснение (просвещение носителей языка). Последняя позиция, по мнению В.Г. Гака, наиболее приемлема, и именно ее придерживается большинство грамматистов в настоящее время.

Французский язык, по оценке В.Г. Гака, принадлежит к *сильнонормированным* языкам; современная норма в целом была установлена в XVII веке и *постоянно поддерживалась писателями, официальными инстанциями, школой*.

Если грамматисты XVI века описывали грамматический строй языка, то их коллеги в XVII веке стремились объяснить его. И сразу же выявились два противоположных направления: нормативное и рациональное. Основой норм, с точки зрения выдающихся теоретиков языка XVII века Ф.Малерба и К. Вожла, стал “*bon usage*” - *речевая норма придворных кругов*, наиболее образованных слоев парижского общества.

Вопросы языковой политики активно обсуждались в обществе. С одной стороны, грамматисты, поддержанные большинством писателей, салонами и Академией, пытаются “обуздать язык”, очистить его, провести разграничение его функций и значений. С другой стороны, писатели-классики стараются создать гибкий язык, придать ему такие качества, точность и ясность (Доза 1956). Благодаря этим усилиям французский язык достиг такого совершенства, что впоследствии с ним можно было только сравниться, но не превзойти его (Доза 1956, Будагов 1980, Щетинкин 1984). Немалую роль сыграла при этом сознательная установка грамматистов и салонов, которые стремились упорядочить все сферы языка, забывая при этом что, кто живет, тот изменяется. Грамматисты и

салоны договариваются упразднить все новое, а Академия им подражает. Это триумф консервативных сил (Brun 1957).

Во второй половине XVII века возникает новое направление в развитии грамматической мысли. Если, начиная с XVI века в основу изучения языковых норм был положен чисто эмпирический критерий (usage), то с развитием рационалистической философии выдвигается новый критерий – разум (грамматика Пор-Рояля 1660).

Однако вопросы пунктуации не стали объектом изучения этих направлений. Полагаем, что в формировании “французского” типа пунктуации также имел место целый комплекс причин - как внутриструктурного, так и социокультурного, и исторического характера:

- *Работа над лексикой, словарем* стояла во главе угла - учеными решался вопрос “обогащения” языка для того, чтобы показать, что французский язык способен быть (наряду с латынью) средством общения во всех сферах деятельности социума. Только богатый язык мог соперничать с таким мощным, имеющим прочную традицию языком, каким представлялся в то время латинский – средство интернационального научного общения. Именно поэтому *работа над языком* понималась, прежде всего, как *работа над отдельными словами* (Будагов 1980).

- Не последнюю роль сыграл и сложившийся вследствие сплоченности синтаксических групп “прогрессивный” (Гак 1977, Шигаревская 1975, Сергиевский 1988) порядок слов³. В соответствии с таким порядком следования компонентов знаки отделяют/выделяют лишь компонент, занявший не свою позицию. М.В. Сергиевский считает, что такой строгий синтаксис соответствовал общему духу эпохи с ее централизацией и подчинением авторитету. Нарушать же твердофиксированный порядок

³ Фиксированный порядок слов утвердился во французском языке в конце XV века (Общее языкознание 1970: 301).

слов – этот “эстетический идеал” эпохи - считалось плохим стилем (Сергиевский цит. по: Березин 1988:47).

- В.Г. Гак (1983), В.Г. Адмони (1972), Л.Г. Веденина (1988) отмечают *роль аналитизма французского языка*, когда неизменяемость формы слова приводит к тому, что в предложении слово выступает в окружении служебных слов – актуализаторов, благодаря которым и происходит связывание элементов. Знаменательное слово образует со своими служебными словами единое синтаксическое целое, единую ритмическую группу, формируя особое морфолого-синтаксическое единство – “синтаксическую молекулу”, по терминологии Ш. Балли. В такой молекуле представлен богатый арсенал языковых средств и связей (детерминативы - *un, le*; выделительные частицы – *donc, précisément*; отделители – *quant à moi, pour moi, en ce qui me concerne, pour ce qui est de moi*; самостоятельные местоимения наряду с существительными – *Pierre, lui, est venu*; повторы, многозначные союзы и союзные слова). Выступая в единстве, все эти средства приводят к тому, что внутри синтаксической группы возникает *грамматический плеоназм*, так что использование знаков препинания становится вроде бы и ненужным.

- Тесно связана с вышеназванным фактором и социокультурная среда, в которой транслируются отношения между людьми (Ворожцова 2000). Письменный текст, дискурс как отражение устной речи, в сущности своей диалогичен. Согласно И.Б. Ворожцовой, для французского общества типична Ты-ориентация в диалоге, для которой характерно дублирование форм и способов информирования: “Я знаю и сообщу другим”. И.Б.Ворожцова отмечает во французском языке стремление к одному синтаксическому субъекту, вокруг которого выстраиваются все остальные синтаксические группы. Оно отражает тенденцию быть эксплицитным для собеседника, не рассеивать его внимание, задать структуру текста таким

образом, чтобы уже в самом начале были обозначены ситуативные опоры (кто, что, когда, где). И снова знаки препинания кажутся излишними.

- Союз *que*, от которого происходят почти все французские союзы, выступает как универсальное средство подчинительной связи⁴. Союзы и союзные слова, наряду с различными связующими словами (*serpendant*, *alors*, *en effet*), местоимениями и гиперонимами являются важнейшими средствами связи предложений в сверхфразовом единстве (Гак 1977). Примечательно в этом отношении исследование Л.Г. Ведениной, посвященное функционированию современного французского предложения в речи. Проанализировав различные пунктуационные модели, она приходит к выводу, что пунктуационные знаки и союзы функционируют в предложении параллельно – знаки отмечают границы сегментов, показывая, что связывается, а союзы квалифицируют связь между сегментами, определяя, как они связываются (Веденина 1991).

- Во французском языке в качестве дополнительного средства связи частей сложного предложения выступают формы глагола. Проявляется сильная взаимосвязь между глагольными формами и союзами: после некоторых союзов обязательно употребление одних наклонений и времен и неупотребление других.

Таким образом, эта, сложившаяся уже к XVII веку, система синтаксической организации, включающая прогрессивный порядок слов и совокупность лексико-грамматических средств, оказалась самодостаточной для выражения всего богатства мыслей, чувств, смыслов, а пунктуационные знаки оказались в маргинальном положении, в определенной мере плеонастическими. Полагаем, что так называемый “французский тип пунктуации”, отличный от структурно-

⁴ “Во французском языке, - пишет Ш.Балли, - *que* стремится превратиться в частицу, пригодную на все случаи жизни” (Балли 1961: 104).

ориентированного (русский, немецкий языки) в основном сформировался уже к концу XVII века⁵.

Как известно, пунктуация развивается параллельно с орфографией, а нормы орфографии складываются медленно. Орфография (и графика) являются тем уровнем письменного языка, который подвергается воздействию со стороны общества, так как свод орфографических правил устанавливается и регулируется законодательно. Во французской письменности попытки реформирования, усовершенствования правописания были предприняты в 1904, 1967, 1974, 1990 гг., однако вопросы пунктуации не стали предметом обсуждения, что мы связываем с самим характером норм орфографии и пунктуации, когда орфографические нормы являются строго обязательными в отличие от пунктуационных. Во французской же орфографии более актуальным является вопрос унификации правописания, которое все еще сохраняет черты, сформировавшиеся в XVIII веке, пунктуация же остается вне приоритетного внимания нормализаторов.

Таким образом, для **французского языка** можно констатировать следующую эволюцию пунктуационной нормы: развившись из узуса XVII века, впоследствии она стала дескриптивной, описывающей, нежесткой. Такое положение дел сохраняется с XVII века по сей день.

Причина такой “застывшей” динамики обусловлена на наш взгляд следующими фактами.

- Во Франции уже в XVI веке четко осознается превосходство региосоциолекта столицы и двора как центра нации и формируется понятие национального языка.

- В XVII веке Франция стала самым влиятельным государством Европы; совершившееся национальное объединение следствием имело

⁵ По мнению Л.Г. Ведениной, стабилизация французской пунктуации, как и орфографии, имеет место только в XIX веке. Согласно Н. Каташ, система пунктуации сложилась раньше, в XVIII веке.

бурное развитие культуры, литературы, науки. Французский язык стал эталоном, образцом, которому следовало подражать.

- Значительную роль сыграла языковая политика государства. Во второй половине XIV в. появляются первые трактаты по риторике и грамматике (Шишмарев 1955); в первые десятилетия XVI века, наряду с традиционными уже университетами и школами, стали открываться новые учебные заведения – коллегии; 1530 г. – была основана гуманитарная школа Коллеж де Франс; 1635 г. - создание Французской Академии, где активно занимались вопросами языка и нормы (Смирнов 2001).

- Не последнюю роль сыграли такие черты французского менталитета, как верность традициям, истории народа, прошлому, стремление к демократии, свободе личности⁶.

- Существенным фактором явился и классицизм, который достиг своего совершенства именно во Франции. В рамках этого литературно-художественного направления разрабатывалась строго регламентированная иерархия литературных жанров, устанавливались точные границы каждого жанра, его особенности, утверждался приличествующий каждому жанру язык и герои, ибо образцовые произведения каждого жанра, по мнению классицистов, были созданы в далеком прошлом и для новых времен *оставалось лишь строго следовать найденным раз и навсегда идеальным образцам* (Артамонов 1973).

Таким образом, исследователи-романисты (Доза 1956, Аллендорф 1959, Гак 1977, Будагов 1980) считают, что если в XVII веке основной задачей теоретиков было изучение языковых явлений и установление норм употребления литературного языка, что дало блестящие результаты в произведениях писателей-классиков XVII века, то в XVIII веке установилось мнение, что в произведениях классиков французский язык

⁶ Во Франции раньше, чем в других европейских странах, были признаны права человека и гражданина, возникла республика, сложилась многопартийная система (Смирнов 2001:6).

уже достиг своего совершенства, а задача теоретиков заключается в том, чтобы сохранить язык на достигнутом уровне (Brun 1957, Аллендорф 1959). В этот период было отвергнуто изучение языка на основе его живого употребления и был утвержден принцип разума. Логика стала довлеть над языком, это приводило к тому, что явления, связанные с развитием языковой системы, часто рассматривались как случайные, а явления пережиточные фиксировались как незыблемые. И как следствие этого мы наблюдаем сегодня достаточно сложную французскую орфографию и пунктуацию, “законсервировавшие” черты минувших эпох.

Выводы по первой главе

Когнитивная деятельность человека усложняется по мере развития общества, как следствие этого видим возросший объем информации и перераспределение функций вербального и невербального компонентов оформления письменного текста. Развитие компьютерной парадигмы в науке влечет за собой формирование новых способов осуществления коммуникации между представителями разных социумов. Все эти изменения отражаются и на такой языковой подсистеме, как пунктуация.

На современном этапе можно констатировать, что в пунктуации многих европейских языков происходит изменение принципов пунктуации – на первый план выходит коммуникативно-прагматический принцип пунктуации. Автор сам выбирает тактику оформления своего письменного сообщения. Так, если вплоть до 80-х гг. XX в. немецкие исследователи пунктуации признавали ведущим синтаксический принцип пунктуации, а в трактовках исследователей французской пунктуации доминировал интонационный и семантический подходы, то к концу XX столетия все больше исследователей признает единый принцип для разноструктурных

языков – коммуникативно-прагматический (Mentrup 1983, Baudusch 1997, Catach 1994, Веденина 1991).

Сегодня пунктуация – это не просто свод правил употребления знаков препинания, а целая подсистема, часть графики, которая “обслуживает” в языке два уровня: уровень предложения и уровень текста, более того, она выходит за пределы языковой системы в виртуальную реальность (гипертекст и особенности его развертывания). В связи с выходом исследований в область текста, дискурса, пунктуацию стали рассматривать как особое текстоорганизующее средство, особый информационный канал, который подчиняется стратегии смыслового свертывания и развертывания текста (Шубина 2000, Орехова 2000, Кольцова 2004).

Мы также считаем, что необходимо в целом подчеркнуть полевой характер пунктуации, которой на сегодня свойственны вариативность, полифункциональность, смещение акцентов, когда изменяется сам характер норм. Если в свое время Л.В. Щерба выделял “немецкий и французский” типы норм, то сегодня в связи с активными процессами в обществе и языке, происходит процесс модификации этих типов норм, их сближение. Не последнюю роль в этих изменениях играет и промежуточный характер пунктуационной нормы, которая установлена кодификационным актом, однако в процессе функционирования реализует новые возможности системы.

Исследователями признается функционально-адаптивный характер пунктуационной системы, что позволяет отражать динамические языковые процессы, происходящие в социуме. На первый план выходит пользователь языка, что связано с изменением лингвистической парадигмы, ему предоставляется больше свободы в выборе знака, в оформлении своего текста. Главный критерий – удобство для пользователя (Benutzerfreundlichkeit). Анализ исследований, посвященных пунктуации

рассматриваемых языков, свидетельствует и об общих тенденциях в развитии пунктуационных систем, и о своеобразии каждой, что обусловлено спецификой развития конкретного языка, этноса, его сознания.

Пунктуационным нормам как языковым нормам свойственна динамика, что наблюдается в немецкой и, в меньшей мере, французской пунктуационной норме. В целом, развитие пунктуационных норм обусловлено целым комплексом внешних и внутренних факторов.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ПУНКТУАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. К истории теоретического осмысления пунктуации в немецкой грамматической традиции

XV - XVI вв. – это эпоха масштабных социокультурных изменений (изобретение книгопечатания, возросшая грамотность всех слоев населения). В это же время предпринимаются первые попытки теоретически осмыслить сложившиеся к данному моменту пунктуационные традиции – появляется целый ряд пунктуационных учений: Н. фон Виле (N. von Wyle 1462), Нитарт (H. Nythart 1486), Ридерер (F. Riederer 1493), Кольрос (J. Kolrosz 1530), В. Икельзамер (V. Ickelsamer 1534), О. Фукспергер (O. Fuchszperger 1542). Рассмотрим пунктуационные учения наиболее известных авторов.

В 1462 г. появляется первая теоретическая работа - пунктуационное учение Н. фон Виле. Он указывает на три принципа, лежащие в основе пунктуации - она должна членить письменный текст *синтаксически* и с точки зрения *смысла*, чтобы облегчить *чтение текста вслух*.

Автор выделяет два типа знаков, назовем их смысловые (Sinn- und Pausenzeichen) и интонационные (Ton- und Schriftzeichen). Эти две группировки знаков автор вводит ввиду понимания пунктуации как сферы, находящейся между двумя полюсами: риторикой и грамматикой, когда, с одной стороны, знаки препинания маркируют паузы, связанные с содержанием текста, с другой стороны, проясняют логико-грамматическое построение текста.

К смысловым знакам Н. фон Виле относит Strichlin (/) – знак, который разделяет слова и словосочетания («orätzen») с незавершенным

смыслом. В иерархии знаков это самый слабый знак. Virgel (:) отделяет часть с незавершенным смыслом, за которой должно последовать что-то еще (знак соответствует современной точке с запятой). Punct (.) фиксирует законченность мысли. Далее Н. фон Виле упоминает peryodus (;) - знак, конкурирующий с точкой – он указывает на конец относительно законченного отрезка.

Следующая группа знаков представлена вопросительным знаком и скобками, употребление которых было характерным для существовавшего тогда узуса.

Таким образом, уже в первом пунктуационном учении проявляется разнонаправленный характер пунктуации, что отражается в выделении двух групп знаков: смысловых и интонационных. Очевидно, данная система, была разработана на основе латинской грамматической теории (использование латинских терминов, перенос риторического понятия «период»). Таким образом, уже ко второй половине XV века складывается иерархия знаков: виргула (Strichlin), далее двоеточие (Virgel), и точка (Punct) или точка с запятой (Peryodus).

Между тем, система Н. фон Виле не получает широкого распространения, знаки используют нерегулярно, часто только написание следующего слова с прописной буквы служит обозначением границ в тексте.

Пунктуационный раздел содержится и в первой немецкой грамматике В. Икельзамера (1534). Согласно автору, знаки упорядочивают речь и проясняют для читателя и слушателя ее смысл. Автор близок к риторическому пониманию назначения пунктуации. Исходным пунктом учения является понятие периода. Период рассматривается как полное предложение, состоящее из двух компонентов: *коммы (/)* и *колы (:)*. Между этими компонентами периода в немецком языке, по свидетельству автора учения, не делают различия и поэтому их разделяют при помощи косой

черты (virгулы), она является знаком внутреннего членения периода. Аналогично virгуле используют *двоеточие* (видимо, поэтому сам Икельзамер не пользуется в своем пунктуационном учении двоеточием вообще). *Точка* обозначает конец периода, однако в этой же функции может выступать и универсальный в XV-XVI вв. знак – *virгула*. Таким образом, можно говорить о следующих зонах функционирования знаков: двоеточие – знак внутреннего членения, точка – конечный знак, virгула – универсальна, она может выступать и во внутрифразовой, и во фразоконечной позиции. Икельзамер объясняет употребление скобок (в них заключен иной смысл) и вопросительного знака (маркируются прямой и риторический вопросы, они сопровождаются повышением тона). Знаки препинания автор соотносит с паузами устной речи, традиционным риторическим учением.

Авторы других учений (Ридерер, Кольрос) используют в целом аналогичный набор знаков, предлагают интонационно-риторический подход к пунктуации, однако мы констатируем неустоявшуюся еще (часто латинскую) терминологию, различную конфигурацию знаков, возможность взаимозамены знаков, их недифференцированное употребление, включение в сферу пунктуации дефиса, апострофа, знака переноса слова.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в течение XV-XVI вв. происходит селективный отбор и закрепление наиболее регулярных однозначных реализаций пунктуационной системы из множества вариантов. В пунктуационных разделах кодифицируются *точка* или период как знаки конца предложения; *virгула* как универсальный знак середины предложения членит крупные и малые части и маркирует паузы устной речи; во фразоконечном положении virгула конкурирует с точкой; начало предложения графически усиливается использованием заглавной буквы (на регулярной основе); с середины XV

века кодифицируются *вопросительный знак* и *скобки*. Главное назначение пунктуации – передача на письме просодики устной речи. Пунктуационные знаки, в целом, соответствуют паузам устной речи и служат разделению завершенных и незавершенных частей высказывания, то есть в исследуемый период при рассмотрении пунктуации прослеживается ориентация на интонационно-риторическую основу.

Наличие вариантов и колебаний, совпадение функциональных зон знаков, различия в конфигурации и наименовании знаков, разнообразие знаков – все это характерно для раннего этапа развития системы. Исследователи признают вспомогательный характер знаков препинания, которые помогают правильно писать, читать и понимать (Н. фон Виле).

Новый виток в развитии пунктуации - пунктуационное учение А.Мануция (середина XVI в.), которое оказало влияние на все европейские языки. Однако и в это время о регулярной системе использования знаков говорить не приходится. По мнению исследователей (Билинг 1880, Хехли 1981, Гарбе 1984, Баудуш 1984, Янзен-Танг 1988), из риторической системы, служащей обозначению пауз устной речи, пунктуация постепенно превращается в систему знаков синтаксического членения. Использование знаков резко возрастает, начинается их специализация, однако о норме говорить еще не приходится. Так, В. Хензен констатирует, что во второй половине XVI века в Германии было, по крайней мере, пять разных “языков” печатников (Nerius 1967).

2.2. Немецкая пунктуационная теория в XVII – XVIII вв.

XVII - XVIII вв., по оценке М.М. Гухман, это время, когда деятельность грамматистов была направлена на выработку единой нормы. Для XVII века норма – это рациональное начало, вносимое в язык сознательным усилием образованных людей (Гухман 1959). Первые

немецкие грамматики появились в XVI в. и были написаны, в основном, на латыни. XVII в., по словам исследователей, приносит качественные изменения: появляются грамматики на немецком языке, в них прослеживается большая независимость от строя латинского языка, отражается активное сознательное стремление грамматистов на основе языкового узуса лучших писателей и ученых дать свои рекомендации для всех уровней языка в целях унификации образцового немецкого литературного языка и популяризации его как средства всеобщей письменной и устной коммуникации (Спиридонова 1963, Кусова 1975).

Впервые в XVII в. в Германии встает *проблема языковой нормы*, что не в последнюю очередь связано с влиянием европейского философского рационализма. Кодификационная деятельность филологов XVII в. протекала в различных направлениях, и усилия нормализаторов касались различных сторон языковой системы и языкового употребления (Гухман 1984). Не осталась вне внимания филологов и пунктуация. Так, Б. Гарбе (1983) приводит список пунктуационных учений, вышедших в XVI-XIX вв., из них 16 вышло в исследуемый период.

Рассмотрим пунктуационные учения XVII в. с точки зрения назначения пунктуации, корпуса знаков в целом.

Исследователь Д. Янзен-Танг придерживается мнения, что с середины XVI в. можно говорить о принципиальном дуализме в отношении к немецкой пунктуации, когда на смену риторическому принципу постепенно приходит понимание синтаксического обоснования пунктуации (Jansen-Tang 1988).

Такое дуалистическое понимание пунктуации находим уже в работе И. Затлера (Sattler 1607). Он относит пунктуацию к орфографии и выделяет пять знаков. Влияние латыни не ослабевает и в этом столетии - исследователи пользуются латинскими терминами, сопоставляют немецкую и латинскую пунктуационную практику. Автор продолжает

традицию, начатую Н. фон Виле, различая две группировки знаков: смысловые и интонационные.

Затлер выделяет три смысловых знака: 1) виргула (/) - она употребляется после незавершенной части высказывания (после одного или нескольких слов), то есть знак соответствует минимальной синтагме; 2) Duopuncta (:) ставится после большой и завершенной части высказывания, то есть двоеточие – знак деления периода; вторая функция двоеточия – предупреждение о последующем перечислении; 3) точка ставится в конце полного завершенного предложения, таким образом, автор четко дифференцирует знаки внутрифразовые и межфразовые.

Автор выделяет также два интонационных знака: скобки и вопросительный знак. Его система предельно проста, базируется на риторическом критерии завершенности/ незавершенности смысла. Влияние латинской грамматики чувствуется в терминологии, однако полагаем, что на смену риторической основе пунктуации, когда знаки соответствуют паузам устной речи, постепенно приходит семантика, смысл, логика.

Систему Затлера сменяет учение В. Ратке (Ratke 1629), который отказывается от привычного уже деления знаков на смысловые и интонационные и вводит новую систему: он различает знаки движения (der Bewegung) и знаки частей (der Teile). Снова чувствуется сильное влияние латыни: немецкому тексту сопутствуют обширные фрагменты на латыни; автор пользуется понятиями, заимствованными из риторики. Так, знаки членят период, где период – это совершенное изречение, в полной мере законченное, заключенное между двумя точками. Члены периода – коммата и кола. В применении к немецкому тексту коммата (незавершенная часть высказывания) отделяется при помощи запятой (Ратке не пользуется виргулой), кола употребляется, как правило, в середине периода и маркируется при помощи двоеточия.

Далее Ратке вводит новый знак для немецкой практики – точку с запятой, которая в иерархии знаков стоит между запятой и двоеточием, об этом пограничном положении свидетельствует и название знака – *Mittelzeichen*. Точка с запятой употребляется для различения отдельных незаконченных суждений, может выражать противопоставление, однако вместо нее можно употреблять двоеточие, запятую, то есть пока не приходится говорить о какой-либо строгой дифференциации знаков.

В заслугу Ратке поставим еще один новый кодифицированный знак – восклицательный знак, который выражает удивление или пожелание. Знаки препинания, на взгляд Ратке, передают интонацию устной речи. Ратке пытается выстроить стройную, четкую систему, где ясно прослеживается иерархия знаков – от запятой (самый слабый знак), до точки (*Beschlusszeichen*). Однако это ему не вполне удастся, во многом вследствие его нетрадиционной терминологии (*Bewegungszeichen*, *Gliedzeichen*, *Mittelzeichen*), сильного влияния латинской традиции. При изложении своей работы Ратке пользуется лишь четырьмя знаками: 1) точкой – маркирует конец предложения; 2) точкой с запятой и 3) двоеточием – обозначают границы крупных частей периода, пояснение, ввод примеров; 4) запятой – маркирует разного рода предикативные единицы, однородные члены, разного рода уточнения. Таким образом, уже прослеживается определенная иерархия, формируются ядерные функции точки, двоеточия и запятой, которые сохраняют свою значимость до современного этапа.

Под сильным влиянием Ратке написана работа Х. Гвейнца (*Gueintz* 1641). Назначение знаков автор видит в *обеспечении лучшего понимания написанного*. Точка ставится в конце законченного смысла. Некоторый регресс, по сравнению с Ратке, мы видим в том, что Гвейнец вместо запятой снова обращается к virgule, хотя она “на фоне большого количества вертикальных графов обладает меньшим дистинктивным потенциалом”

(Орехова 2000:21). Использование virguly можно, вероятно, объяснить активной деятельностью языковых сообществ, стремящихся изгнать все чужеродное, сохранить свое идиоэтническое своеобразие на основе стремления к языковому единству, обращения к своему историческому прошлому.

Гвейнц кодифицирует отмеченный ранее (реальное употребление знаков у Ратке) функциональный рост двоеточия, которое используется не только в почти законченной части высказывания, предполагающей какое-то продолжение и долгую паузу (в притчах), но и если приводится обоснование, или вводится пример на правило. При разделении или противопоставлении внутри периода наряду с двоеточием можно использовать и точку с запятой, однако сам Гвейнц признается, что этот знак в немецком языке не употребляется. В немецком же языке вместо точки с запятой можно использовать virgulu, после virguly следует писать прописную букву: Gottes gebot halten/ Das ist ein reich opfer (Gueintz 1641). Автором традиционно трактуется употребление virguly: она различает слова в ясной, но незаконченной речи. Еще один традиционный знак – скобки, которые выступают в двух разновидностях: () и /: :/.

В целом же в своей работе Гвейнц оперирует критериями завершенности/ незавершенности смысла, то есть следует риторическим традициям.

Следующую попытку осмысления пунктуации предпринимает Г.Харсдёрфер (Harsdörffer 1647), который рассматривает *пунктуацию как часть орфографии*, без которой было бы трудно понять написанное. Автор рассматривает знаки как пограничные сигналы, которые сообщают, что к чему относится, что должно быть отделено, выделено. Автор говорит о том, что, если писатели и корректоры стремятся к “превосходному немецкому языку”, то они должны (“muessen”) прилагать больше усилий к

оформлению своих текстов при помощи знаков пунктуации. Уже здесь проявляется императивный характер нормализационных требований.

Выше отмечался омографизм виргулы, которая могла замещать двоеточие, точку, точку с запятой. Харсдёрфер говорит о необходимости разграничения виргулы и точки с запятой. Такое различие, согласно Харсдёрферу, уже использовали некоторые издатели, однако точка с запятой была еще новым знаком для немецкой пунктуационной практики. Харсдёрфер регистрирует дальнейший рост функционального потенциала виргулы, которая служит для:

- разделения однородных членов “разделение компонентов”: Kein Prophet/ und kein Poet gilt in seinem Vatterland (Harsdörffer 1647) ;
- ввода пояснения: die zukuenfftige Zeit ist eine Raethsel /ich will sagen/ eine Geheimniß/ welche wir mit Nachsinnen aufloesen wollen (Harsdörffer 1647);
- для внесения ясности, когда надо четко показать синтаксические связи, отношения: Er hat solche Thaetlichkeit/ freventlich/ veruebet (Harsdörffer 1647). В данном случае автор считает виргулы лишними знаками и предостерегает от их неправильного использования. В приведенном автором примере по всей вероятности имеет место графическое акцентирование важного смыслового момента - выражение негодования.

Далее Харсдёрфер описывает функции точки с запятой, которая, в интерпретации автора, несмотря на свою новизну, является полифункциональным знаком. Так, точка с запятой разделяет компоненты в кратких притчах, аллегориях: Wie die Lockvoegel andere/ in ihrem Gefaengniß/ zum Verderben ruffen; also verfuehren die Boesen den einfaeltigen Juengling (Harsdörffer 1647). Знак употребляется на границе двух частей периода, что связано с интонационным переломом, а в смысловом отношении – с выводом.

Следующая функция точки с запятой – разделение рядов однородных членов: Du hast an mich geschrieben Gutes und Boeses; Neues und Altes; die Luegen und die Wahrheit: wer es glaubt/ muß sich betrogen finden (пары однородных членов составлены по контрасту, двоеточие предупреждает о выводе, следствии).

Постановку точки с запятой автор связывает с иерархией знаков - точка с запятой производит дальнейшее членение предложения, если в нем уже есть двоеточие: Man soll in Unglueck nicht zusehr trauren; wie die Heyden/ so keinen Trost haben: In Glueck sich nicht zusehr freuen; wie die Weltkinder/ die ihres Gottes vergessen; ja vermeinen/ es muesse ihnen alles/ nach Wunsch/ hinausgehen (Harsdörffer 1647). Как можно заметить, сопоставляются две части периода, контрастные по смыслу; граница между этими относительно самостоятельными частями маркируется двоеточием; точка с запятой вводит сравнения, достаточно распространенные, содержащие в себе еще более мелкие части, которые маркируются при помощи virguly.

Таким образом, назначение точки с запятой автор видит в более четком, резком отделении, чем virgula. Как поэт, Харсдёрфер предостерегает своих соратников по перу от таких длинных, пространных построений, ибо они препятствуют пониманию, воспринимаются с трудом.

Двоеточие, в интерпретации Харсдёрфера, связывает целое высказывание, состоящее из нескольких частей, каждая из которых имеет “свой” глагол или дальше следует указание причины: Ich ward gefragt/ wie viel ich Jahre auf mir haette? Ich antwortet: (1) keine: (1) dann/ sagte ich/ (2) die ich gehabt/ habe ich nicht mehr; (3) die ich aber noch bekomme/ oder erleben werde/ sind noch kuenftig und ungewiß: (4) gestalt mir und allen Menschen der Tod / auf dem Fuß/ nachfolget (Harsdörffer 1647). Двоеточие (1) отграничивает, выделяет прямую речь, которая состоит из одного слова – отрицательного местоимения; такое выделение мы считаем оправданным,

чтобы избежать неясностей (Ich antwortet keine – я не ответил; anwortet keine dann – потом не ответил). Однако двоеточие как сигнал ввода прямой речи еще не кодифицировано, на месте двоеточия в этой функции может использоваться virgula (2). Точка с запятой (3) производит, в соответствии с требованиями автора, более четкое деление, чем virgula, внутри части периода. Двоеточие (4) обозначает не столько причину, сколько следствие, вывод; причина содержится скорее в первой части периода (sind noch kuenftig und ungewiß).

Двоеточие может также служить выражением сильной эмоции: Die Soldaten machen aus Freunden Feinde: (1) sie fluchen; (2) weil sie den Fluch mit sich bringen/ und verflucht sind: (1) sie suendigen/ und straffen der Boesen Suende (Harsdörffer 1647). Двоеточие (1) указывает на дальнейшее следствие, причиной которого стало нечто необычное (вот откуда, на наш взгляд, “сильная эмоция”). Точка с запятой (2) используется в соответствии со своим рангом в иерархии знаков, кроме того, в следствии также еще чувствуется “сильная эмоция”.

Двоеточие используется и в рассказе, состоящем из нескольких частей: Das Haus/ welches sie vor Kaelte/ Regen und Schnee bedeckt/ legen sie/ zur Danckbarkeit/ in die Aschen; (1) ihr Glueck ist unser Unglueck: (2) sie sind die Rute/ darmit Gott die bosen Kinder staeupet/ und die er hernach auch in das Feuer wirfft (Harsdörffer 1647). Точку с запятой (1), кажется, можно было бы заменить двоеточием как сигналом причины, однако еще не спало напряжение, оно нарастает и дальше – развязка (последующее наказание) вводится двоеточием, напряжение спадает.

Следующая функция двоеточия – использование в пространных притчах, где знак предупреждает о следствии, что характерно для такого жанра как притча: повествование, затем вывод, следствие, мораль.

Двоеточие вводит также определенное условие: *Uns Menschen sind in dieser Welt die zeitlichen Gueter gegeben: mit dem Beding/ daß wir darueber dem gutthaetigen Gott Rechnung leisten sollen* (Harsdörffer 1647).

Таким образом, для двоеточия автор приводит пять правил, однако все они могут быть сведены в два: крупное членение внутри периода и маркирование причины, условия, пояснения.

Далее автор говорит о различении в латинском языке двойных запятых (/) (,), двоеточий (;) (:) и точек. После большой точки (.) следует заглавная буква и новый абзац, после малой точки (.) продолжается та же строчка и следует строчная буква: *Des Menschen Leben ist kurtz. Der Tod ist allen gewiß.[?]* (Harsdörffer 1647). Однако пример не соответствует этим требованиям, очевидно, он у кого-то заимствован, знак вопроса в конце также свидетельствует о сомнении автора в правильности примера. Затем Харсдёрфер трактует использование остальных традиционных знаков: скобок, вопросительного и восклицательного знаков.

В работе Харсдёрфера четко проявляется ориентация на латинскую грамматику, попытка приспособить латинские традиции к немецкой пунктуационной практике.

Подробное и обстоятельное учение Харсдёрфера послужило импульсом для последующих исследователей. Среди них Беллин (Bellin 1657), Шоттель (Schottelius 1663), Бедикер (Bödiker 1690), которые исходят из положения о том, что знаки являются для читателя местом остановки, соотносят знаки с просодическими характеристиками устной речи. Эти авторы отмечают *вспомогательный характер* знаков (Nebenzeichen), подчеркивают значимость пунктуации, относя ее к орфографии и утверждая, что пунктуация – не “последняя” часть орфографии, скорее – это пограничный камень, который сообщает, что связано друг с другом, чему что принадлежит, и что должно быть отделено. Это прямое цитирование Харсдёрфера, которое свидетельствует о том, что каких-либо

существенных изменений в понимании назначения пунктуации не произошло.

Беллин, Шоттель и Бедикер упоминают следующие пунктуационные знаки: virgulu, точку с запятой, двоеточие, точку, вопросительный и восклицательный знаки, скобки; сюда же относят знак переноса, дефис, апостроф.

Виргула в понимании данных авторов используется для разделения слов с незавершенным смыслом: So grosse Narzheit ist unter den Leuten/ daß sie mit Todesgefahr/ Muehe und Verlust/ dem jenigen nachstehen/ daß sie auch/ wenn sie darum gebeten wuerden/ wo sie anders klug weren/ nicht annehmen solten/ Goldaft (Schottelius 1663). Знак отделяет небольшие части, соответствующие минимальной синтагме, которая, в свою очередь, часто совпадает с границами придаточных предложений.

Функциональный потенциал двоеточия реализуется в почти завершенных частях периода, за которыми, однако, может или должно последовать что-то еще. Так, знак употребляется: *в противопоставлениях*: Die Gerechten waerden in das ewige leben gehen: *aber die* Gotlosen in die ewige Pein (Bellin); *в притчах, если в последней части проводится сравнение с предыдущей частью*: Gleichwie Moses in der wuesten eine slange erhoeht hat: *also* mus des maenschen son erhoeht waerden (Bellin); *если указывается причина; при вводе прямой речи; при вводе примера; в заключительном слове перед выводом*: Wer den HERN Krist nicht lib hat/ der ist verflucht; die Juden haben den HERN Krist nicht lib: Daruem sind sie verflucht (Bellin).

Точка с запятой, по признанию вышеназванных авторов, все еще новый знак в немецкой практике, который в иерархии знаков стоит выше virguly, так как требует более долгой паузы, используется, если речь еще не завершена, однако уже содержит какую-то дополнительную информацию: Wer nicht bezahlen will/ was er mit recht schuldig ist; der muß

hernach mit Recht bezahlen/ was er nicht schuldig ist/ Mofch (Schottelius). По свидетельству Бёдикера, точка с запятой может замещаться virguloй или двоеточием, так как в этом вопросе еще нет единства даже среди ученых.

Точка ставится в конце высказывания с завершенным смыслом. Вопросительный знак употребляется не только в настоящем вопросе, но и в риторических вопросах. Восклицательный знак используется для передачи удивления, пожелания, смущения, замешательства. В скобки заключают иной смысл, который, однако, не мешает основному повествованию.

Таким образом, в своих учениях Беллин, Шоттель и Бедикер не предлагают каких-то пунктуационных инноваций, а закрепляют сложившийся узус. Традиционно прослеживается взаимодействие интонационного и риторического принципов пунктуации, когда знаки соотносятся с паузами устной речи, при этом учитывается и смысловая завершенность/незавершенность высказывания, т.е. эти авторы не выходят за рамки риторического подхода.

Изложенные наблюдения позволяют заключить, что пунктуация в XVII в. находится под воздействием латинских образцов. Попытки введения нового для немецкого узуса знака - точки с запятой - встречают сопротивление: точка с запятой, которую пытался ввести уже Ратке (1629), все еще воспринимается новым знаком даже в конце столетия (Бёдикер 1690).

Если в начале столетия знаки ассоциировались с паузами в устной речи, то к концу столетия на первый план выходят семантические критерии: смысловая завершенность/незавершенность высказывания, указание причины, условия, пояснение. Корпус знаков претерпел количественные изменения: он пополнился восклицательным знаком, точкой с запятой; попытки некоторых издателей ввести две точки – малую

и большую (по латинскому образцу) не увенчались успехом. Борьба конкурирующих вариантов оформления конца предложения фактически заканчивается, и в конце столетия точка и virgula противопоставлены как межфразовый и внутрифразовый знаки. В кодификационных актах зафиксирован значительный рост и расширение функций внутрифразовых знаков (до шести функций у двоеточия).

Пунктуационная теория в XVIII веке. Кодификация захватывает все основные стороны языка: орфографию, грамматику, лексику. Разрабатывается теория синтаксиса.

Пунктуационное учение И. Эрнести (Ernesti 1721), появившееся в начале столетия, не содержит принципиальных пунктуационных инноваций. Традиционно основным мотивом для постановки знаков препинания автор называет наличие в речи пауз большей или меньшей длительности. Эрнести, в отличие от исследователей XVII века, однозначно указывает место точки с запятой в иерархии знаков между запятой и двоеточием, однако по нашим наблюдениям о каком-либо качественном сдвиге в сфере функционирования знака говорить не приходится. В его учении не удалось также зафиксировать какой-либо рост функционального потенциала других знаков.

Заметным событием в области теории пунктуации явилась написанная Фрейером (Freyer 1722) работа, где впервые были подвергнуты сплошному тщательному анализу знаки препинания с обстоятельными комментариями. Автор признает важность и необходимость использования знаков препинания на письме и сравнивает их с характеристиками устной речи (паузы, ударение, выделение и движение тона). Фрейер *впервые четко* высказывается о том, что в основе пунктуации лежит интонационный принцип: “Und also richtet sich die Orthographie auch in diesem Stueck nach der Pronuntiation ” (Freyer 1722).

Фрейер предлагает совершенно новый подход к использованию знаков: надо знать, что пишешь; знать назначение знаков; эффект, скрытый в словах; учитывать стилевые моменты. Фрейер мотивирует постановку знаков синтаксическим своеобразием текста: учетом различного веса, иерархии знаков, прагматическим эффектом, которого надо добиться, и соображениями стиля. Далее Фрейер еще раз возвращается к мысли, что, учитывая все вышеназванные обстоятельства, нельзя забывать, что знаки соотносятся и с паузами устной речи. Таким образом, Фрейер считает знаки препинания полидетерминированными, так как на их постановку влияют как имманентные свойства знаков (место и “вес” знака в иерархии, соотношение с паузами устной речи), так и экстралингвистические факторы: тематика сообщения, прагматический эффект, стиль автора (короткие, пространные, объемные периоды).

Далее автор рассматривает корпус знаков, сопровождая каждое правило комментариями. При рассмотрении знаков исходным пунктом, по традиции, он считает период. Период с грамматической (как и с риторической) точки зрения – это законченное предложение, которое может состоять из двух или нескольких частей. В конце каждого периода ставится точка; употребление точки в сокращениях и после чисел, по мнению автора, не имеет отношения к пунктуации.

Двоеточие используется для делимитации главных частей периода. Основой для такой делимитации служит место знака в иерархии после точки как знака самого сильного разделения. Главные части периода Фрейер называет уже не колонами, а *Vorsatz* и *Nachsatz*. Эти части периода легко узнать по соответствующим частицам и союзным словам: *weil, so; gleichwie, also; obgleich, so doch; wo, so; wenn, so; nachdem, so*. *Gleichwie der Leib ohne Geist todt ist; also auch der glaube ohne wercke ist todt* (Jac. 2, 26). Иногда эти части периода могут стоять в другом порядке: *Ich will nun gerne sterben: nachdem ich dein Angesicht gesehen habe, daß du noch lebest* (I

Mos. 46, 30). В некоторых периодах, согласно автору, трудно определить границы *Vorsatz* и *Nachsatz*, тогда все части периода следует рассматривать как главные и между ними для указания границ использовать двоеточие: *Sie sind von der Welt: darum reden sie von der Welt, und die Welt hoeret sie.*

Еще одна сфера употребления двоеточия – ввод прямой речи, когда период состоит из двух главных частей: слов автора и прямой речи. Однако если слова автора и прямая речь связаны союзом или другим образом, то двоеточие обычно опускают. *Da sprachen die Jueden zu ihm, daß sie nun erkannten, daß er den Teufel habe.* Таким образом, Фрейер различает прямую и косвенную речь.

Фрейер объясняет, что период, который состоит из нескольких частей, всегда должен иметь, по крайней мере, одну главную часть. В таком периоде между *Vorsatz* и *Nachsatz* может быть лишь одно двоеточие. Кроме того, двоеточие, которое вводит прямую речь, ради облегчения понимания может быть опущено и заменено другим знаком: это случается, если прямая речь не составляет целую главную часть, а присоединяется к ней: *Sprich nicht zu deinem Freunde; Gehe hin und komm wieder, morgen will ich dir geben: so du es doch wol hast* (Sir. 3, 28). Двоеточие по словам автора, стоит на “верном месте”, так как здесь самое сильное разделение. Если двоеточие поставить после слова *Freunde*, то появляется иной смысл в предложении (Не говори своему другу: “Пойди туда и вернись <...>”/ Не говори со своим другом, а пойди туда <...>). Двоеточие маркирует прямую речь, а точка с запятой выражает противительные отношения.

При расстановке знаков Фрейер обращает внимание и на такой фактор, как объем прямой речи. Так, если прямая речь очень объемная, то двоеточие ставят, как прежде, перед прямой речью, однако прямую речь разбивают на отрезки и расставляют знаки, как того требует смысл: *Und er that seinen Mund auf, lehrete sie und sprach: Selig sind, die da geistlich arm*

sind: denn das Himmelreich ist ihr. Selig sind, die da Leid tragen: denn sie sollen getroestet werden. Selig sind x. (Matth. 5, 2).

Если прямая речь не объемная, то можно обойтись знаками меньшей силы разделения – точкой с запятой или запятой: Wer mit seinem Bruder zuernet, der ist des Gerichts schuldig. Wer aber zu seinem Bruder saget, Racha: der ist des Raths schuldig. Wer aber saget, du Narr: der ist des hoellischen Feuers schuldig (Matth. 5, 22). Автор считает такую постановку знаков правильной, так как она наиболее приемлема для правильного понимания. Двоеточие маркирует более сильное разделение, смысловую развязку.

Согласно Фрейеру, точка с запятой используется, если в части периода следует показать дальнейшее ее членение. Эта часть периода должна содержать, по крайней мере, две конструкции, которые должны быть отделены, в противном случае можно использовать запятые: Gleichwie der Regen und Schnee vom Himmel faellt, und nicht wieder dahin koemmt; sondern feuchtet die Erde und machet sie fruchtbar und wachsend, daß sie gibt Samen zu saeen und Brodt zu essen: also soll das Wort, so aus meinem Munde gehet, auch seyn; es soll nicht wieder zu mir leer kommen, sondern thun, das mir gefaellt, und soll ihm gelingen, dazu ich sende (Jes. 55, 9). Период состоит из двух частей: Vorsatz (Gleichwie) и Nachsatz (also). Дальнейшее членение происходит при помощи точки с запятой. Исходя из иерархии знаков, Фрейер рекомендует в периоде, где нет двоеточия, не использовать и точку с запятой. Однако, если период короткий, а запятой для разделения кажется “недостаточно”, то используют двоеточие.

Если же кто-то пожелает в коротком периоде использовать точку с запятой, чтобы разделить противопоставленные части, то он должен иметь причины для этого (видимо, автор исходил из узуса). Автор не запрещает такую постановку, однако свои рекомендации считает более легкими и удобными. Полагаем, что здесь явное противоречие, которое упорно не хочет замечать Фрейер: с одной стороны, он говорит о четкой иерархии

знаков, где самый сильный по разделению знак точка, затем двоеточие и точка с запятой и, наконец, самый слабый знак запятая; с другой стороны, он не учитывает левостороннюю иерархию; признавая зависимость точки с запятой от двоеточия, грамматист не признает зависимость точки с запятой от наличия запятой.

Запятая как самый слабый знак, используется для разделения “простых слов” и “простых конструкций”. К “простым словам” относятся:

- 1) Звательный падеж: Herr Gott, du bist unsere Zuflucht fuer (Ps. 90, 2).
- 2) Слова, которые надо отделить; при этом они вводятся без помощи союзов: Von innen, aus dem Hertzen der Menschen gehen heraus boese Gedancken, Ehebruch, Hurerey, Mond, Dieberey, Geitz...(Marc. 6, 21, 22).

Очевидно, что Фрейер имел в виду однородные члены предложения.

- 3) Аппозиция (приложение), “когда одно слово объясняет другое”. Dis sind die Reden des Predigers, des Sohns Davids, des Koenigs zu Jerusalem (Pred.I,I).

Фрейер уточняет, что “простые конструкции” не обязательно следуют друг за другом: Darum preiset Gott seine Liebe gegen uns, das Christus fuerr uns gestorben ist, da wir noch Suender waren (предикативные части в составе сложноподчиненного предложения автор рассматривает как “простые конструкции” в соответствии с уровнем синтаксических представлений той эпохи).

Итак, в отличие от своих предшественников, Фрейер конкретизирует, какие слова в “незаконченной речи” разделяются при помощи запятой. До Фрейера подобное разделение пытался ввести Харсдёрфер (1647).

Далее Фрейер рассматривает различные варианты использования вопросительного знака. Традиционно он используется после вопроса. Однако Фрейер конкретизирует это правило: в пространных периодах вопросительный знак можно ставить как в конце периода (1), так и в его середине. В середине периода вопросительный знак можно заменить

точкой с запятой или двоеточием (2). (1)Und seine Juenger frageten ihn, und sprachen: Meister, wer hat gesuendigt? Dieser oder seine Eltern, daß er ist blind geloren? *Joh.9,2*. (2) Nicodemus sprach zu ihm: Wie kann ein Mensch geboren werden, wenn er alt ist; kann er auch wiederum in seiner Mutterleib gehen? *Joh. 3,4*. Автор обращает внимание на фактор объема периода, отмечая, что в пространнных периодах вопрос постепенно нейтрализуется, поэтому в конце таких периодов обычно ставят точку. Кроме того, вопросительный знак не употребляется в косвенном вопросе: *Ihr wisest nicht, von wannen ich hingehe. Joh.8,14*.

Восклицательный знак ставится после восклицания. Однако если нет восклицательных частиц (ach, auweh, ey, wehe) и им подобных, то вместо восклицательного знака целесообразно использовать точку: *Ach, mein Sohn, Absalom! – Friede sey mit euch*. Восклицательный знак может стоять как во фразоконечной, так и во внутрифразовой позиции: *O Weib! dein Glaube ist groß (Matth. 15, 29)*.

Скобки используются для отделения того, что необязательно относится к смыслу предложения, а проясняет коммуникативное намерение. *Die Briefe (sprechen sie) sind schwer und starck*. Автор поднимает вопрос о сочетании скобок с другими знаками. После скобок могут стоять запятая, двоеточие или точка с запятой, если скобки относятся к той части, которую надо отделить: *Wisset ihr nicht, lieben Brueder (denn ich rede mit denen, die das Gesetz wissen): daß das Gesetz herrschet ueber den Menschen, so lange er lebet? (Roem. 7, 1)*. Скобки могут образовывать собственный период: *Ist denn Gott ungerecht, daß er darueber zuersiet? (Ich rede also auf Menschen Weise)*. *Das sey ferne. (Roem. 3, 5, 6)*.

Фрейер вводит (вслед за Бедикером) дифференциацию круглых и квадратных скобок. Квадратные скобки отделяют от основного повествования “чужие слова”, которые, собственно говоря, не относятся к тексту. *Ein Gott und Vater [unser] aller (Eph. 4, 6)*. Фрейер поясняет, что в

греческом варианте текста нет слова *unser*, а это дело рук Лютера, который вписал его ради лучшего понимания.

В работе Фрейера отмечен новый знак – кавычки для ввода прямой речи. Их ставят в начале каждой строчки; необычна лишь конфигурация – две запятые слева, то есть обозначалась лишь левая граница прямой речи.

Следующий знак в системе Фрейера – знак внимания (*signum attentionis*). Он употребляется для выделения особых, примечательных слов (попытка кодификации метаграфемы). В письменном тексте такие слова подчеркивают, в печатном же тексте используют другой шрифт (например, курсив). *Jesus sprach zu seinen Juengern: Will mir iemand nachfolgen; der verleugne sich selbst, und nehme sein Creutz auf sich, und folge mir* (Matth. 16, 24). Фрейер поясняет, что выделенное слово указывает на то, что ученик понесет *тот крест, то бремя*, которое на него возложит сам Бог.

По традиции к знакам препинания Фрейер относит и знак переноса слова, и апостроф. Далее автор говорит о постановке запятой перед союзами *und, noch, oder*. Он отмечает колебания в этой сфере – знак то должен быть, то его не должно быть. Вместе с тем запятая не ставится (*muessen* – императивный характер норм), если слова, связанные этими союзами, относятся к одной конструкции: *Gottes Gaben und Beruffung moegen ihn nicht gereuen* (Roem. 11, 29). *Es ist alles euer; es sey Paulus oder Apollo, es sey Kephass oder die Welt, es sey das Leben oder der Tod, es sey das gegenwaertige oder das zukuenftige; alles ist euer* (I Cor. 3, 21, 22). Если же указанные союзы связывают различные конструкции, то могут использоваться не только запятые (1), но и более сильные знаки (2): *Sein Unglueck wird auf seinen Kopf kommen, und sein Frevel auf seine Scheitel fallen* (Ps. 7, 17). Построение является сложносочиненным предложением, состоящим из двух относительно самостоятельных предложений, граница между этими самостоятельными предложениями маркируется союзом *und*, а для более четкой делимитации используется запятая.

(1) Niemand kann zweyen Herren dienen: etweder er wird einen hassen, und den andern lieben; oder er wird einem anhangen, und den andern verachten (Matth. 6, 24). Данный период состоит из двух частей, на их границе используется двоеточие как указание, что далее следует пояснение. Поясняющая часть состоит, в свою очередь, также из двух частей, граница между ними обозначена (в соответствии с иерархией знаков) точкой с запятой. Запятые перед *und* в обеих частях пояснения правомерны согласно правилу, т. к. запятые маркируют границы контрастных конструкций.

Анализ знакоупотреблений в учении Фрейера убеждает нас в том, что в нем полностью выдержан тот принцип, который был положен автором в основу употребления знаков. Сам автор последовательно дифференцирует употребление знаков по силе разделения: на двадцати страницах учения нет ни одного (!) случая нарушения Фрейером правила об употреблении точки с запятой: “там, где нет двоеточия, не может быть и точки с запятой”.

Итак, в учении Фрейера мы наблюдаем появление новых знаков препинания (кавычки, курсив); Фрейер использует совершенно *новый подход к пунктуации*, где знаки представлены как полидетерминированные единицы. Дидактическая направленность работы отражается в тщательных, обстоятельных комментариях к каждому из шестнадцати правил.

Традиционно Фрейер относит пунктуацию к орфографии и высказывается об интонационной основе пунктуации. Провозглашая интонационный принцип, Фрейер, однако постоянно апеллирует к смысловым связям внутри периода, к иерархии знаков. Он одним из первых обращается к фактору объема конструкций, к экспрессивным характеристикам письменной речи (правила о вопросительном и восклицательном знаках). В его работе получают освещение правила

оформления косвенной речи. Одним из первых Фрейер рассматривает сочетание знаков (скобки и другие знаки).

Таким образом, начало XVIII века характеризуется теоретическим «когнитивным» прорывом в сфере пунктуации. Если Эрнести (1721) при изложении своего труда по пунктуации еще полностью придерживается кодификационных правил прошлого, XVII века, то теория Фрейера – это новый этап в развитии пунктуации. Ориентация на просодику устной речи – это уже скорее дань традиции, тогда как на первый план выходят синтаксические отношения. Происходит приращение корпуса знаков (кавычки, шрифтовое выделение); конкретизируются функции отдельных знаков; изменяется мотивация расстановки знаков.

Следующим этапом в развитии немецкой пунктуации стал пунктуационный раздел И. Готтшеда (1748), который предваряет краткий исторический очерк «орфографических разделительных знаков».

Классификацию этих знаков Готтшед начинает с заглавной буквы, которая ставится в начале каждого периода, а в стихах - в каждой строчке. Готтшед кодифицирует написание всех имен существительных с заглавной буквы и считает это достоинством немецкого языка, которому, по его словам, начинают следовать французы.

Дальнейшему разделению предложений или периодов, наряду с заглавными написаниями, служит точка. При постановке точки Готтшед апеллирует к законченности смысла, к независимости предложения от последующего. Однако часто период состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет свое подлежащее и свое сказуемое; такие части разделяет двоеточие. Двоеточие обозначает также границу между авторскими словами и прямой речью. Готтшед описывает традиционные функции двоеточия, однако он рекомендует постановку двоеточия и после прямой речи: Und Gott sprach: Es werde licht: und es ward licht. Двоеточие после прямой речи должно (muß) быть заменено точкой, если прямая речь

сильно распространена. Und Gott sprach: es werde eine Fest zwischen den Wassern. Da machte Gott die Feste <...>. Согласно автору, фактор объема конструкции играет не последнюю роль в выборе знака. Сложные периоды состоят, в концепции Готтшеда, из двух частей, между которыми надо ставить двоеточие. В таких сложных периодах есть обычно следующие пары: Obwohl, Gleichwie, Nachdem, ...gleichwohl, ...dessen ungeachtet, ...dennoch, ... also, ...als, ...so.

Постановка точки с запятой традиционно обозначает более дробное членение предложения, чем двоеточие. Самое дробное членение слов, не связанных друг с другом, осуществляет запятая. Если Фрейер попытался конкретизировать группы слов, подлежащих отделению, то Готтшед отмечает, что это “безразлично”, где ставить запятую. Автор имеет в виду, что не имеет значения, как называются эти конструкции, главное, что они должны быть отделены друг от друга, поскольку они *не связаны* друг с другом. Готтшед считает, что как обилие запятых, так и их недостаточное количество в предложении затемняют смысл. Оба варианта он считает неприемлемыми, так как знаки должны способствовать прояснению смысла.

Другие знаки также помогают сделать речь ясной и понятной – это традиционные уже вопросительный и восклицательный знаки, скобки, Готтшед вводит современную конфигурацию кавычек как парный знак.

Таким образом, Готтшед (1748), по сути, повторяет все соответствующие положения теории Фрейера (1721). Вместе с тем можно констатировать, что рост функций знаков практически прекращается. Существенно и то, что сформировался основной корпус знаков в их современной конфигурации (не кодифицированы лишь тире и многоточие). Таким образом, можно констатировать сложившуюся специфику знаков по силе разделения. Нельзя не отметить, что окончательное закрепление за знаками ранга в иерархии, наряду с

развитием грамматической теории, привело к тому, что на смену интонационному принципу, четко провозглашенному Фрейером (хотя сам он уже оперировал семантико-синтаксическими критериями при постановке знаков), пришел семантико-синтаксический принцип пунктуации.

Во второй половине XVIII в. наступает новый период в кодификации литературных норм. Грамматику Готтшеда сменяет значительный труд И.Аделунга “Deutsche Sprachlehre zum Gebrauch der Schulen in den Königlichen Preußischen Landen” (1781). Если Готтшед, по оценке М.М.Гухман, подвел итоги нормализации немецкого литературного языка за первую половину XVIII в., то Аделунг сделал это же самое для второй половины (Гухман 1984).

Аделунг, следуя традиции, относит пунктуацию к компетенции орфографии. Он отмечает, что целесообразное употребление знаков препинания очень способствует пониманию. Аделунг предлагает следующую классификацию знаков: 1) знаки, которые указывают на изменение тона в соответствии с эмоциональным состоянием говорящего; 2) знаки “разделенных понятий и целых представлений”; 3) знаки обозначения отдельных слогов и букв.

Все знаки, согласно Аделунгу, имеют произвольный характер и основаны в целом на “законе произношения” (“Gesetz der Aussprache”). Таким образом, Аделунг декларирует интонационную основу немецкой пунктуации.

К первой группе знаков автор относит вопросительный и восклицательный знаки. Постановку знаков Аделунг рассматривает, как и его предшественники, он подчеркивает лишь особое ударение и паузу, предостерегает от злоупотребления этими знаками. Автор исследует и такие вопросительные предложения, которые произносятся эмоционально, “страстно”; в них Аделунг рекомендует использовать восклицательный

знак, так как эмоции, как правило, побеждают: *dieser Tag, wie schoen ist er nicht!* Аделунг выступает против удвоения, утроения знаков (!!), (!!!). Далее автор дает оценку двум предложениям, бурно обсуждавшимся филологической общественностью: 1) о постановке точки после вопросительного и восклицательного знаков и 2) о постановке вопросительного и восклицательного знаков не только в конце предложения, но и в его начале. Аделунг считает эти варианты ошибочными, так как уплотнение знаков, по его мнению, приведет к рассеиванию внимания и будет, таким образом, лишь препятствовать пониманию.

Вторая группа знаков представлена точкой, двоеточием, точкой с запятой, запятой, скобками и тире. Любая речь, по представлениям Аделунга, есть нечто целое, состоящее из частей, элементы которых связаны друг с другом различными отношениями. В устной речи эти отношения передаются при помощи пауз, в письменной же речи – знаками разделения. В качестве нормативного употребления Аделунг провозглашает лучшее общеупотребительное использование знаков.

Постановка двоеточия связана с делением предложения/ периода на две части. Такая делимитация частей периода, как известно, вела свою историю в немецком языке с латинских грамматик, где части периода – колонны – понимались как равнозначные (Kolrosz 1530, Ickelsamer 1534). С усложнением письменной коммуникации, развитием синтаксических представлений приходит понимание неравноценности частей периода, исследователи выделяют Vordersatz и Nachsatz. Аделунг конкретизирует части периода, разделенные двоеточием на логико-грамматическом основании – это обычно придаточные следствия, уступки, условия, причины и сравнения. В периоде может быть лишь одно двоеточие, постановка второго двоеточия расценивается Аделунгом как ошибка. Следующие функции двоеточия – ввод прямой речи, примера,

перечисления – уже традиционны в пунктуационной теории. Новая функция двоеточия – выделение особого высказывания, особого смысла: Wie, Madame, wofuer nehmen Sie doch die Seufzer der Liebhaber? Glauben Sie mir: in den klagendsten Saetzen eines Adagio liegt oft mehr und tiefer gefuellte Wollust, als in den feurigsten eines Allegro. Двоеточие маркирует границу эмоционального перелома.

Точка с запятой – средний по силе разделения знак между запятой и двоеточием – разделяет части периода средней длины. Имеет место также в придаточных условия, уступки, следствия, причины и сравнения. Однако такие придаточные могут разделяться и при помощи двоеточия, то есть здесь зоны их функционального совпадения.

Только точка с запятой маркирует сочинительные, разделительные придаточные предложения. Фактор объема конструкции играет роль при вводе примеров (если пример состоит из одного слова, то между примерами используют запятые; если же примеры состоят более чем из одного слова, то используют точку с запятой).

Запятая – самый слабый знак, разделяет отдельные словоформы, небольшие группы слов, а именно: 1) вводные слова и предложения; 2) аппозицию, где одно слово поясняет другое (обычно есть артикль или родительный падеж): die Nacht, des Todes Freund; Italien, das schoene Land. Если в роли аппозиции выступают имена или титулы, то запятая не употребляется: die Stadt Berlin; der Kaiser Joseph; 3) запятая употребляется перед всеми относительными местоимениями; 4) между однородными членами предложения; 5) после некоторых союзов, если в устной речи после них есть небольшая пауза; 6) перед распространенным инфинитивным оборотом с частицей zu, если инфинитивный оборот не сильно распространен, то запятую не ставят: wir denken noch heute abzureisen; er pflegt stark zu spielen.

Аделунг рассматривает вслед за Фрейером (1722) постановку запятой перед союзами *und* и *oder*. Члены, связанные союзами *und* или *oder*, разделяются при помощи запятой, если они состоят из нескольких слов: *Wie fehlerhaft mueste uns nicht diese Einrichtung der Natur duenken, da Glueckseligkeit ueberhaupt der ganze Zweck der Schoepfung, und Glueckseligkeit desjenigen Wesens, das ihrer am faehigsten ist, weil <...>.* Если *und* или *oder* связывают отдельные понятия, то запятая не употребляется: *schoen und reich; Ehre und Reichthum.*

Скобки способствуют ясности изложения, не мешают основному повествованию. Аделунг отмечает, что скобки требуют не столько паузы, сколько понижения голоса. Перед скобками можно поставить другой знак, второй же знак надо ставить внутри закрывающей скобки: *Aber (fuhr er fort,) meine besten Jahre habe ich nun einmahl versaeumt.* Замещать скобки знаком тире, как это, очевидно, имело место, Аделунг считает неправильным, поскольку тире имеет другое назначение. Подобное замещение знаков ведет, с точки зрения автора, к затемнению смысла. Аделунг упоминает квадратные и круглые скобки, однако, по его признанию, мало кто обращает внимание на то, что квадратные скобки используются для ввода чужих слов, пояснений.

Тире, по словам автора, совсем недавно заимствовано у англичан. Оно имеет разные начертания: *(-), (...), (= = =)*. Знак указывает частично на эллипсис, перерыв в речи, на более долгую паузу, чем требует точка. Аделунг перечисляет довольно широкий спектр функций тире:

- 1) эллипс имени, отдельного слова, даже целых отрывков;
- 2) обозначение прерванной речи;
- 3) резкий переход от одной темы к другой;
- 4) в диалогах тире замещает имена персонажей;
- 5) обозначение чего-то неожиданного (тире сопровождает долгая пауза в устной речи);

- 6) использование знака при эмоциональной, прерывистой речи;
- 7) показать читателю важность, особый смысл последующего отрывка, чтобы читатель внимательно все обдумал.

Таким образом, в приведенном списке присутствуют едва ли не все современные функции знака.

Свою теорию пунктуации Аделунг полностью строит на интонационно-риторическом принципе, когда утверждает, что правильное использование знаков зависит от общего закона: “пиши, как говоришь”. Назначение знаков он видит в обозначении на письме различной длительности пауз, которые сопутствуют хорошему, искусному выступлению.

Излагая теорию знаков препинания, Аделунг обращает внимание на разные стили чтения: обычный и “страстный”, патетичный тон, где могут быть разделены компоненты, которые обычно не разделяются. “Страстный” тон будет использовать двоеточие и точку с запятой там, где обычный обойдется запятой. Автор призывает использовать знаки аккуратно, бережно, во избежание ошибок.

Итак, Аделунг вновь провозглашает интонационно-риторический подход к немецкой пунктуации, который мы регистрируем уже в учениях XV века. Понимание того, что в основе пунктуации лежит не один принцип, заставило исследователей выделять различные группировки знаков на разных основаниях, что мы видим и у Аделунга. Он выделяет традиционные знаки, значительно конкретизируя функции отдельных знаков. При постановке знаков он исходит из факторов объема частей периода, типов придаточных предложений, распространенности конструкций, эмоциональности высказывания. Введение новой функции двоеточия — выделение особенно важного смысла означает акцентирование автором коммуникативных характеристик знаков.

Аделунг кодифицирует 7 функций тире и отмечает, что писатели злоупотребляют этим знаком.

Характеризуя немецкую кодификационную теорию пунктуации XVIII столетия, отметим следующее. Исследователями в качестве доминирующей однозначно принимается интонационно-риторическая основа пунктуации. По сравнению с предшествующим столетием это во многом другая пунктуация, поскольку в целом был преодолен разрыв между пунктуационной теорией, практическими рекомендациями и, судя по высказываниям Аделунга, массовой пунктуационной практикой. По крайней мере, можно говорить об устойчивой тенденции к регулярному пунктуированию целого ряда позиций, Аделунг говорит даже о злоупотреблении знаками. Установился современный корпус знаков, можно говорить о дифференциации знаков середины периода на определенных участках пунктуационной системы. Произошли количественные (введены в теорию и практику тире, кавычки) и качественные изменения (существенное обогащение функций знаков).

2.3. Пунктуация в немецких памятниках XVII века

Роман первой половины XVII века. Анализ знакоупотреблений, характерных для исследуемого периода, начнем с перевода романа Д.Беркли “Argenis”, который выполнил М. Опиц (1626). Графическими средствами оформления текстового континуума являются следующие знаки: практически универсальная virgula, спорадически встречаются двоеточие, точка с запятой, скобки, вопросительный и восклицательный знаки.

Точка маркирует конец периода, заглавия.

Скобки содержат замечания, комментарии автора: <...> als das Pferdt vnter jhm wegkommen/ der schweren Rüstung halben vntergeschossen vnd ersoffen. (Dieser Betrug war auch besser zubehelligen/ weil gleich damahls der Himera vber Gewonheit hoch angelauffen.) (S. 39).

Виргула маркирует: 1) границы между предикативными частями периода. Однако о какой-либо регулярности говорить не приходится, так как встречаются и обособленные, и необособленные построения (обычно небольшого объема, в постпозиции). Проиллюстрируем данное утверждение.

Придаточное определительное: <...> vnd Timoclee zeigete dem A. den Schlunt der Hölen der gar leichtlich auffzumachen were. Но чаще придаточное определительное обособляется: <...> den Stein/ der für dem Außgange lag/ <...>. <...> den zweyen Gruben/ welche sie also <...>.

Придаточное дополнительное: <...> / welche sie also widerhielten daß sie von der Last deß Außganges <...>. Но чаще придаточное дополнительное обособляется: <...>/ so wolte er fürschatzen/ daß er im Wasser <...> gefallen were.

Инфинитивные обороты: <...> wann man auffhören wirdt *die Nachfrage zuhalten/ welche* <...>; Sie weren erbötig/ *so offte sie köndten jhn zubesuchen.*

Граница между придаточным и главным: <...> vnd als er herzu kam wardt er innen/ daß <...> .

Далее виргула регулярно маркирует: *ряды однородных членов, вводные предложения:* Er/ so des Wegs nicht vorfehlet hatte/ stand am Wasser/ <...>; *границу между прямой речью и словами автора:* Diß ist nicht böse erdacht/ sagte Timoclee/ wann man nicht wiste/ daß er <...>; *сравнения:* <...> vleissiger weren/ als man damals gerne gesehen hette; *приложение, аннотацию:* <...> Timonides/ der Fürnämbsen einer an dem Königlichen Hofe/ welcher <...>; *выполняет функцию скобок:* Er aber/ wiewol er weiter zu fliehen nicht

vermochte/ wehrete sich doch ritterlich/ <...>; Vnd der König/ wiewol der Krieg ein Ende genommen/ verblieb doch die Nacht vber im Läger/ <...>. Таким образом, virгула является фактически универсальным знаком середины предложения.

Сравнительно реже используются двоеточие и точка с запятой.

Двоеточие сигнализирует: *о вводе прямой речи; пояснении*: Als er zimlich weit in den Tag zu der andern seitten deß Walds hinnauß geritten/ kam jhm viel Volcks entgegen: dann es war die grosse Strasse/ vnd <...> (S. 42); *следствии*: <...> er solte <...> seines Herren Todt mit Seufftzen beklagen: darmit er also durch Timocleen Huelffe verborgener weise zum Poliarchus koendte (S. 40); *оформляет границы частей, связанных бессоюзной связью*: Arsidas sagte/ er schewe keine Gefahr nicht: Gelanor solte ihn nur zu der Hoele fuehren/ vnd jhm den Poliarchus zeigen/ <...> (S. 43).

Точка с запятой *отделяет ряды однородных членов*: Reichten jhme also ein Kuessen/ darauff er ruhen moechte/ vnd etliche Kertzen/ deren Timoclee in zimlicher Menge mit sich genommen; namen also jhren Weg vnter der Erden auff das Bette zu (S. 41); *оформляет границы частей, связанных бессоюзной связью*: Auß seinem Lande war der einige Gelanor; das ander waren Außlaender/ vnd <...> (S. 40); *вводит причину*: Er sagte/ er hette geheime Sachen mit jhme zu reden; derentwegen were es an offener Strassen nicht rahtsam (S. 43); *отделяет распространенное придаточное определительное*: Er/ so deß Wegs nicht vorfehlet hatte/ stand am Wasser/ vnd wartete auff diß Zeichen; *nach welchem er stracks zu der Frawen kame* (S. 38). Интересно в этом отношении рассмотреть графическое оформление этого типа придаточных. – В одних случаях они не маркируются: Da war er schon vorgewissert/ daß die Raeuber *welche den Poliarchus ehegestern angetastet/* <...> (S. 42), в других маркируются (в соотношении 1 : 4). Придаточное определительное маркируется с помощью virгулы: Einwerts fasseten zween

eiserne Rigel den Stein/ *der fuer dem Außgange lag*/ <...> (S. 38) или точки с запятой (пример выше).

Аналогичную картину наблюдаем и в придаточных дополнительных: Sie zweifelten aber lange/ was sie mit jhren Pferden machen solten; <...> (S. 38); <...> vnd allenthalben herumb jrrete zuerforschen wo er blieben were (S. 42).

Проанализировав примеры отделения придаточных определительных и дополнительных, мы пришли к выводу о том, что факторы, влияющие на опущение знака, следующие: 1) главное предложение имеет четкую, не сильно осложненную структуру; 2) придаточное предложение небольшого объема и обычно в постпозиции.

Таким образом, факторами, влияющими на отделение, неотделение придаточных, является объем главного и придаточного предложений, их осложненность другими конструкциями (дистрибуция).

Другие типы придаточных предложений отделяются практически регулярно.

Инфинитивные обороты отделяются: <...> dennoch vermahnete er den Koenig/ *jhn nicht mehr schamhafftig zu machen*/ vnd sagte/ <...> (S. 245), однако не всегда: Ferner/ sagte er/ wil ich sprechen/ daß mir unmoeglich gewesen *jhme beyzuspringen*/ weil <...> (S. 39); stehet es dann Abgesandten *frey die Leute auff der Strasse anzugreifen*? (S. 42).

Говоря об инвентаре знаков и типичном узусе, следует отметить, что virгула является универсальным знаком графического оформления разного рода синтаксических конструкций. Случаи графического неоформления границ определенных синтаксических конструкций связаны с факторами объема и дистрибуции конструкций.

Далее рассмотрим употребление знаков на примере барочного романа “Die verwüstete vnd verödete Schäferey” (1642).

Для барочного романа типичны огромные периоды. Проанализируем один из них. Анализируемый период состоит из 382 слов, 25 предикативных частей, 4 относительно самостоятельных построений.

1) JN denen *Adelphischen Provintzien* / ist vnter andern nicht die geringste / sondern viel berühmte Landschafft 3) die / 2) welche längst den berühmten Fluß *Lasalee* vnd daran stossenden Gefilde / beneben den in aller Welt bekandten Libanische Gebirgen vnd Wildnussen erstrecken thut / 3) so wegen erquicklicher *Situation*, gesunder lufft/ Fruchtbarkeit deß Bodens und Wassers/ deß auch vnd vornehmlich wegen der so gesunden vnd wolgelegenen Schäferey/ 4) welche bißanhero jederzeit in zimlichē flor/ 5) vngeachtet *Mars* solche Ort zum öfftern berühret/ 1) geblieben vnd erhalten/ 6) also/ daß sie fast von keinē grössern feindlichen Abbruch zu sagen gehabt/ 7) als welche jhnen durch der Schafe angeborenen Erbfeind zu geschehen pflegte/ 8) der aber dannoch gegen anderer leydenten Schaden vor nichts zu rechnen/ 9) weil die wachtsame Hertzhaftigkeit der beywohnend- vnd wesenden Schäfer/ als auch die jederzeit erhaltende *cerberische* Zucht keinen schaden leichtlich zulassen/ solche reissende Thier/ auch jhre Nahrung an den Zarten selbiger Gegend gnugsam findenten Wild/ wegen deren bestelten Vffwarter vnfließ/ mehr als sonst zu suchen pflegen vnd wissen/ 10) Wie nun die Götter vnd die Natur niemals etwas vnvollkomen oder vergebens gemacht/ 11) Also haben sie es dieses Orts auch lobend erwiesen/ 12) dann so schön fruchtbar vnnd vermöglich die Landschafft gewesen/ 13) also vortrefflich/ ja vnvergleichlich waren die jnwohnenden Besitzer derselben/ vornehmlich aber das Geschlecht der Schäfer vnd deren Zugethanen/ 14) die/ 15) ob sie wol dieses geruhigen vnd nutzbaren Lebens sich gebrauchen/ 14) hatten doch darneben andere Vermögen/ vnnd deßwegen viel vorname *Correspondentien*, 3) waren auch jhren herkommen nach so Edel/ als den Personen nach/ Tugentreich/ 16) vnnd machte die durchgehende *Passagie* diese Leute desti höfflicher/ gastfreyer vnd dienstwilliger/ 17) vnter diesen ware ein alter tapfferer Schäfer *Cantandro*

genannt/ von guten Tugenden/ Erbarb geruhigen Lebens/ 18) welches er mit vielen *Correspondentien*, auch erzelter massen höfflich/ gastfrey vnnd dienstwillig sich befleissende zubrachte/ 19) darbey er nicht allein von guter *fama* vnd gericht/ sondern auch also daß er allen andern in selbiger Landschafft vor- vnnd zu deß gemeinen Wesens Nutzen Rath vnnd dessen Ehrenstande auch zu den Geistlichen Emptern gezogen vnd gebraucht wurde/ 20) dieser hatte mit seiner lieben alten *Gemandalea* 21) welche vornemen vnn geistliche Geschlechts ware/ vnnd er Wittibenweiß geheiratet/ 20) eine einige Tochter gezeuget *Perelina* genannt/ 22) deren man billig den hohen Titul einer der schönstē *Creaturen* zulegē darff/ 23) diese wunder Schönheit vnvermeldet zulassen ist vnbillich/ 24) dieselbe aber nach Gebür vnnd Beschaffenheit zubeschreiben vnmöglich/ 25) vnnd endlich besser davon zuschweigen als wenig vnd vnvollkommen Werck zугedencken.

Можно заметить, что фактически единственным знаком данного периода, как и многих других, является virgula. Она маркирует: 1) достаточно регулярно практически все предикативные части; 2) распространенное инициальное обстоятельство; 3) ряды однородных членов; 4) уточнения; 5) вводные предложения; 6) служит знаком конца относительно самостоятельного предложения (автосемантического) в составе периода (17, 20, 23, 24, 25). Запятая, наряду с курсивом, используется после заимствованных слов. Автор использует различные средства оформления и организации текста: курсивом выделяются географические названия, заимствованные слова, имена собственные; написание с заглавной буквы имен существительных относительно регулярное, за исключением абстрактной лексики: Vffwarter vnfleiß, gesunder lufft, in zimlichē flor, fama.

В позициях 10, 11 автор после virguly использует заглавные написания, на наш взгляд, это связано с подведением итога вышесказанному и последующим сопоставлением обеих позиций: сначала

дается оценка местности, затем - описание людей, живущих в ней. Отсутствие знака в позиции 21 мы связываем с наличием курсивного написания имени и незначительным объемом предикативной части. Создается впечатление, что знаки стоят именно на том месте, где границы интонационного и синтаксического членения совпадают.

Спорадически встречаются скобки, заключающие попутные замечания автора, и двоеточие в пояснительной функции: <...> das man wol fragen dörffen/ obs Natur-vnd möglich/ das die Natur dieser Länder solche Creaturen tragen/ oder von dergleichen Vatter wie der jhrige (welcher doch ein tapfferer EhrenMann) solche Kinder gezeuget werden könnten/ mehrern Vmbstände zuverschweigen der Feder gebietende: Bey wachsenden jhren Jahren vnd annahenden Manbarn Alter/ befande sie sich subtiler Mittelmässiger Statur/ wormit deren Gesicht vnd <...> (Die verwüstete vud verödete Schäferey, S. 101).

В историческом романе Гриммельсгаузена помимо уже рассмотренных знаков появляется двойное тире, которое выражает переход к новой мысли (сначала дается описание разорения дома, затем, после двойного тире - участь хозяина дома): <...>; Andere machten von Tuch, Kleidung und allerley Haußrath, grosse Paeck zusammen, <...>; Andere schlugen Ofen und Fenster ein, <...>. - Den Knecht legten sie gebunden auff die Erd, <...> (S. 479) .

В скобки заключены попутные замечания: ES eroeffnet sich zu dieser Zeit (von welcher man glaubt, daß es die leßte seye) unter geringen Leuten eine Sucht, <...> (S. 477); точка используется в конце пространных периодов, сокращений, заголовка.

Двоеточие маркирует различные отношения:

- *обобщение после перечисления, компоненты которого также отделяются при помощи двоеточия*: <...>; da sich doch oft befindet, daß ihre Vor=Eltern Tagloehner, Karchelzieher und Lasttraeger: ihre Vettern

Eseltreiber: ihre Brueder Buttell und Schergen: ihre Schwestern Huren: ihre Muetter Kupplerin, oder gar Hexen: und in Summa, ihr ganßes Geschlecht von allen 32 Anichen her, also besudelt und befleckt gewesen, <...> (S. 477);

- сопоставление двух частей периода с отношениями противопоставления, последующим выводом, следствием: In Summa, es hatte jeder seine eigene invention, die Bauren zu peinigen, und also auch jeder Bauer seine sonderbare Marter: Allein mein Knan war <...> der glueckseligste, weil er mit lachendem Mund bekennete, was andere mit Schmerzen <...> sagen musten, <...>: In solchem Gelaechter bekante er seine Schuldigkeit, und <...> (S. 480).

Точка с запятой маркирует:

- границы относительно самостоятельных предложений, соединенных бессоюзной связью: Seine Zimmer, Saeael und Gemaecher hatte er inwendig vom Rauch ganß erscharß lassen, <...>; Die Tapereyen waren das zaerteste Geweb <...>; Seine Fenster waren <...> (S. 478);

- границы относительно самостоятельных предложений, соединенных союзами: Solchen naerrischen Leuten nun, mag ich mich nicht gleich stellen, <...>; Zwar ohngescherßt, mein Herkommen und Aufferziehung laest sich noch wol mit eines Fuersten vergleichen, <...> (S. 477);

- вывод, следствие, где знак конкурирует с двоеточием: <...>; da sich doch oft befindet, daß ihre Vor=Eltern Tagloehner, Karchelzieher und Lasttraeger: ihre Vettern Eseltreiber: ihre Brueder Buttell und Schergen: ihre Schwestern Huren: ihre Muetter Kupplerin, oder gar Hexen: und in Summa, ihr ganßes Geschlecht von allen 32 Anichen her, also besudelt und befleckt gewesen, als daß Zuckerbastels Zunft zu Prag immer seyn moegen; ja sie, diese neue Nobilisten, seynd oft selbst so schwarz, als wann sie in Guinea geboren und erzogen waeren worden (S. 477).

Запятая маркирует практически все синтаксические отношения.

Роман второй половины XVII в. представлен романами Г. Хербста (1692), Ф.ф. Цезена (1670), Г.А. Циглера (1691), Г.Х. Гриммельсгаузена (1669).

В этих романах представлен основной корпус знаков, кодифицированный грамматистами-нормализаторами описываемого периода. Восклицательный знак используется в восклицании: <...> die grausame spielet mit mehr als tausend jaeger=spießen aus den augen der Roselinde; grausame Begierde! (Zesen, S. 80). Эмоциональный эффект усиливается использованием точки с запятой. Точка используется в конце периода; вопросительный знак - в вопросительном предложении, а также в риторическом вопросе: <...> ich bitte Er wolle mir nur denn gewissen Landgriff geben/ wie ichs practicieren soll (Herbst, S. 25)? Как видим, не всегда, нерегулярно отмечается граница предикативных частей.

Четко различается употребление виригулы и запятой: запятая употребляется после заимствованных слов: <...> alß ihm Majo, Junio, Julio, August (Herbst, S. 26); возможно, с целью их прагматической фокусировки.

Двоеточие используется для: *ввода прямой речи; пояснения*: Wollten die Goetter! es koenten meine augen zu donner=schwangern wolken, und diese meine thraenen zu grausamen suendfluten werden: Ich wollte mit tausend keulen, als ein feuerwerck rechtmaeßigenzorns, nach dem Herßen des vermaledeiten bluthundes werfen, und dessen gewis nicht verfehlen: Ja, es sollte alsbald dieser tyranne, samt seinem Goetter =und menschenverhaßten anhangе, ueberschwemmet und hingerissen werden, daß nichts als ein veraechtliches andencken ueberbliebe (Ziegler, S. 285); *после обобщающего слова перед перечислением*: <...> es muß aber Arth von Arth darzugesetzt werden/ alß nemlich: Kirschen/ zu Kirschen Aeffel/ zu Aeffel/ Birnen/zu Birnen=Bäumen (Herbst, S. 25); *обозначает границы частей периода, связанные союзной или бессоюзной связью*: Die Spanier und Waelschen seind ihm gefolget: und diesen die Franzosen/ mit den Englischen (Zesen, S. 20); ER begabte mich mit der herrlichsten Dignitaet/ so sich nicht allein bey seiner Hofhaltung/ sondern

auch in der gantzen Weltbefande/ nemlich mit dem HirtenAmpt: Er vertraut mir erstlich seine Saeu/ zweytens <...> (Grimmelshausen, S. 151); *используется для ввода примера*: <...>; Ich muß gestehen/ aber was hat meine damalige Unschuld dessen zu entgelten? bey den alten Heyden fand man so wol solche Exempla, als bey dem außerwehlten Volck Gottes: Unter den Roemern seynd vornehme Geschlechter gewesen/ so sich ohn Zweiffel Bubulcos, Statilos, <...> (Grimmelshausen, S. 151); *отделяет ряды однородных членов*: Hirten sind gewesen (wie *Lucianus* in seinem *Dialogo Helenæ* bezeuget) *Paris*, *Priami* deß Koenigs Sohn/ und *Anchises*, deß Trojanischen Fuersten *Ænæ Vatter*: Der schoene Eudimion, umb welchen die keusche Luna selbsr gebulet/ war auch ein Hirt: Item der greuliche *Polyphemus*: ja die Goetter selbst (wie *Phornutus* sagt) haben sich dieser *Profession* nicht geschaemt/ *Apollo* huetet *Admeti* deß Koenigs in Thessalia Kuehe/ Mercurius, sein Sohn *Daphnis*, *Pan* und *Protheus*, waren Erzhirten/ dahero seynd sie noch bey den naerrischen *Poëten* der Hirten Patronen; Mesa, Koenig in Moab/ ist / wie man im zweyten Buch der Koenig lieset/ ein Hirt gewesen/ Cyrus der gewaltige Koenig *Persarum*, ist nicht allein von *Mithridate*, einem Hirten/ erzogen worden/ <...> (Grimmelshausen, S. 151). В функции отделения рядов однородных членов, как видно из примера, могут выступать и точка с запятой, и virgula.

Зоны функционирования точки с запятой: *отделение рядов однородных членов*: Mit nicht-heiligen / ja unheilichen Liebesgeschichten hat man sich lange genug belustiget; mit weltlichen uebergenug ergetzet (Zesen, S. 20); *обозначение границы частей периода, связанные союзной или бессоюзной связью*: Daß mag eine gutte Invention sein/ weil man selbe so oft und lang in einen Jahr practiciren kan/ möchte sie doch vor die allerbeste/ und Lienlichste gehalten werden; ich bitte Er wolle mir nun denn gewissen Landgriff geben/ wie ichs practicieren soll? (Herbst, S. 25); *выражение следствия, цели*: Jene werden daruem mit erdichteten wunderdingen ausgezieret/ ja oft im grundwesen selbst erdichtet/ oder auf dichterische weise veraendert; damit sie in

den gemuehtern der Leser uem so viel mehr verwunderung gebaehren moechten (Zesen, S. 20). Точку с запятой можно рассматривать как границу крупного членения периода, в смысловом отношении – изменение линии повествования: O zunge/ wie leugestu; verzeuhe mier aber. Da sagest die Wahrheit; doch hab' ich hoeren erzahlen <...> (Zesen, S. 82). Еще одна функция точки с запятой - ввод прямой речи: <...> und sagte bei sich selbst; *O ihr blumen/ ich uebertraeffe die schoenheit eurer farben/* <...>. Nuhn wohlan! Ich will dier etwas sagen; *Ich werde mit der Roselinde noch heute zum Weide=brunnen gehen/* <...> (Zesen, S. 81).

Универсальный знак середины периода - виригула, который маркирует границы: 1) придаточных дополнительных (в отличие от переводного романа первой половины XVII в.): Ich habe gehört, daß <...>; 2) однородных членов предложения; 3) придаточных времени, причины, условия; 4) выражаются противительные отношения: <...> / drumb ich es auch vor das bequemste geurtheilet habe / doch aber weill ich hier zu seinen verbinden (Herbst, S. 25).

Материал свидетельствует о том, что зоны функционирования точки с запятой и двоеточия во второй половине XVII века *совпадают на следующих участках пунктуационной системы*: отделение рядов однородных членов, обозначение границ частей периода, связанных союзной или бессоюзной связью. Это свидетельствует о динамичности процесса становления пунктуационной системы. Виригула выступает универсальным знаком, который осуществляет графическое обозначение всех синтаксических отношений, встречаются лишь единичные случаи графического необозначения границ небольших по объему придаточных предложений (обычно в постпозиции).

Пространные периоды находим в таком жанре как надгробные речи. Нами проанализированы источники середины XVII – начала XVIII вв. Приведем типичный пример первой половины XVII века: Ihr tugendreiches

ehrliebendes Hertze hat / nechst Goettlicher Regierung / zu foerderst bewogen bemeldten Herrn Machner / meinen werthen Hertzens-Freund / numehr hinterlassenen hochbetruebten Herrn Wittiber / daß er nach anderthalbjaehrigem ersten Wittiber-Stande / dieselbige damals Eedle VielEhrentugendreiche Jungfr. M a r i a zu seinem kuenfftigen andern Ehegatten auserkohren / dem sie mit geneigtem guten Willen ihrer Vorwandten / im Jahr 1637. den 1. Julius / in der Stadt Liegnitz / ehelichen zugefuehret und offentlich vertrauet worden (Trauerreden von Barock, S. 32). Создается впечатление, что нередко знаки совпадают с паузами устной речи.

Репертуар знаков в большинстве памятников (из нашей выборки) представлен точкой и virguloй. Точка обозначает конец периода, используется после числительных. Virгула маркирует уточнения (замечания автора), аппозицию, придаточные определительные. Virгула универсальный, но не единственный знак.

Наряду с virгулой как знаком членения периода в текстах используются двоеточие и точка с запятой. Двоеточие обозначает границу частей периода, которые сопоставляются: Aber solche Weiber und gute Freunde sind duenne gesaet/ Theils Weiber sind wie der Monde/ wann die Sonne abwesend ist/ so glaenzet und scheint er/ ist die Sonne verhangen/ so siehet er dunckel und traurig: Also / wann der Mann ausser dem Hause und fern ist/ sind sie froelich und lustig/ ist er daheim/ so hengen sie das Maul/ sind freundlich wie Rauch in den Augen (Trauerreden von Barock, 1641, S. 33).

Следующая функция двоеточия – ввод прямой речи: Wir koennen auch von Ihm wieder andere sagen: Wisset Ihr nicht/ <...> (Trauerreden von Barock, S. 50). Однако эту функцию может выполнять и точка с запятой: Wer sie krieget/ der krieget einen Scorpion/ sagt Syrach; er krieget RABIOSAM CANEM, wie jener beym Plautus sein Weib nennet (Trauerreden von Barock, 1641, S. 33).

Попытаемся выявить некоторые тенденции в употреблении знаков в жанре надгробных речей, проявившиеся во второй половине XVII столетия.

Размер периодов сильно не изменился: периоды достаточно пространные, осложненные вводными предложениями, уточнениями, аппозициями, сравнениями, ссылками, что в целом характерно для данного жанра.

Наряду с этим изменяется характер постановки знаков: в середине XVII в. знаки, как правило, совпадают с паузами устной речи, однако постепенно, к началу XVIII в., фиксируется обозначение знаками синтаксических единиц различного ранга: Die gesegnete Geburt aber dieser aus so hohem und auch vor der Welt herrlichem Gebluet erzeugten Tochter geschahe im Jahr nach der Heyl-Geburt JEsu Christi deß ewigen Sohnes Gottes 1633. am 7ten Tag des Monats Septembris, zwischen 9. und 10 Uhr in der Nacht (Trauerreden von Barock, 1694, S. 344). Это простое, осложненное различными определениями предложение, где запятая отделяет уточнение, паузы устной речи не маркируются.

Граница конца периода обозначена точкой, хотя внутри периода нередко можно выделить относительно самостоятельные построения, которые в середине XVII в. обычно обособляются графически при помощи *virгулы*: Aber solche Weiber und gute Freunde sind duenne gesaeet/ Theils Weiber sind wie der Monde/ wann die Sonne abwesend ist/ so glaenzet und scheinet er/ ist die Sonne verhangen/ so siehet er dunckel und traurig: Also / wann der Mann ausser dem Hause und fern ist/ sind sie froelich und lustig/ ist er daheim/ so hengen sie das Maul/ sind freundlich wie Rauch in den Augen (Trauerreden von Barock, 1641, S. 33); к началу XVIII в. – при помощи *virгулы, двоеточия, точки с запятой*: Er hat nichts gesuendiget wider die hohe Obrigkeit/ nichts wider die wolfahrt des Vaterlandes/ nichts wider die Freyheit dieser Stadt; Seine haende sind nicht gebunden: Seine fuesse sind nicht

in fessel gesetzt (Trauerreden von Barock, 1646, S. 50). Как явствует из примера, на регулярной основе графически обозначаются границы предикативных единиц, однородных членов, уточнения.

В середине XVII в. практически единственным знаком внутреннего членения периода является virgula, реже встречаются двоеточие и точка с запятой, иногда их функции совпадают (см. пример выше). Однако можно указать и специфичные для каждого знака функции. Точка с запятой как знак сравнительно новый знак (Гвейнц 1641) в немецкой пунктуационной практике встречается значительно реже, чем двоеточие.

Двоеточие имеет четкую функциональную базу: *ввод прямой речи*: Und in der darauf folgenden Nacht liessen sie sich gantz deutlich/ mit denen laut ausgesprochenen Worten/ dessen vernehmen: Das Schwehreste ist vorbeyune ueberwunden: noch eines ist uebrig: das aber wird leicht zu ueberwinden seyn (S. 346); *пояснение*: Ihr Geist war feurig und eiferig in heiliger Betrachtung und Andacht: Aus Jhrem Munde flossen die lieblichsten Gespraechе von der Liebe Jesu durch die Erfahrung des Herzens (S. 346); *указание на контраст, антитезу, противительные отношения*: Und die zur Welt Neugebohrne kam zwar/ wie alle andere Nachkommen des ersten Menschens/ in das finstere Thraenen – Thal/ darinnen sie wandeln solte: aber sie wandelte hernach im Licht/ gleichwie Jhr GOTT im Licht ist/ und <...> (S. 344); *вывод, следствие*: Er hatte vornemlich nachgehends die Christliche Theologie studieret/ <...>; zur Lehre von Christo/<...> vollkommen gelernet/ und sich an dieser Wissenschaft so vergnueget/ daß er frey bekennet/ er hielte nicht davor/ daß er etwas wueste/ ohne JESUM den Gekreutzigten: Dannenhero er sich auch von nichts anders/ als dem gecreutzigten JESU geruehmet (S. 394); *оформляет границы частей, связанных бессоюзной связью*: Sie gehoeret unter die drey schoene Dinge/ die Gott und Menschen wohlgefallen: Unter die neun Stuecke/ die Syrach hoch zu loben haelt (S. 33).

Точка с запятой выступает более сильным разделителем, чем запятая и, несмотря на новизну знака, обладает богатым функциональным потенциалом: *отграничивает части, связанные союзной связью*: Weil aber dieselben ihr gar zeitlich abgestorben/ ward sie Anfangs bey dem Herrn Großvater/ <...> zum Jauer; und auch nach desselben Absterben bey dessen Sohne <...> gehalten und auff erzogen (S. 32); *вводит сравнение, параллельные конструкции* (часто есть wie...; so): Wie loeblich dieses; so uebel steht es umb ein Regiment/ wann <...> (S. 53); *отделяет ряды однородных членов*: Bald gedencket er der Testamentarischen Verordnungen; bald der Emancipation der Kinder und Muendlein; bald <...> (S. 394).

Для жанра надгробных речей характерно также использование экспрессивных знаков – вопросительного и восклицательного: Wil man wissen was sie fuer Fruechte gleichwohl hier gezeuget? O der heiligen Ehe/ so sie besessen! O der werthen Fruechte/ so sie getragen! (S. 33).

К началу XVIII в. знаков в тексте становится как будто меньше. Они обозначают границы синтаксических единиц разного ранга. Виргула перестает быть единственным знаком периода, все чаще используются двоеточие, точка с запятой. На основе проведенного анализа мы констатируем функциональный рост двоеточия и точки с запятой.

Для двоеточия характерны: 1) поясняющая функция, 2) ввод прямой речи, 3) сопоставление двух крупных частей периода, 4) двоеточие в сочетании с разрядкой – выделение вывода, главного.

Для точки с запятой характерно: 1) более четкое членение, чем то, которое достигается при помощи запятой; 2) использование для оформления компонентов перечня; 3) разделение распространенных рядов параллельных конструкций. В целом, все данные функции отражены в пунктуационной теории.

Универсальным знаком внутрифразового и межфразового членения остается виргула. Наличие двух основ пунктуации: интонационно-

риторической и синтаксической, часто приводит к гиперпунктуации, так как маркируются не только границы практически всех синтаксических конструкций, но и паузы, свойственные устной речи. Наряду с проявлениями гиперпунктуации находим много случаев графического неоформления (как в первой, так и во второй половине столетия) определенных конструкций, что характерно для становления системы:

придаточные сравнительные: Von solchen ihren Adelichen Eltern/ weil keine leibliche Geburt wie ehrlich und herrlich sie immer seyn mag <...> (S. 32);

придаточные дополнительные: Es ist unlaugbar daß die Kunst zu regieren die allerschwerste sey/ daß <...> (S. 220);

придаточные следствия: Es war da ein Herzt/ ein Sinn/ was er wollte das wolte sie mit/<...> (S. 32);

придаточные определительные: <...> als ein ungleiches paar Ochsen die neben einander ziehen sollen (S. 33);

приложения: Constantinus des Heraclius Sohn ist durch <...>, Lysimachus einer von den Nachkommenen des Alexanders ließ seinen Sohn <...> (S. 33) ; *инфинитивные обороты* маркируются, как правило, лишь справа: Darius der Perser Koenig betraurete seine Gemahlin so schmerzlich/ daß er auch alles versuchte sie wieder ins Leben zu bringen/ zu dem Ende <...> (S. 35).

Полагаем, что случаи разнобоя в графическом оформлении отмеченных синтаксических конструкций свидетельствуют о постепенном переходе от интонационного принципа к синтаксическому.

Драматургия первой половины XVII в. представлена пьесой Харсдерфера “Frawen=Zimmer Gespraech=Spiel” (1641).

В скобках заключены попутные замечания: <...>: Wann ich mit Menschen, und mit Engelzungen redete (oder es allen himmlischen und irdischen Geschoepfen in der Wolredenheit gleich und bevor thaete,) und haette die Liebe nicht, so waere ich <...> (S. 536).

В пьесе используются и экспрессивные знаки (? и !) в современных функциях: Ach was vngereimter Ruhm! was eiteles Lob! (S. 6); Was Nutz haben wir aber darvon? (S. 6).

Двоеточие используется в следующих функциях: *ввод прямой речи; причина, пояснение*: Ein Schild mit einer Spißen ist eine Bildung der Beredsamkeit, welche schueßet und zugleich den Gegner beleidiget: Diese Gleichniß nun ist der Kunstgrund der Bilderey, und <...> (S. 534); *ввод примера*: Als zum Exempel: auf Kaiser <...> (S. 534); *маркирует границу частей, связанных сочинительной связью*: Betreffend ferners die ohne Reimen=Gesetz in vngebundene Rede verfaste Lust=vnd Liebs=Gedicht/ (les Romans) woellen solche einen son derlichen Lehrnutzen/ benebens erfrewlicher Weiß vorwenden: Aber es ist ein suesser Gifft/ vnd tieffverborgene Gemuets=Gefahr/ bey welcher ein so beliebtes Verderben waltet (S. 6); *вводит причинно-следственные отношения*: Wir ersehen (gleich die Muetter an jhren Kindern) gewisse Lastermahl/ so vnseren Sinnen/ auch wider vnsern Willen/ also zu reden/ mit angeboren werden/ vnd wie die Zuneigung zum Boesen maechtig/ wird vnser Vorhaben an diesem Fabelwerk aufferzogen/ vnd erwaechst nicht anders/ als das ephew an einem holen Rohrstab sich erhoehet: Daher ritzet vnd reizet die Liebeslust/ daß man aller Schamhaftigkeit entnommen/ verleuret was durch dieselbe erhalten wird: Daher erlernet man die Gelegenheit zum Boesen bruenstig zu suchen/ listig zu verueben/ beharrlich zu verbergen/ vnnd verweigen/ ja verzweiffelt durchzudrucken (S. 6); *отделяет, наряду с запятой, ряды однородных членов*: In seinem Hals hangt eine guldne Ketten, und an derselben ein Herß: Seine Rechte ist offen, in der Linken haelt er einen <...> (S. 535).

В последних трех позициях функционирует и точка с запятой:

- *отделяет ряды однородных членов*: Dieses Bild sol auf einer Floeten spielen, auf einer Seiten einen Hirschen, der sich durch solches Spiel (wie man schreibt) sol fangen lassen, und zahm werden; auf der andern Seiten einen Bien=

oder Imenkorb haben: weil das Bien benebst dem Hoenig auch den Stachel weiset (S. 535);

- *вводит причинно-следственные отношения*: Was man mit den Augen des Gemuets ersehen kan, findet man alles mit dem Leib eines Bilds bekleidet bey den Egyptern; daher die Alten sehr viel auf diese Kunst gehalten, und <...> (S. 534);

- *маркирует границу частей, связанных сочинительной связью*: Des Menschen Herß ist gleich einem schoenen Orgelwerke, welches fast Englischen hocherhabenen Tugenden und Wissenschaften faehig ist; doch ohne Nußen, wann nicht der Geist der Liebe in solches Orgelwerk blaeset, und gleichsam die Kunst beseelet (S. 536).

Для точки с запятой характерна также функция *ввода сравнения*: Wie aus des Menschen Angesicht sein Sinn und Gedanken zu erkennen; also ist nicht weniger aus dem Bild die Deutung abzunehmen (S. 534).

Виргула регулярно маркирует: *однородные члены; предикативные части разного состава; отделяет распространенное инициальное обстоятельство*: In Betrachtung nun deroselben Wichtigkeit/ wird Herr Gegener in Abend <...> (S. 5); *отделяет распространенную группу подлежащего от группы сказуемого*: Die erste Art dieser Fabel nun/ schuetzet zu sonderlichen Behuf vor <...> (S. 4); *вводные предложения*: Was ander betreffend/ sind die Klust= vvnd Liebsgedicht <...> (S. 7); *инфинитивные обороты*: <...> / damit man nicht veranlast werde/ beedes zu vermeiden (S. 7); <...> / daß wir nicht Vrsach haben/ die Tugend=Lehr so auß der Heydenschafft an vns gelandet/ veraechtlich zu halten/ sonder vielmehr <...> (S. 7).

Драматургия второй половины XVII века представлена пьесами Ф.фон Цезена “Roselieb”, А. Грифиуса “Cardenio und Celinde” (1657) и историко-политической пьесой “Die Teutsche Groß=Koenigin Leonilda” (1673). Членение пространных периодов производят виргула, запятая,

двоеточие и точка с запятой. Для ввода попутных замечаний, ремарок используются скобки. Зоны функционирования точки с запятой и двоеточия четко дифференцированы.

Двоеточие используется для выражения *пояснения и причинно-следственных отношений*, в последней из функций знак конкурирует с точкой с запятой: Sie mag weinen und seufzen/ so lange sie wil/ sie mag alle ihre kraft des mitleidens und der schoenheit auslaßen: Dan/ waen ich ihr nuhr die hand an das hahr werde legen koennen/ so wird sie mier wohl so lange/ biß ich meine waffen in ihr blut aus rachgier werde getrunket haben/ fuhs halten muessen (Zesen, S. 83). Ach! Gnaedigste Großkoenigin/ E. Maytt: Unhnade wuerde mir unertraeglich; dero bevorstehendes Unglueck aber bitterer/ als der Todt seyn; darumb gehen doch E. Maytt. in sich (Die Teutsche Groß=Koenigin Leonilda, S. 10).

Намного богаче представлен функциональный потенциал точки с запятой. Помимо *выражения причинно-следственных отношений* знак *оформляет компоненты перечня*: Ein Habit und Kleidung; Meine aeusserliche Gebaerden; diese in meinen Haenden geschaffene Zeichen und Anmerckungen; Ja alles/ was hier an und bey mir ist/ <...> (Die Teutsche Groß=Koenigin Leonilda, S. 5); *участвует в оформлении прямой речи*: Hierauf blickte sie/ gleichsam als wan sie ueber den sieg erfreuet were/ mit laechlenden augen in die hoehe/ und sagte bey sich selbst; O ihr Blumen/ ich uebertraeffe die schoenheit eurer farben/ und trag' euch nicht daruem/ daß <...> (Zesen, S. 84); Nuhn wohlan! ich will dier etwas sagen; Ich werde mit der Roselinde noch heute zum Weide=Brunnen gehen/ <...> (Zesen, S. 86); *разделяет части, соединенные бессоюзной и союзной связью*: In meinen Rath=und Anschlaegen war ich ehrlich und auffrichtig/ doch dabey sehr gluecklich; Das gute wuste ich zu erhalten und zu vermehren/ dem uebel aber <...> (Die Teutsche Groß=Koenigin Leonilda, S.7); *выражает*

противительные отношения: Du sagest die wahrheit; doch hab' ich hoeren erzaehlen/ daß weder <...> (Zesen, S. 85).

В следующем фрагменте точка с запятой отделяет *придаточное определительное большого объема*: Meine Kleidung war der schoenste Purpur;_Mein Haupt umgab ein gruener mit guelden Rosen durchseßter Lorbeer=Kranß; In meiner rechten Hand trug ich einen guelden Scepter/ in der Lincken einen Oelzweig; welches alls meine natuerliche schoenheit umb ein grosses vermehrete/ und <...> (Die Teutsche Groß=Koenigin Leonilda, S. 6); знак можно рассматривать и как эквивалент знака конца относительно самостоятельного предложения, об этом же свидетельствует заглавная буква.

В функции знака конца предложения может выступать и virgula: Dan/ ach leider/ mein inwaendiges ist nichts als bluht und wunden/ Die grausame spielet mit mehr als tausend jaegerspießen aus den augen der Roselinde; grausame Begierde! (Zesen, S. 81).

Virgula многофункциональна, она маркирует почти все синтаксические конструкции на регулярной основе: Die Einsamkeit der Nacht/ die langen Wege/ der Gang über den einen Kirch=Hof und andere Umstände machten sie so begierig auffzumercken: Als frembde jhnen diese deß Cardenio Begebnüß/ welche man mir in Italien vor eine wahrhaffte Geschicht mitgetheilet/ vorkommen/ daß sie auch nach dem ich mein Reden geendet/ von mir begehren wollen jhnen den gantzen Verlauff schrifftlich mitzutheilen (Gryphius, 1657). Virgula – единственный знак графического оформления: однородных членов предложения и предикативных частей. Однако не оформлен графически инфинитивный оборот (jhnen den gantzen Verlauff schrifftlich mitzutheilen) и придаточное времени (nach dem ich mein Reden geendet/).

Также спорадически не маркируется придаточное определительное и левая граница инфинитивного оборота: Ich der nach vielem abschlagen/ <...>

hab endlich versprochen jhnen wie in andern Begnuegungen also auch mit dieser nicht zu entfallen/ bin aber <...> (Gryphius, 1657); Welches Frauenzimmer ist aber so einfaeltig/ daß es die kunst schoehne zu sein und zu gefallen/ im belustigen zu toedten/ und zu wissen/ welche <...> (Zesen, S. 83).

Художественная проза начала XVII в. представлена сочинениями Оленшлэгера (A. Öhlenschläger) и Шуппиуса (J.B. Schuppius). Для этого жанра типичны периоды небольшого объема; знаками членения периода являются запятая, двоеточие и точка с запятой. Спорадически встречаются скобки, которые содержат попутные замечания, пояснение: <...>, Indianische Nuß, oder Kaback (ist eine harte Schale von einer sonderlichen art Kuerbs) und giessen selbige <...> (Öhlenschläger, S. 502).

Встречается также удвоенное тире как межфразовый знак, который маркирует переход к новой мысли: Es wird aber das Opium nicht allein in Persien, sondern auch in Tuerckeyen und Indien gebrauchet. - - Es sollen auch etliche Weiber, wenn sie sich mit dem Manne nicht wohl begehen mit dem Opio, weil sie dessen nicht gewohnet, ihr leben verkurben koennen (Öhlenschläger, S. 502).

Знаками крупного членения периода выступают двоеточие и точка с запятой, которые не конкурируют друг с другом, так как точка с запятой встречается лишь спорадически (у Шуппиуса ни разу в нашей выборке), оформляя построения с бессоюзной связью: Sie wissen aber denselben nicht zuzurichten, lassen ihn nur als andere Kraeter duerren; Sie hatten in Ispahan ganße Krambuden voll, <...> (Öhlenschläger, S. 502).

Двоеточие обладает целым рядом устоявшихся уже функций, которые отражены и в пунктуационной теории: *ввод пояснения*: Es ist in unserm Lande alles wol bestellet: Der Herr Hoffprediger ist ein erwuendtschter Mann, er thut solche herrliche Predigten, daß <...> (Schuppius, S. 526); *ввод прямой речи*; *оформление построений с союзной связью*: wir haben zwar Graefliche und hochan seynliche Gueter, aber Fuerstliche und Koenigliche

Schulden: und wir haben diese maxim (Schuppius, S. 525- 526); *обобщение перед перечислением*: Von andern Sachen, so die Perser <...> zu geniessen pflegen, als da ist: Opium, Tabak, Cahawè Tzai Chattei Wasser (Öhlenschläger, S. 502).

Запятая достаточно регулярно маркирует границы предикативных частей, разного рода уточнения, однородные члены. Однако фиксируется спорадически и пропуск знака, например, в *придаточном условия*: Es sollen auch etliche Weiber, wenn sie sich mit dem Manne nicht wohl begehen mit dem Opio, weil sie dessen nicht gewohnet, ihr leben verkurben koennen (Öhlenschläger, S. 502); *на границе частей, связанных бессоюзной связью*: <...> : Lieber Antenor, lasset euch doch mit dieser Commission nicht beladen ihr werdet keinen Danck verdienen, <...> (Schuppius, S. 525- 526); *на стыке придаточного и главного*: Wil man einen Reichsthaler haben so fluchen und schweren sie , <...> (Schuppius, S. 526); *в придаточном определительном*: Ausgenommen die RentCammer die taug nichts (Schuppius, S. 526).

Запятая маркирует даже прямую речь: Ich hoert ihm mit grosser Gedult zu und sagte, Mein Herr, ich erinnere mich, daß mir ein vornehmer Mann gesagt, es sey Herr <...> kommen und habe gesagt: Herr Doctor, ich kan <...> (Schuppius, S. 526).

Художественная проза конца XVII века представлена трудами Валентинуса (A.v.Valentinus), Арнольда (G. Arnold), Штилера (K.v. Stieler).

Валентинус, автор “Allgemeine und General Reformation der gantzen weiten Welt” (1681), использует лишь три знака – точку в конце периода и в сокращениях, запятую и двоеточие. Для произведения характерны пространные периоды, состоящие из более чем пятнадцати элементарных предложений, где одно элементарное предложение может вклиниваться в другое.

Двоеточие используется в следующих функциях: *ввод прямой речи*; *ввод следствия, вывода*: <...>, und ist keiner so geschickt gewesen, der den

Patienten beseyn hette: Derwegen liebe Herren, so meine ich also, man lasse feculum hieher kommen, und <...> (S. 63); *развязка*: (речь идет о старике, страдающем от ангины и хриплого голоса, щеки горят румянцем из-за жары, и у него нет сил, но никто ему не верит, что он болен, он просит врачей осмотреть его): <...> und wenn ich ein gutes Angesicht und schoene farb von aussen habe, so ist die Kranckheit inwendig, wie ich sie dann jeßund befinde, wenn ich aber boese farb vnd verfallendes Angesicht habe, denn bin ich inwendig gesund: Wo ihr aber zu wissen begehret, was es eigentlich fuer Kranckheiten sein, die mich also martern, so <...> (S. 65).

Запятая отмечает на регулярной основе границы: *придаточных определительных*: <...> hatten sie kein Hoffnung, daß er etwas so nuhr eßlicher massen<...> (S. 62); *придаточных дополнительных; придаточных причины; вводных предложений; однородных членов предложения; обращение*: Hochweyse Herren, ich bekenne es, daß ich <...> (S. 62); *бессоюзную связь*: <...> bin ich befallen mit den Kranckheiten, die mich plagen, die gute farb aber im Gesicht koempt mirh daher, <...> (S. 64).

Стык синтаксических конструкций обозначен нерегулярно: Nachdem biß alles so vorgebracht, waren die versambleten Herren alle mit einander sehr bestuerbet, als welche sahen daß nunmehr weil Senecas Vorschlag auch verworffen war, das Reformationwerckt gar in Brunnen gefallen waere, <...> (S. 64).

Арнольд использует двоеточие в привычных функциях: *ввод прямой речи и оформление цитаты*: Wie denn Tertullianus <...> schriebe: “Sie solten nur ihre Buecher auffschlagen <...> (S.494), интерес представляет оформление цитаты – открывающая кавычка используется с начала каждой строчки, а закрывающей кавычки нет; *пояснение*: Die Art der marter zu Rom war erschrecklich: man steckte die Christenin baehren= und andere haeute <...> (S. 495); *уточнение*: Oder man nagelte sie an Creuße, welches zwar noch

gering schiene gegen folgender unmenschlichen marter: nemlich die Christen wurden mit papier oder <...> (S. 495).

Точка с запятой оформляет компоненты перечня: Uebersetzungen geistlicher Schriften wie Macarii Homilien; des heil. Clemens Historie von den Reisen und Leben des Apostels Petri; des <...> (S. 494).

В работе Штилера встречаем тире, которое повторяется несколько раз в начале и в конце строчек, что, по мнению Н.Н. Ореховой, “связано с бытовавшим в латиноязычной и англоязычной письменной традиции приемом заполнения пробела (спуска) в виде изогнутых штрихов” (Орехова 2000:118): Wo es nur nicht ein Vorspuk des Franzoesischen Joches sein moechte! - - - (Stieler, S. 284).

В скобки автор нередко заключает не только попутные замечания, или пояснения, но и дает оценку: <...> (denn Rum, Preis und Ehre ist viel zu schlecht) <...> (Stieler, S. 284).

Запятая отмечает очень тщательно практически все синтаксические связи, можно даже говорить о гиперпунктуации, что иногда проявляется в отделении группы подлежащего от группы сказуемого: Kein Ungar, Roeme, Polak, Moskowit, wird seiner Rede solche bunte und naerrische Flicklappen ankleistern, <...> (S. 283).

Таким образом, для художественной прозы второй половины XVII века типичны достаточно пространные периоды, знаками членения которых являются запятая и двоеточие, намного реже точка с запятой (как новый знак в немецкой пунктуационной практике и теории). Запятая - универсальный знак внутреннего членения периода, способный отделять отрезки любого состава, любого смысла. Мы наблюдаем *на протяжении столетия постепенный переход к синтаксической основе постановки знаков*, что демонстрируют многочисленные случаи вклинивания одного элементарного предложения в другое, с обязательным обозначением их границ. Лишь в единичных случаях знаки в таких случаях отсутствуют

(обычно придаточные дополнительные и определительные небольшого объема).

Исторические хроники города Гамбурга (1696) и города Лейпцига (1697)

Репертуар знаков представлен точкой, virguleй, запятой и скобками. Для произведений такого жанра типичны периоды небольшого объема, очевидно, поэтому не используются такие знаки крупного членения периода как двоеточие и точка с запятой. Этот жанр предполагает короткие записи, регистрацию определенных событий, расположенных в хронологическом порядке, это своего рода документальные памятники, поэтому в них не используются и знаки экспрессивные (восклицательный и вопросительный знаки). Широко представлена сочинительная связь, практически нет осложненных конструкций.

Точка регулярно маркирует границы периодов, употребляется в сокращениях и после числительных: 1683. Febr. 6. Geschahe die Auswechlung beyder Intstrumenten zwischen Roem. Kaey. Maj. (Römischen Kaeyserlichen Majestaet) und Churst. Durchl. (Churfuerstlicher Durchlauchtigkeit) von <...> (хроника г. Лейпцига, с. 9).

Использование запятой отмечаем после заимствованных слов: <...> zu St. Germanien Laye, und kam am May. 6 <...> (хроника г. Лейпцига, с. 8).

Спорадически употребляются скобки для ввода замечаний поясняющего характера: Anno 1573. wurden abermahl See=Raeuber zu **Hamburg** <...> gerichtet / derer Haupt war **Hans** von **Enckhuysen** (der Capitain hatte sich bey der Eroberung vom Schiff ins Wasser gestuerbet und ersoffen) bey dem Außbringen brach wegen der Menge des Volcks/ die Bruches Bruecke/<...> (хроника г. Гамбурга, с. 90).

Virgula – это универсальный знак внутреннего членения периода, который на регулярной основе маркирует: *границу между подлежащим и сказуемым*: Hr. **Hermann Moeller** / zoge aber gleich des andern Tages wieder hinweg. **Herzog Heinrich Julius** / hielte diese Zeit <...> (хроника г. Гамбурга,

с. 92) - здесь virгула в сочетании со шрифтовым выделением маркирует важное в смысловом отношении слово; *границы придаточных определительных*: Anno 1587. brandte **Bunten=Hufen** ganß ab/ welches ein Weib/ Nahmens **Margareta**/ hatte angestectet <...> (хроника г. Гамбурга, с. 92) – в данном примере коммуникативно-важные слова, образующие ядро сообщения, выделены с помощью другого шрифта; *однородные члены предложения разного состава*: Anno 1590. Kam König Christianus IV nach **Hamburg** den 6 July, hatte sein Logiament in der Gruenenstrasse bey Hr. Herman Moeller/ zohe den 8 dieses wieder von hier (хроника г. Гамбурга, с. 93). <...>/ welche Abraham/ Isaac/ Jacob und Samuel genannt wurden. (хроника г. Гамбурга, с. 92); *приложение*: 1682. Martius 27. Langte der Chur=Baeyrische Minister, Herr Graf von Breysing/ in wichtigen Affairen zu Wien an (хроника г. Лейпцига, с. 9); *распространенное инициальное обстоятельство*, что связано с дыхательной паузой: Anno 1589. Zwischen den 16 und 17 Julij des Nachts umb ein Uhr/ schlug das Wetter <...> (хроника г. Гамбурга, с. 93); Den 20 November dieses Jahr/ starb Herzog Philippus (хроника г. Гамбурга, с. 93); Anno 1586. Montags im Pfingsten / kam Herzog <...> (хроника г. Гамбурга, с. 91); *отрезки, уточняющего характера*: 1682. Gieng der Freyherr von Orsbeck / aeltester Herr Bruder Jhro Chur = fuerstlichen Gnaden von Trier / zu Kuerbach/ unsern Coblenß/ ploeblich mit Tode ab (хроника г. Лейпцига, с. 9).

Достаточно последовательно virгула маркирует и другие синтаксические связи: границы придаточных дополнительных, придаточных следствия; границы частей, связанных союзной и бессоюзной связью. Однако virгула как знак конца периода занимает маргинальное положение: Anno 1571. Wurde die Sonne ganß **blutig** geschauet/ dieses Jahr entstand zu **Hamburg** / eine Feuerbrunst <...> (хроника г. Гамбурга, с. 90).

Таким образом, на регулярной основе виргула маркирует однородные члены предложения, отделяет распространенную группу подлежащего от группы сказуемого, распространенное инициальное обстоятельство, разного рода уточнения, что связано с соответствующими паузами устной речи. Такое регулярное графическое оформление интонационного перелома в структуре периода свидетельствует о том, что интонационно-риторическая основа пунктуации продолжает играть важную роль даже в конце XVII века. Однако синтаксический принцип пунктуации уже не менее значим, о чем свидетельствует обозначение границ придаточного определительного, сам факт понимания необходимости обозначения границ и других придаточных предложений.

Литература религиозного характера представлена в работе Я. Беме (J. Böhme) "Mysterium Magnum" (1623). Знаками внутреннего членения достаточно пространных периодов, характерных для этого жанра, являются виргула, скобки (для ввода попутных замечаний, уточнений, пояснений), двоеточие и точка с запятой.

Приведем типичный пример (S. 224 - 225): So war nun der Baum der Erkäntnuß des Bösen, die finstere Welt, die war an diesem Baume auch offenbahr: auch so war die Eitelkeit/ wie es heutiges Tages in aller irrdischen Frucht ist/ darinnen offenbahr: Darum unterscheidet Moses den Baum und saget/ den Baum des Lebens; da verstehet er die Eigenschafft des ewigen Lebens im Baume/ als das 2te **Principium**/ und mit dem Worte des Baumes der Erkäntnuß Gutes und Böses/ verstehet er den Grimm des Zorns GOttes/ welcher durch der äussern Welt Wesen in der Irrdigkeit in diesem Baume offenbahr war/ davon solte Adam nicht essen; denn er solte mit dem innern Munde essen und nicht mit der irrdischen Begierde/ sondern mit der himmlischen; denn ihme wuchs auch solche Frucht/ die der innere Mund kondte niessen; wohl aß der äussere Mund auch davon/ aber nicht in Madensack. Данный период демонстрирует зоны функционирования двоеточия и точки с запятой: для точки с запятой в

большей мере характерны три функции: ввод причины, следствия или оформление частей, связанных союзной связью (und).

Для двоеточия специфичными являются четыре функции - ввод прямой речи, пояснение, оформление параллельных сравнительных конструкций (с. 225): Denn gleich wie das Liecht die Finsternüß verschlinget: also verschlang das Himmlische das Irrdische/ und <...> и оформление противительных отношений, контраста (S. 223): Die ganße Welt wäre ein lauter Paradeiß gewesen/ so es Lucifer nicht hätte verderbet/ welcher ein **Hierarcha in Loco** dieser Welt war/ im Anfag seiner Schöpffung: Weil aber GOTT wohl erkante/ daß Adam fallen würde/ so hat das Paradeiß nur an einem gewissen Orthe gegrünet/ <...>.

Нередко двоеточие конкурирует с точкой в качестве знака конца периода, о чем свидетельствуют и соответствующий порядок слов и заглавная буква (S. 222): Das Paradeiß war anders nichts als des siebenden Tages Eigenschafft: Die himmlische Wesenheit des zweiten **Principii** lieget in der Erden verschlossen/ der Fluch GOTTes hat sie verborgen, dieselbe grünete (im Anfang der Welt) durch die irrdische Wesenheit/ gleich wie die Ewigkeit in der Zeit ist/ und die göttliche Krafft durch alles ist/ und doch keinem irrdischen Dinge in der Gelbheit ergriffen oder verstanden. Данный пример демонстрирует и регулярные зоны функционирования вириулы: оформление однородных членов; разделение частей, связанных союзной и бессоюзной связью; оформление границ придаточного определительного; сравнения; границы инфинитивных оборотов.

Другие зоны регулярного функционирования вириулы – оформление границ разного рода придаточных предложений, отрезков уточняющего характера, граница между Nachsatz и Vordersatz (придаточным и главным).

Четко проявляется тенденция к графическому оформлению границ элементарных предложений в составе периода, однако отступления спорадически встречаются - как правило, это придаточные

дополнительные, которые графически не маркируются с левой стороны вследствие их незначительного объема (S. 222): <...>: Denn der Mensch der Eitelkeit ist das nicht werth/ daß er wisse was das Paradeiß sey; und <...> (S. 223).

Сопоставляя пунктуационную теорию и практику, можно сделать вывод об их полном соответствии, что не в последнюю очередь зависит и от жанра. Автор использует знаки, исходя из их иерархии, наличия других знаков. Можно констатировать синтаксический (структурный) подход к постановке знаков. Случаев отсутствия знаков для оформления синтаксических конструкций практически не наблюдается.

Религиозная литература второй половины XVII в. представлена работами Санта Клара (A. a Santa Clara) и Опенера (Ph. J. Opener). Функции точки с запятой прежние: *разделение частей, связанных союзной связью; ввод причины, следствия.*

У двоеточия фиксируем новые для данного жанра функции, хотя эти уже функции кодифицированы у Затлера (1607) и Гвейнца (1641): *обобщение перед перечислением*: Wozu wir uns bekennen müssen: a. daß wir erkennen Gott sey allein werth/ daß wir uns ihm heiligen/ b. Daß wir trachten müssen nach seinem Reich/ c. daß wir alle Hindernisse hinwegräumen (Opener, S. 566); *ввод примера*: <...>; unter andern ihme auch gegeben drey Töchter/ dero Schönheit und Wolgestalt alle Weibs=Bilder übertroffen hat in dem ganzen Land: Stirn halber die schönste/ Augen halber die Schönste/ Nasen halber die Schönste/ <...> (A.a Santa Clara, S. 579).

Все другие синтаксические связи маркируются достаточно регулярно при помощи virguly.

Научно-популярная литература первой половины XVII в. представлена в работе М. Опица “Prosodia Germanica. Oder Buch von der Deutschen Poeterey” (1658) М. Опиц использует пространные периоды, достигающие до двенадцати элементарных предложений.

Двоеточие используется в традиционных уже функциях ввода прямой речи и пояснения: Welcher aber zur Antwort gab: Er scheßte sich dessen Lobes viel zu unwuerdig: Denn auch nur ein mittelmaessiger Poete hoeher zu halten sey, als sehen Philosophastri (S. 233). У двоеточия появляется и новая функция - ввода примера: Ja wenn sie einen gar veraechtlich halten wollen, so nennen sie einen Poeten: wie dann Erasmo Roterdamo von groben Leuten geschahe (S. 233). Однако эту функцию выполняет и точка с запятой: Es sehen aber die Menschen nicht alleine die Sachen gerne, welche an sich selber eine Ergoeßung haben; als schoene Wiesen, Berge, Felde <...> und dergleichen: sondern sie hoeren auch die Dinge <...>; als wie Hercules seine Kinder ermordet, wie <...> (S. 235). Двоеточие в данном примере маркирует противительные отношения.

Сфера функционирования лишь точки с запятой – это обозначение границы между частями, связанными союзной и бессоюзной связью: So ist auch ferner nichts naerrischer, als wann sie meynen, die Poeterey bestehe bloß in ihr selber; dir doch alle andere Kuenste vnd wissenschfften im sich haelt (S. 233); Es wird kein Buch, keine Hochzeit, kein Begraebnis ohn uns gemacht; vnd gleichsam als niemand koente alleine sterben, gehen vnsere Gedichte zugleich mit jhnen vnter (S. 234).

Запятая на регулярной основе маркирует различные синтаксические конструкции.

Спорадически используются скобки для выделения вводных конструкций: Ich koente auch <...> Leute erzaehlen, die auff diese Kunst (wo ich sie eine Kunst nennen soll) jhren hoechsten Fleiß gewendet haben, <...> (S. 233).

У Харсдерфера в “Schutzschrift für die Teutsche Spracharbeit” (1644) находим двоеточие в функции обобщения перед перечислением: Bevor wir aber naeher zu der Sache treten/ und die widrigen Einreden beantworten/ ist zu wissen daß die dickermelte Teutsche Spracharbeit nachfolgendes Absehen hat:

1. Daß <...>. 2. Daß <...>. 3. Daß <...>. 4. Daß <...>. В данном примере видим и отсутствие знака перед придаточным дополнительным, что было нередким для исследуемого периода.

Научно-популярная литература второй половины XVII в. представлена “Этикой” Шоттеля (1669).

Двоеточие как и прежде используется в функциях пояснения, обоснования и ввода примера.

Для точки с запятой специфичны функции отделения рядов однородных членов и выражение следствия. *Общей зоной функционирования двоеточия и точки с запятой является оформление построений с союзной и бессоюзной связью*, что демонстрирует следующий пример: E. F. Durchl. ueberreiche ich alhier ein in Teutscher Sprache neubeschriebenes Buch/ die Wollebenskunst/ Sittenkunst oder Sittenlehr/ sonst Ethica genant/ worin verbossentlich / nichts als gutes/ weil das endliche Absehen und Zweck darin nur ist das beste und hoechste Gute/ so in diesem Leben von uns Menschen zuersteben; der Weg und Anleitung aber zu dem hoechsten besten Guten ist die Tugend/ und also von dem Guten und von der Tugend das Buch durch und durch handelt: Und weil die Tugend in unserem Gemueht die Oberstelle erhalten muß / unser Gemueht aber in dem Verstande und Willen bestehet; Unser Herß hergegen von den affecten und Herßneigungen oft eingenommen und uebermeisteret wird/ so ist zu noeltiger Vernehmung dienlich gewesen/ daß auch in diesem Buche von des Menschen Verstande / Willen/ Herße/ Herßneigungen/ auch aeusserlichen und innerlichen Sinnen hatmuessen kuerßlich etwas erwehnet und vorgestellet werden (S. 7).

Виргула универсальна, она маркирует различные предикативные части, аппозицию: Dem Durchlechtigsten Fuersten und Herrn/ Herrn August Friedricß/ Herßogen Zu Braunschweig und Lueneburg/ <...> (S. 1); однородные члены, сравнения, уточнения, отделяет группу подлежащего от группы сказуемого.

«Письмо из Гамбурга, благородному другу от Лейпцигской коллегии» Письмо написано в **научном стиле**, который характеризуется объемными периодами, обилием латинских слов, различных конструкций, осложняющих каркас основного повествования.

Арсенал знаков представлен запятой, virгулой, точкой с запятой, двоеточием, точкой и скобками. Восклицательный знак выражает сожаление: So weit ist es leider! Mit unserem Christenthum / heut zu Tage kommen (S. 1). Запятая используется после латинских слов. Точка в конце периода, после числительных, в аббревиатурах: <...> des seeligen D.Lutheri.

Скобки используются для нумерации компонентов перечня: Er hat auch/ so viel ich aus seiner information behalten koennen/ gewisse adminicula, so zu Erklaerung der Schrifft dienen/ suppediit: als gewisse praesupposita, die einem Stidioso Theologiae noechtig sind/ wann er die Heilige Schrifft erbaulich studiren wolte: nemlich (1.) daß er sein Gemühte wohl praeparire, in Betrachtung des objecti, finis und mediorum, die er vor sich habe in diesem Heiligen proposito: (2.) einem bereiten Willen nicht nur die Himmlische Warheit zu erkennen/sondern auch den erkantenWillen Gottes zu vollbringen Johann.VII.17. (3.) daß er sich huete fuer praeconceptis opinionibus, durch welche oftermahls der rechte sensus scripturae nicht getroffen wuerde: (4.) daß er menschliche autoritaet in der Erklaerung der Schrifft nicht dem klaren literae vorziehe/ und daß er (5.) darbey die Vernunft recht brauche /und nicht die Schrifft nach derselben regulire (S. 3).

Как видно из данного примера virгула маркирует вставочную конструкцию (/so viel ich aus...koennen/ <...>); придаточные определительные (<...>, so zu Erklaerung <...>/); придаточные условия (/wann er die Heilige <...>); однородные члены (<...> nicht nur die Himmlische Warheit zu erkennen/ sondern <...>); встречается двоеточие, которое обозначает границу двух частей, которые сопоставляются;

пояснение с перечислением; границу между компонентами перечня. Автор умело использует знаки, что создает четкую структуру периода.

Спорадически используется точка с запятой: Hochgeehrter Herr; (1) Weil derselbe in seinem neulichsten Schreiben an mich zu wissen verlangt/ was es eigentlich vor Bewandnueß mit den Collegiis Biblicis, welche etliche Magistri und Studiosi in Leipzig zu halten pflegen/ habe; (2) soll nicht unterlassen/ so viel mir davon wissend/ part zu geben; (3) Insonderheit/ weil jeßo durch ungleiche relation, und durch etlicher boesen Leite ausgesprengte calumnien, vielen ungleiche impression davon gemacht worden; (4) Als wuerden die Studiosi von andern noetigen studiis abgehalten/ so gar/daß <...> (S. 1). Точка с запятой здесь маркирует крупные узлы членения: (1) обращение, (2) служит границей между главным и придаточным следствия, (3) между главным и придаточным причины, (4) между главным и придаточным ирреального сравнения.

Виргула является универсальным знаком для обозначения: придаточных дополнительных: <...> verlangt/ was es eigentlich <...> habe; придаточных определительных; вводного предложения; уточнения (/ heut zu Tage kommen); однородных членов предложения; придаточных причины.

Инфинитивные обороты, как правило, обособляются с помощью виргулы: <...>/ und unter sich einig worden/ woechentlich einmahl zusammen zu kommen/ und so wohl gewisse Buecher Altes/ als Neues Testaments, nach der Grund= Sprache zu erklaeren/ und gewisse perifmata <...> /herausser zu ziehen/ <...> (S. 2); <...>/ wurde Herr M.Fracka von etlichen Herren <...> das Auditorium <...> vergoennet/ seine lectiones darinnen zu halten (S. 2); <...>/ Krafft genug haette/ die Herzen der Menschen zu erleuchten und zu bewegen/ daß Menschen Kunst wenig oder nichts darbey thaete (S. 3).

Таким образом, в научном стиле можно констатировать стремление регулярного графического оформления границ предикативных частей,

стыков различных конструкций. Знаками членения крупных блоков периода являются точка с запятой и двоеточие, их функции часто совпадают и, следовательно, выбор конкретного знака не вполне последователен. Омографизм виргулы позволяет считать ее универсальным знаком исследуемого периода.

Подытожим изменения в пунктуационной практике *первой половины XVII в.* и сопоставим их с кодификационными требованиями.

В качестве знаков конца периода могут выступать (наряду с точкой) виргула, двоеточие и точка с запятой. Автосемантичность этих предложений обеспечивается не только относительно законченным смыслом, порядком слов, но и заглавной буквой следующего слова. В кодификации (Ратке 1629, Гвейнц 1641, Харсдерфер 1647) двоеточие, как и точка, означает почти законченный смысл, виргула же выражает незаконченный смысл. В пунктуационной практике виргула является и знаком законченного смысла. Точка с запятой считается новым знаком, скорее латинским, чем немецким, поэтому функции его четко не определены не только в узусе, но и в теории, знак может замещать двоеточие, а так как двоеточие выражает почти законченный смысл, то оба знака теоретически могут маркировать конец предложения. Эта возможность реализуется на практике, особенно в жанре траурных речей и художественной прозе (барочный роман, Штилер). В кодификации отмечена возможность использования двух точек: малой и большой, однако их функции не рассматриваются, более того, Харсдерфер высказывается об упразднении малой точки, так как малая точка может быть замещена виргулой. В практике первой половины XVII в. малую точку мы уже не регистрируем, она используется лишь при изложении пунктуационных учений XVI века.

Памятники анализируемого периода содержат большое количество усложненных синтаксических комплексов, что значительно усложняет понимание. Усложненность эта возникает в результате многократного включения в основное предложение уточняющих элементов, придаточных предложений разных типов подчинения, оборотов. Графическое оформление крупных узлов членения периода при помощи двоеточия (в кодификации) наряду с соответствующим порядком слов способствует в определенной степени прояснению структуры периода. В узусе функции двоеточия представлены следующими зонами: ввод прямой речи, пояснение, отделение частей бессоюзных и сложносочиненных предложений, отделение рядов однородных членов, выражение причинно-следственных отношений, противопоставление двух частей периода, обобщение перед перечислением.

Ратке кодифицирует точку с запятой (Mittelzeichen). Ее функции на практике разнообразны: отделение рядов однородных членов, выражение причинно-следственных отношений, противопоставление двух частей периода, ввод прямой речи (Цезен), отделение распространенного придаточного относительного предложения, отделение частей бессоюзных и сложносочиненных предложений. Некоторые функции ее в узусе совпадают с функциями двоеточия: союзная и бессоюзная связь, пояснение, причинно-следственная связь, отделение распространенных примеров и компонентов перечня и, следовательно, выбор конкретного знака не вполне последователен.

В первой половине XVII в. в кодификационных источниках и на практике появляется восклицательный знак (Ратке 1629), в узусе начинает использоваться двойное тире как переход к новой мысли (Оленшлегер, Гриммельсгаузен). В скобки заключают иной смысл, не связанный с основным повествованием, кодификационные требования здесь совпадают с узусом.

В барочном романе (1626) фиксируется запятая после заимствованных слов, в других случаях разделение различных отрезков выполняет virгула. Такое положение отражено и в кодификации (Харсдерфер 1647). Virгула является и межфразовым, и внутрифразовым знаком. Как внутрифразовый знак она отделяет: однородные члены, маркирует достаточно регулярно границы предикативных частей, отделяет распространенную группу подлежащего от группы сказуемого, инициальное распространенное обстоятельство, маркирует даже ввод прямой речи (Шуппиус). При вводе разного рода уточняющих элементов (инфинитивный оборот, вводная конструкция, обращение, приложение, вклинивание одного предложения в другое) на первый план выходит *выделительная функция virгулы*, однако чаще графически обозначается лишь одна граница уточняющего элемента. *Наблюдается тенденция к графическому оформлению всех предикативных частей при помощи virгулы, двоеточия или точки с запятой*. Однако встречаются и случаи графического неоформления некоторых синтаксических построений: обычно это нераспространенный инфинитивный оборот в препозиции или в постпозиции, придаточное дополнительное, сравнительное, меры, образа действия, что мы связываем с начальным этапом становления системы, с наличием тесной связи с антецедентом, без придаточного предложения главное оказывается незавершенным, лишенным смысла. Такое оформление подобных конструкций (Приложения 3-5) ярко проявляется в переводном романе (влияние языка оригинала), в траурных речах, драматургии, проповедях, то есть не последнюю роль в графическом оформлении играет и интонационный рисунок высказываний.

Широко используемых virгулы и двоеточия уже недостаточно, постепенно в пунктуационную практику и теорию вводится точка с запятой.

Во второй половине XVII в. в кодификации представлены те же знаки, что и в первой половине столетия. Знаками конца периода являются в кодификации точка, вопросительный и восклицательный знаки, по-прежнему грамматисты упоминают малую и большую точки (Беллин 1657, Бедикер 1690). На практике знаками конца периода являются точка, вопросительный, восклицательный знак, редко virгула (Цезен), двоеточие (Штилер). Относительно точки с запятой у грамматистов нет единства и в конце столетия (Бедикер 1690). Согласно Бедикера, точку с запятой в узусе часто замещают virгулой или двоеточием, что подтверждается и примерами из нашей выборки. Зоны функциональной синонимии двоеточия и точки с запятой те же, что и в первой половине столетия: союзная и бессоюзная связь, пояснение, причинно-следственная связь, отделение распространенных примеров, однородных членов, даже ввод прямой речи (Цезен). Таким образом, дифференциации функций двоеточия и точки с запятой не происходит на протяжении всего столетия, однако можно говорить о все большей экспансии точки с запятой.

Virгула – универсальный межфразовый и внутрифразовый знак на протяжении всего столетия. В кодификации определение ее функций не совсем неясно - virгула разделяет слова и делает незаконченную речь понятной. На практике virгула маркирует интонационные паузы и синтаксические построения: отделяет распространенную группу подлежащего от группы сказуемого, маркирует распространенное инициальное обстоятельство, однородные члены, предикативные части, отрезки уточняющего характера. Если в первой половине XVII в. отмечен ряд немаркированных придаточных, то во второй половине века наблюдаем действие языкового закона аналогии, когда графическое оформление всех придаточных постепенно выравнивается, за исключением жанра траурных речей. Запятая в узусе и в теории стоит после заимствованных слов.

В узусе представлено тройное тире (Штилер) как знак спуска, заполнения строки. Так, тире, появившееся в узусе еще в первой половине XVII в., не нашло отражения в кодификации в течение всего века. Во второй половине XVII в. в узусе фиксируем появление открывающих кавычек - они ставятся в начале каждой строчки (Арнольд), что также не отражено в кодификации. Бедикер кодифицирует круглые и квадратные скобки. В круглые скобки помещаются попутные замечания, оценка автора; в квадратные – цитируемые, чужие замечания, однако в нашей выборке мы их не фиксируем.

В XVII в. в теории и на практике наблюдается проявление двойственной природы пунктуации – первоначально знаки соотносят с паузами устной речи (Ратке, Гвейнц), далее знаки организуют написанное, членят текст и дают понять, что должно быть отделено или выделено (Харсдерфер, Беллин, Шоттель, Бедикер). *На протяжении столетия имеет место взаимодействие двух принципов: интонационно-риторического и семантико-синтаксического принципа.*

2.4. Пунктуация в немецких памятниках XVIII века

Роман первой половины XVIII века. В романе Гриммельсгаузена “Dess Wunderbarlichen Vogelnessts Zweiter theil” (1749) представлены достаточно пространные периоды, осложненные вводными словами и предложениями, придаточными разной степени подчинения, когда главное предложение может оказаться разорванным на несколько частей.

Рассмотрим пример: 1) Nach diesem bedachte ich 2) was ich thun: 3) und wie ich meine Haendel anstellen wolte/ damit ich wieder recht gruen wuerde/ und <...> (S. 15). Точка стоит в конце периода, заглавия. Универсальным знаком графического оформления периода является виригула, которая регулярно маркирует: границы предикативных частей;

границы вводного предложения; границы инфинитивных оборотов; ряды однородных членов. В целом эти конструкции маркируются у Гриммельсгаузена на регулярной основе, случаи графического необособления таких конструкций крайне редки. Так, отсутствие знака в позиции 2 демонстрирует отклонение от сложившейся уже тенденции отмечать границы предикативных единиц, возможно – это намеренный прием автора, чтобы при помощи последующего двоеточия (3) выделить смысловой центр периода – слово *thun* (что же я наделал). Двоеточие перед *und* (3) обозначает границу смыслового перелома и соединяет части, связанные при помощи союза: После этого я обдумал, что я наделал: и как мне организовать торговлю, чтобы снова встать на ноги <...>.

В романах Гриммельсгаузена второй половины XVII и первой половины XVIII в. качественных изменений не наблюдаем: корпус знаков не пополняется, используются все современные знаки, кроме многоточия. В скобки заключаются попутные замечания. Точка стоит в конце периода, в конце заглавия.

С точкой как знаком конца периода конкурируют, как и прежде *virгула*: <...>/ und dirs an <...> mangelt/ so lerne doch an diesem stummen Gemaechten/ wer weiß wie dich Gott wiederumb zu segnen beschlossen? Als der dir noch kein Glueck versagt hat/ hastu doch noch den Samen/ das ist die Mittel und Gelegenheit/ gleich wie diese Blumen=Zwiebeln <...> (S. 13); *двоеточие*: <...> da ich meinen ersten Trost empfang/ <...>/ als ich nemlich betrachtet/ <...>/ andere Blumen=Zwiblen <...>/die <...> nicht verdorben/ sondern <...>/ auf den kuenfftigen Fruehling <...> auff das neue praechtig zu prangen: du Harz/ sagte ich damals zu mir selbst/ wann <...> (S. 13); *точка с запятой*: <...> / und was das aller=abscheulichstest/ wider das außtrueckliche Gebot Gottes/ und frommer Christen Gebuert/ mich bey den Siebtraehern/ Schaffgraebnern und Teuffelbannern umb Huelff und Rath beworben haette; Ja/ ich selbte mir schon vor/ wie ich solch Uebersehen buessen/ und <...> (S. 14).

Эти знаки отделяют относительно самостоятельные предложения внутри периода.

Двоеточие употребляется: *перед обобщением, что выражается и лексически*: <...>: kurz gesagt/ mein Trost/ <...> (S. 13); <...>: In Summa Summarium/ <...> (S. 14); *маркирует границу между частями, соединенными союзной связью*: <...> was ich thun: und wie ich meine Haendel anstellen wolte/ <...> (S. 15). Однако в последней функции может выступать и точка с запятой: Mitten in diesem meinem Jammer und elenden Zustand spatzirte ich vor Unmuth/ und in der allerhoechsten Traurigkeit/ als <...>; und wann einer/ der mich also hinwandern sehen/ <...> (S. 12). Этот же знак вводит причину: <...>: aber es gieng GOtt Lob viel besser ab; dann diß war derselbige Ort, da ich meinen ersten Trost empfang/ <...> (S. 13).

Роман второй половины XVIII в. Эмоциональный протест, взрыв чувств, эмоций, так характерный для прозы “Бури и натиска” находит свое отражение и в пунктуации. Широкое распространение получает уже не новый знак для данного периода – тире.

Тире маркирует: *обращение*: “Ach! koenntest du das wieder ausdruecken, koenntest du dem Papiere das einhauchen, was so voll, so warm in dir lebt, <...>!” – *Mein Freund* – Aber ich gehe darueber zu Grunde, ich erliege unter der Gewalt der Herrlichkeit dieser Erscheinungen (Goethe. Leiden des jungen Werthers, S. 4); *переход к новой теме; отделяет реплики героев в диалоге*: “Vetter?” sagte ich, indem ich ihr die Hand reichte. “Glauben Sie, daß ich des Gluecks wert sei, mit ihnen verwandt zu sein?” – “Oh,” sagte sie mit einem leichten Laecheln, “unsere Vetterschaft ist sehr weitlaeufig, und <...>” (Goethe. Leiden des jungen Werthers, S. 5);

Двоеточие используется для ввода прямой речи и выражения следствия: Sie sprachen viel herueber und hinueber, und endlich war folgendes ungefaehr das Resultat ihrer Unterhaltung: Im Roman wie im Drama sehen wir

мenschliche Natur und Handlung (Goethe. Wilhelm Meisters Lehrjahre, S. 172).

Функции точки с запятой несколько разнообразнее: знак отделяет *пояснение*: Ich war ausgestiegen, und eine Magd, die ans Tor kam, bat uns, einen Augenblick zu verziehen; Mamsell Lottchen wuerde gleich kommen (Goethe. Leiden des jungen Werthers, S. 4); *отделяет части бессоюзного сложного предложения*: Ich machte ihr ein unbedeutendes Kompliment; meine ganze Seele ruhte auf der Gestalt, dem Tone, dem Betragen und ich hatte eben Zeit, mich von der Ueberraschung zu erholen, als sie in die Stube lief, ihre Handschuhe und den Faecher zu holen (Goethe. Leiden des jungen Werthers, S. 4); *отделяет параллельные конструкции*: Im Roman sollen vorzueglich Gesinnungen und Begebenheiten vorgestellt werden; im Drama Charaktere und Thaten (Goethe. Wilhelm Meisters Lehrjahre, S. 172); *отделяет распространенные однородные ряды*: So vereinigte man sich auch darueber, daß man dem Zufall im Roman gar wohl sein Spiel erlauben koenne; daß er aber immer durch die Gesinnungen der Personen gelenkt werden muesse; daß <...> (Goethe. Wilhelm Meisters Lehrjahre, S. 173). Употребление знаков уже аналогично современному.

Религиозная литература первой половины XVIII в. и журнал "Der Biedermann"(1727) демонстрируют одинаковые функции знаков. В церковной песне из "Herrnhuter Gesangbuch" Цинзендорфа (N.G.v.Zinzendorf 1735) двоеточие используется: *для ввода прямой речи, пояснения, следствие*: Doch laß die lippen trocken seyn; des geistes hauch darf nur hinein, der vor dem thron der Majestaet in donnern und posaunen geht, und eine kole vom altar gebraucht: so ruehren sich die lippen, daß es raucht (S. 155).

Точка с запятой маркирует: *условно-следственные отношения*: Wenn einer in dem glanz des lichts sich sieht, und sieht, er tauge nichts, und geht und greift die sache an, und thut nicht was er vor gethan, und mueht sich selber viel und mancherley; der lernet nie, was ein Erloeser sey (S. 156); *связывает*

части, соединенные союзной и бессоюзной связью: Sie thut; und wenn sie denn ihr werk gethan, denkt sie gemeiniglich nicht weiter dran (S. 156); Doch laß die lippen trocken seyn; des geistes hauch darf nur hinein, der vor dem thron der Majstaet <...> (S. 155); *отделяет ряды однородных членов*: Ich weiß, daß viele, die vor einiger Zeit geschlossenen Schrifften wiederum von Anfang zu lesen angefangen; und mich versichert haben, daß <...> (Der Biedermann, S. 157).

Восклицательный знак маркирует обращение: DU unser auserwaehltes Haupt, an welches unsre seele glaubt! (S. 155).

Запятая регулярно маркирует все синтаксические отношения.

Философская проза второй половины XVIII в. В “*Метафизике*”

И.Канта (1766) знаки используются с учетом длины периода, иерархией знаков.

Точка с запятой выражает *пояснение; противительные отношения*: Alle Menschen stehen seiner Auslage nach in gleich inniglicher Verbindung mit der Geisterwelt; nur sie empfinden es nicht und <...> (S. 379); *следствие, вывод*: Es haben aber die Stellen der Geister untereinander nichts mit dem Raume der körperlichen Welt gemein; daher die Seele eines Menschen in Indien, mit der eines andern in Europa, was die geistliche Lage betrifft, oft die nächste Nachbarn seyn, und <...> (S. 381); *сопоставление двух частей периода*: <...>: Die koerperliche Wesen haben keine eigene Subsistenz, sondern bestehen lediglich durch die Geisterwelt; wiewohl ein jeder Koerper nicht durch einen Geist allein, sondern durch alle zusammengenommen (S. 382-383); *причину, обоснование*: (Ein kuenftiger Ausleger wird daraus schließen: daß Schwedenberg ein Idealist sey; weil er der Materie dieser Welt auch die eigne Substanz abspricht, und sie daher vielleicht nur vor eine zusammenhaengende Erscheinung halten mag, welche aus der Verknuepfung der Geisterwelt entspringt.) (S. 383).

Двоеточие маркирует *пояснение*: Es meynen also die Geister: daß dasjenige was aus dem Einflusse der Menschenseelen in ihnen gewirkt worden, von ihnen allein gedacht sey, <...> (S. 381); *вывод, заключение*: (Ein künftiger Ausleger wird daraus schließen: daß Schwedenberg ein Idealist sey: weil <...> (S. 383).

Необходимо отметить, что запятая графически оформляет границы практически всех предикативных частей, однородные члены, сравнения, уточнения, инфинитивные обороты. Однако спорадически не маркируются: *придаточные определительные*: Ein Geist liest in eines andern Geistes Gedächtniß die Vorstellungen die dieser darin mit Klarheit enthält (S. 381); *инфинитивные обороты*: Daher ist Schwedenberg das rechte Orakel der Geister, welche eben so neugierig seyn in ihm den gegenwärtigen Zustand der Welt zu beschauen, als er es ist in ihrem Gedächtniß wie in einem Spiegel die Wunder der Geisterwelt zu betrachten (S. 381); <...> gefunden haette, daß sie sich kaum haetten ueberreden koennen gestorben zu seyn, weil <...> (S. 384); *придаточные дополнительные*: Es meynen also die Geister: daß dasjenige was aus dem Einflusse der Menschenseelen in ihnen gewirkt worden, von ihnen allein gedacht sey, <...> (S. 381).

К концу столетия философская проза по-прежнему характеризуется достаточно объемными периодами, усложненными придаточными предложениями, оборотами, вводными конструкциями; стыки различных конструкций маркируются лексически при помощи союзов, графически – при помощи знаков, самый распространенный из них запятая.

Рассмотрим пример: Hume wuerde sich bey diesem System des allgemeinen Empirisms in Grundsäßen auch sehr wohl befinden; (1) denn er verlangte, wie bekannt, nichts mehr, als daß, statt aller objectiven Bedeutung der Notwendigkeit im Begriffe der Ursache, eine bloss subjective, nemlich Gewohnheit, angenommen werde, um der Vernunft alles Urtheil ueber Gott, Freyheit und Unsterblichkeit abzusprechen; (2) und er verstand sich gewiß sehr

gut darauf, um, wenn man ihm nur die Principien zugestand, Schluesse mit aller logischen Buendigkeit daraus zu folgern (Harknoch, S. 26). Точка с запятой служит для отделения (1) пояснения, обоснования и (2) связывает, наряду с союзом, относительно самостоятельные предложения. Период осложнен вводным предложением (<...>, wie bekannt, <...>), разного рода придаточными предложениями, уточнениями (<...>, nemlich Gewohnheit, <...>), инфинитивными оборотами (<...>, um <...> abzusprechen; <...>); абсолютно все эти конструкции на письме графически оформляются при помощи запятой, то есть это проявление синтаксического принципа пунктуации.

Регулярно обособляются инфинитивные обороты с um...zu. Наблюдается гиперпунктуация, когда графически выделяется почти каждое слово: Er hielt ihre Saße fuer analytisch, und, wenn das seine Richtigkeit haette, wuerden sie in der That auch apodiktisch seyn, gleichwohl aber daraus kein Schluß auf ein Vermoegen der Vernunft, auch in der Philosophie apodiktische Urtheile, nemlich solche, die synthetisch waeren, (wie der Saß der Causalitaet,) zu faellen, gezogen werden koennen (Harknoch, S. 26). Совмещение запятых и скобок свидетельствует о стремлении автора обозначить, с одной стороны, вводный характер предложения (скобки), с другой стороны, маркировать границу свернутого придаточного сравнительного предложения.

Скобки употребляются регулярно для обособления вводных предложений, вставочных конструкций.

На основе анализа материалов можно констатировать следующие функции двоеточия: *пояснение*; *условно-следственные отношения*: Wenn gleich durch eine besondere Ungunst des Schicksals, oder durch kaergliche Ausstattung einer stiefmuetterlichen Natur, es diesem Willen gaenzlich an Vermoegen fehlete, seine Absicht durchzuseßen; wenn bey seiner groeßten Bestrebung dennoch nichts von ihm ausgereicht wuerde, und <...>: so wuerde

er wie ein Juwel doch fuer sich selbst glaenßen, <...> (Kant, S. 3); *обобщение перед перечислением*: Die Eintheilung ist daher so ausgefallen: 1, 2, 3 (Kant, S. 1); *ввод прямой речи*: <...> als wenn jemand sagte: N. ist ein Idealist (Harknoch, S. 27); знак используется для *выделения логически важного в предложении*, ему способствует также порядок слов – вынесение «нового» за рамочную конструкцию: Das aufgezeigte Faktum wird gesetzt: durch Empfindung, oder Deduktion der Empfindung (Fichte, S. 6).

С двоеточием в функции следственных отношений конкурирует точка с запятой: Das Ich muss jenen *Widerstreit* entgegengesetzter Richtungen, oder, welches hier das gleiche ist, entgegengesetzter Kraefte setzen; also weder die eine allein, sondern beide; und zwar beide *im Widerstreite*, in entgegengesetzter, aber voellig sich das Gleichgewicht haltender Thaetigkeit (Fichte, S. 7).

Далее, точка с запятой маркирует: *ряды однородных членов*: Wenn gleich durch eine besondere Ungunst des Schicksals, oder durch kaergliche Ausstattung einer stiefmuetterlichen Natur, es diesem Willen gaenzlich an Vermoegen fehlete, seine Absicht durchzuseßen; wenn bey seiner groeßten Bestrebung dennoch nichts von ihm ausgereicht wuerde, und <...>: so wuerde er wie ein Juwel doch fuer sich selbst glaenßen, <...> (Kant, S. 3); *разделяет части периода, связанные союзной или бессоюзной связью*: Sie ist demnach nur unter Bedingung rein oder nicht rein; diese Bedingung kann gesetzt, oder nicht gesetzt werden (Fichte, S. 9); <...>; denn er verlangte, <...>; und er verstand sich gewiß sehr gut darauf, <...> (Harknoch, 1797, S. 26); *вводит дополнительную информацию*: Macht, Reichthum, Ehre, selbst Gesundheit <...> machen Muth und hiedurch oefters auch Uebermuth, wo <...> ; ohne zu erwae hnen, daß <...> (Kant, S. 1).

Как межфразовый знак активно используется тире. Тире подводит итог вышесказанному: So würde demnach jener Zustand des Ich im Widerstreite gesetzt, als das Gegentheil der reinen, als gemischte, sich selbst

widerstrebende, und sich selbst vernichtende Thätigkeit. – Die jetzt aufgezeigte Handlung des Ich ist blos antithetisch (Fichte, S. 7); Wie dies geschehen möge, sehen wir schon hier, ohngeachtet wir das Vermögen, durch welches es geschieht, noch nicht sehen. – Das Ich muss jenen *Widerstreit* entgegengesetzter Richtungen, oder, welches hier das gleiche ist, entgegensezter Kräfte setzen <...> (Fichte, S. 7).

Тире усиливает противительный союз (Aber), маркирует причину: Wir lassen hier gänzlich ununtersucht, wie <...> das Ich irgend etwas setzen möge, <...>. – Aber es wurde schon in der Grundlage erinnert, dass, wenn der Widerstreit je im Ich gesetzt werden, und <...> (Fichte, S. 7).

Если в XVII в. регулярно графически отделялась распространенная инициальная группа, что было связано с паузой устной речи, то в конце XVIII века такие образования на письме не обозначаются: Der in der Grundlage beschriebene Widerstreit entgegengesetzter Richtungen der Thätigkeit des Ich ist etwas im Ich unterschiedbares. Таким образом, это еще один шаг в направлении к структурному принципу пунктуации.

Драматургия первой половины XVIII в. представлена комедией Геллерта “Die Betschwester” (1747). Активно используются знаки экспрессии. Вопросительный знак выражает прямой вопрос и риторическое восклицание: Das Gott erbarm! Meine Frau Muhme soll ein Capital von dreyßigtausend Thalern haben, und sie nimmt von einer armen Frau woechentlich fur sechzehn Thaler sechzehn Pfennige Zinse? Und sie untersteht sich noch zu beten, oder mit dem lieben Gott zu reden? (S. 154).

Двойное тире (==) используется для выражения обрыва речи и передачи эмоционального состояния персонажей: Nichts zu haben, und doch so viel Kinder == Ich mag nicht reden. So geht es, wenn man nicht nachsinnt (S. 157-158); Ein Gebet also wider die Unkeuschheit, eins wider die Verschwendung, und == (S. 155). Двойное тире как семантизированный знак

выражает негодование. Запятая графически еще более углубляет контраст, который эксплицируется лексически (nichts – so viel).

Для членения небольших периодов используется запятая, спорадически двоеточие и точка с запятой. Зоны функционирования каждого знака четко определены. Двоеточие сигнализирует о выводе, итоге, условно-следственных отношениях: Ist die Sache richtig: so geht ihr holdseliges Singen wieder fort (S. 156); Wenn es viel solche andaechtige Weiber hier zu Lande giebt: so sollte man erlauben, daß man, der Andacht wegen, auf die Ehescheidung bringen duerfte (S. 155).

Точка с запятой выражает противительные отношения: Ich rede von niemanden etwas boeses; Aber die Geistlichen sind doch selten reich, und haben immer so viel Kinder (S. 158).

В скобки заключены ремарки: (Sie geht ab.) (S. 154).

Запятая регулярно маркирует предикативные части, однородные члены, обращение, уточнения, сравнения, вводные слова, инфинитивные обороты.

Драматургия второй половины XVIII в. В драматургии знаки большей частью соотносятся с характерными параметрами устной речи, поэтому синтаксический принцип отходит на периферию. В жанре драмы главную роль играют знаки, передающие эмоциональное состояние героев, в связи с этим особый коммуникативный вес приобретают восклицательный и вопросительный знаки, тире. Нередки сочетания знаков: восклицательный знак и тире, вопросительный знак и тире, что графически выделяет реплику и придает высказыванию еще большую значимость.

Так, в трагедии Лессинга “Philotas” сочетание таких знаков помогает читателю понять “эмоциональную бурю” в душе героя, его внутренний диалог: So bin ich gefangen? – Gefangen! - Bin würdiger Anfang meiner

kriegerischen Lehrjahre! – O ihr Götter! O mein Vater! - (S. 405). Тире выражает резкую смену мыслей, неожиданный поворот мыслей.

Тире может выступать как парный знак:

- *выделяет уточнение, информацию, важную для повествования в целом*: Wie habe ich ihn nicht, meinen Vater, seit sieben Tagen – denn erst sieben Tage kleidet mich die maennliche Toga – wie habe ich ihn nicht gebeten, gestehet, beschworen, <...> (речь идет о молодом принце, который впервые вышел на поле боя и сразу попал в плен) (Lessing, S. 407);

- *выделяет замечания, вводного характера*: Infantin, kannst du so ruhig sein, und hier! – sie traemt und spricht – Ach du Allmaechtige! (Klinger, S. 156); <...>; und man kann sicher glauben, daß diese Leute an dergleichen Worten sterben – sie wissen nicht wie. – Sieben Tage vor der Hochzeit klagte Madam ueber Kopfwegh (Hippel, S. 457); Und dieser Koenig da, <...> dem du Millionen eingebracht hast, der dich wegwarf, denn wiederrief, - ich kann's ihm in Ewigkeit nicht verzeihen, und von edlem Zorn entbrannt – ich haette' ihm den Degen bis ans Herz durch den Leib bohren moegen (Klinger, S. 158);

Двойное тире (- -) выражает сильное переживание, разочарование, страх: - Quaele mich, wenn der Tag erwacht, laß nicht ab von mir, wenn die Nacht kommt – quaele mich in schrecklichen traemen! nur vergifte mir diese einzige Wollust nicht! (Er steht an der Pforte) Wie wird mir? was ist das, Moor? Sey ein Mann! - - Todesschauer - - Schrecken=Ahnung - - (Er geht hinein.) (Schiller. Die Räuber, S. 489). Нагнетание кратких восклицательных и вопросительных конструкций превращает повествование во взволнованный внутренний монолог.

Лессинг регулярно использует двойное тире, которое является показателем резкого диссонанса между тем, что ожидалось и тем, что случилось, глубокого разочарования: In stiller Entschlossenheit freute ich mich auf jeden Huegel, von dem ich in der Ebene Feinde zu entdecken hoffte; auf jede Kruemmung des Thals, hinter der ich auf sie zu stossen, mir

schmeichelte. Und da ich sie endlich von der waldigten Hoehe auf uns stuerzen sahe; sie mit der Spitze des Schwerds meinen Gefaehrten zeigte; ihnen bergan entgegen flog - - rufe dir ruhmvoller Greiß, die seligste deiner jugendlichen Entzueckungen zurueck – du konntesst nie entzueckter seyn! – Aber nun, nun sieh mich, Strato, sieh mich <...> (Lessing, S. 408).

Тире как знак с большим дистинктивным потенциалом выражает различные стилистические особенности текста, в совокупности с лексическими средствами, словопорядком придает речи персонажей экспрессивность, выразительность.

Одиночное тире: указывает смену действующего лица; отражает эмоциональное состояние героя, его внутренний диалог: «O der grausamen Barmherzigkeit eines listigen Feindes! Sie ist nicht tödtlich, sagte der Arzt, und glaubte mich zu trösten. – Nichtswürdiger, sie sollte tödtlich seyn! – Und nur eine Wunde, nur eine! (Lessing, S. 406); Sieh da, auch die Schwalbennester im Schloßhof – auch das Gartenthuerchen! – und diese Ecke am Zaun, <...> (Schiller, Die Räuber, S. 488); Ihre Hand der Gardine heraus – hier steh' ich vor dem Thron der Welt, <...> (Klinger, S. 156); обозначает перерыв в речи, раздумье, припоминание деталей: - Und was für ein höhnisches Gesicht – ißt fällt mir es ein – mir der alte Krieger machte, der mich vom Pferde riß! (Lessing, S. 406); у Хиппеля тире в сочетании с переносом на следующую строчку выражает сильное негодование: Du, der Nachbar und Alle, die nicht einsehen, daß der Baron – “arm wie ein Hiob ist, der aber sehr reich wurde, ohne <...> (Hippel, S. 454); Coecilia! schlaf sanft! – Seßt einen Liebestraum! Laut! Sueß! – Recht gut, Coecilia! (Klinger, S. 154); выражает резкую смену темы: Auch schrecklich zu werden, müssen sie mit meinen Gesinnungen größere Thaten verbinden. – Darf ich deinen Namen wissen? (Lessing, S. 407); Ihr seyd der Graf <...>, ich euer Reitknecht – Sorgt nicht, ich will meine Rolle schon spielen, lebt wohl! (Schiller, Die Raeber, S. 488); у Лессинга - как знак

ожидания, определенной реакции (1,2), противительные отношения (3), знак обдумывания (4), взвешенности ответа:

(1) Strato. Prinz –

Philotas. Schon wieder ein Besuch? Alter, ich bin gern allein.

(2) Strato. Prinz, ich komme auf Befehl des Königs –

Philotas. Ich verstehe dich! Es ist wahr, ich bin deines Königs Gefangener, und (3) es stehet bey ihm, wie er mir will begegnen lassen – Aber höre, wenn du der (4) bist, dessen Mine du trägst - - bist du ein alter ehrlicher Kriegermann, so nim dich meiner an, und bitte den König, daß <...> (Lessing, S. 406).

В скобки заключены ремарки.

Запятая регулярно маркирует *обращение*: Lilla, sie ist mir leicht (Klinger, S. 154); *границы прямой и авторской речи*: Die Hochzeit ist die Zahl Zeyn, sagte mir ein weiser Mann, <...> (Hippel, S. 454); *границы предикативных частей*: Die Hochzeitfackel ist fertig zum Anzuenden, und es wird Zeit, daß <...> (Hippel, S. 456); *сравнения*: Und doch hoert man ihn stoehnen und aechzen, herumfahren, wie einen Beseßnen (Klinger, S. 154); *однородные члены предложения*: Geh, voran, und melde mich (Schiller, S. 488); *различного рода уточнения*: Sie nicht sehen, nicht einen Blick? (Schiller, S. 489); Liebe, dieses allein erleichtert unser Herz <...> (Klinger, S. 154); *вводные слова*: Wenn Mann und Frau in Holland, wills Gott! dreißig bis vierzig Jahr Thee zusammen getrunken haben, so <...> (Hippel, S. 459); *инфинитивные обороты*: <...>; ich komme, ihn zu melden (Lessing, S. 406); Und anstatt bewacht zu werden, werde ich bedienet (Lessing, S. 406); <...> erwiederte sie, ohne sich ueber diesen Umstand weiter auszulassen (Hippel, S. 454); <...>; und eh er noch Zeit hatte, sich nach ihrem Befinden zu erkundigen, versicherte sie ihm <...> (Hippel, S. 458); *повторы, характерные для эмоциональной речи*: Seyd alle, alle mir herßlich gegrueßt (Schiller, S. 488); Aber dieser, dieser Koenig da, den ich <...> (Klinger, S. 160).

Двоеточие вводит прямую речь, пояснение.

Точка с запятой выражает *обоснование, причину*: Nur du kannst mich ganz verstehen; denn auch dich, auch dich hat das herrschende Feuer der Ehre, der Ehre fürs Vaterland zu bluten, in deiner Jugend verzehret (Lessing, S. 407); *отделяет ряды однородных членов*: Der Aemsige nannte diese beide Stuecke: Hochzeit; Madame und Braeutigam: Beilager, <...> (Hippel, S. 455); *разделяет части союзных и бессоюзных сложных предложений*: Du kennst ihn, den Aristodem; er ist meines Vaters Strato (Lessing, S. 407); Waere die Cousine dabei gewesen, sie haette auch lettera gesagt; und keiner als der Aemsige, <...>, wuerde den Sinn dieser Redensart verstanden haben (Hippel, S. 454); *отделяет параллельные построения*: Die Tochter sah ihn zaertlich an; die Mutter war stumm (Hippel, S. 457); *следствие*: Ich war zu weit voraus geeilt; ich ward verwundet, und – gefangen (Lessing, S. 408).

Спорадически не маркируются: *придаточные меры*: Zu Hause bleibt das Band der Ehe unverleßt, in Gesellschaft je laenger je lieber; wie Madam sich ausdrueckte: je fremder, je angenehmer (Hippel, S. 457); *инфинитивные обороты*: Desto besser! denn dacht' er ohne es zu sagen, die Opferthiere sind geschlachtet und Alles bereit (Hippel, S. 458); *вводное предложение*: Zu spaet ließ er dem Baron <...> so grosses Capital, als Reukaufsgeld wie er es nannte, anbieten (Hippel, S. 456); *сравнение*: <...>, aber der Traum der Freyheit fuhr ueber ihm wie ein Bliß in die Nacht, der <...> (Schiller, S. 489).

Научно-популярная литература первой половины XVIII в. представлена работами Маскова, Гундлинга, Готтшеда. В скобки заключаются замечания уточняющего характера: Zu gutem Glueck sind noch einige Stuecke aus Prisci (der an Attilä Hof als Gesandter vom Kaiser Theodosio gewesen) Gothischer Historie uebrig geblieben, <...> (Maskou, S. 325).

Точка с запятой маркирует *ряды однородных членов, отделяет части, связанные союзной или бессоюзной связью, следствие, вводит причину*: Wie man aber von denen, die grosse Reiche gestiftet, allemal

vermuten kan, daß sie ihr Glueck nicht bloß der Faust zu dancken gehabt, so finden wir auch bey Attila viel andere Gemuets=Gaben, welche, wenn sie bey den Helden angetroffen werden, desto mehr Hochachtung und Vergnuegen erwecken; weil das bey ihnen bloß eine Wuerckung der Natur ist, was bey den Griechen und Roemern vielmal erst durch eine sorgfaeltige Erziehung herausgebracht worden (Maskou, S. 326); *маркирует условие, уступку*: <...> das neue franzoesische Theater hat gleichfalls bisher keinen Harlekin noethig gehabt, die Zuschauer zu belustigen; obgleich Moliere darinn ein boeses Exempel gegeben hatte (Gottsched, S. 334).

Двоеточие *вводит пояснение*: Es ist wahr/ wir haben gute und boese Romans: die alte taugen gemeiniglich nichts/ und sind mehr ein Zunder zu unziemlichen Affecten/ als eine Veranlassung zur vernuenfftigen Liebe (Gundling, S. 59); *отделяет части, связанные союзной связью*: Von diesen allen haben die Alten nichts gewußt: und es gehoert mit unter die phantastischen Erfindungen der Italiener, die <...> (Gottsched, S. 334); *выражает условно-следственные или причинно-следственные отношения*: Wie die Ergetzung in der Poesie, und der Nutzen in der Prosa, sich die erste Stelle zueignen: So muß der Unterricht in der Poesie, und die Anmuth in der Prosa, nur die zweite Stelle haben (Schlegel, S. 96); *вывод, итог*: Allein dieses sind keine rechte Romanen/ sondern halb wahre und halb erdichtete umbstände: also daß zuwuenschen waere/ die Urheber derselben schrieben entweder einen puren Roman, oder eine pure Historie; <...>(Gundling, S. 61); *отделяет однородные члены*: Gewiß es nimt mich Wunder/ daß unser Autor nicht auch saget/ Eva haette kurtz zuvor/ ehe sie vom verbottem Baum geessen/ einen Roman gelesen: oder eine von der nichts wuerdigem Schlangen præsentirte Histoire galante (Gundling, S. 60); *вводит причину*: Maschinen muessen in Komoedien nicht vorkommen: weil die Goetter sich in die thoerichten Handlungen schlechter Leute nicht mischen (Gottsched, S. 334); *вводит добавочное сообщение*: Die Begierde zu herrschen machte bey ihm den maechtigsten Trieb: dabey war er so guetig gegen

die welche er einmal in Schuß genommen als schrecklich gegen Feinde (Maskou, S. 326).

Зоны функционирования двоеточия и точки с запятой на многих участках пунктуационной системы совпадают.

Запятая маркирует многие синтаксические конструкции: предикативные части, однородные члены, различного рода уточнения. Однако могут не маркироваться: *придаточное определительное*: Auf den Muenßen die man von Attilä erdichtet, <...> (Maskou, S. 326); <...> nicht aber die Reise der Madame d'Aunoy rechne welche mehr als zu gewiß ist/ und <...> (Gundling, S. 61); *инфинитивные обороты*: Aber ist es schwer bey grossen Beschuldigung die Wahrheit heraus zu bringen, auch wenn man genug hat alles zu untersuchen <...> (Maskou, S. 497); *приложение*: Chloe seine Schaefferin stellet er als <...> (Gundling, S. 59); *придаточное условия*: <...> / welches wann es auff eine Grille verfiel/ sich nicht leicht davon wieder abbringen liese (Gundling, S. 58); *вводное предложение*: Das aber gestehe ich gerne/ giebet kein gutes Exempel/ und <...> (Gundling, S. 59).

Научно-популярная литература второй половины XVIII в. В скобках содержатся попутные замечания, оценка автора: <...> , so steht einem jeden frey, (und es ist nichts leichters) sich einen Menschen einzubilden, der <...> (Wieland, S. 135); Nun konnten also nach und nach (viele andre vorarbeiten ungerechnet) die drei gluecklichen Romanhelden auftreten, *Fielding, Richardson, Sterne*, die zu ihrer Zeit Epoche machten (Herder, S. 175).

Двоеточие маркирует *пояснение*; *условно-следственные отношения*: Wenn es unmoeglich seyn wird, zu beweisen, daß <...> haette thun koennen: So glaubt der Verfasser mit Recht erwarten zu koennen, daß <...> (Wieland, S. 134); *причину, обоснование*: Wir duerfen ihn nicht wegzukluegeln suchen, weil wir ihn bloß fuehlen: denn was nicht ist, kann nicht auf uns wirken (Schlegel, S. 174); *обобщение перед перечислением*: Das ganze Menschengeschlecht, <...> haben einerlei Gesezze der Veraenderung: vom Schlechten zum Guten, Vom

Guten zum Vortreflichen, vom <...> (Herder, S. 170); *отделяет части, связанные союзной или бессоюзной связью*: Das Kind erhob sich zum Junglinge: die Wildheit senkte sich zur Politischen Ruhe: die Lebens- und Denkart legte ihr rauschendes Feuer ab: <...> (Herder, S. 170).

Точка с запятой отделяет части, связанные союзной или бессоюзной связью: Der ist ein Dichter, der die unsichtbare Gottheit nicht nur entdecken, sondern sie auch Andern zu offenbaren weiß; und der Grad von Klarheit, womit dieß noch in einer Sprache geschehen kann, bestimmt ihre poetische Staerke (Schlegel, S. 174); *отделяет однородные члены, вводит перечень*: Es ist interessant zu sehen, mit welchem gluecklichen Instinkt alles was dem sentimentalischen Charakter Nahrung giebt, im *Werther* zusammengedraengt ist; schwaermerische unglueckliche Liebe, Empfindsamkeit fuer Natur, Religionsgefuehle, philosophischer Contemplationsgeist, endlich, <...> (Schiller, S. 174); *условно-следственные отношения*: Allein, da er selbst gewißzu seyn wuenschte, daß er der Welt keine Hirngespenster fuer Wahrheit verkaufe; so waelhte er denjenigen, den er <...> (Wieland, S. 134); *причину, обоснование*: Aber der geheimste Zusammenhang ist oft auch der innigste; eben weil er nicht auf dem, was der Begriff erschoefft, sondern auf solchen Beschaffenheiten der Dinge beruht, welche <...>, auf ihrem eigentlichen Leben (Schlegel, S. 174); *ввод примера*: Die verwickeltsten Aufgaben muß das Genie mit anspruchloser Simplicitaet und Leichtigkeit loesen; das Ey des Columbus gilt von jeder genialischen Entscheidung (Schiller, S. 173); *противительные отношения*: Es ist verstaendig, denn die Natur kann nie das Gegentheil seyn; aber es ist nicht listig, denn das kann nur die Kunst seyn (Schiller, S. 173).

Типе маркирует: *эллипс одного компонента*: Da er nur solche Forderungen beleidigt, die <...>, aufgeworfen werden, die uebrigen Forderungen des Geistes und – des Koerpers hingegen in nicht gemeinem Grade erfuehlt, so muß er <...> (Schiller, S. 174); *неожиданный вывод, поворот сюжета*: Alle Verbesserung im Politischen soll von Veredelung des Charakters ausgehen – aber wie kann

sich unter den Einflüssen einer barbarischen Staatsverfassung der Charakter veredeln? (Schiller, S. 490); So ists mit jeder Kunst und Wissenschaft: sie keimt, traegt Knospen, blueht auf, und verbluehet. – So ists auch mit der Sprache (Herder, S. 171).

Двойное типе репрезентует оценку автора: In dem *Tasso* des nehmlichen Dichters kehrt der nehmliche Gegensatz, wiewohl in ganz verschiedenen Charakteren; selbst in seinem neuesten Roman stellt sich, so wie in jenem ersten, der poetisierende Geist dem nuechternen Gemeinsinn, das Ideale dem Wirklichen, die subjektive Vorstellungsweise der objektiven - - aber mit welcher Verschiedenheit! entgegen (Schiller, S. 174).

Запятая маркирует многие синтаксические отношения на регулярной основе: *предикативные части, однородные члены, сравнения*: <...>: der Gesang der Sprache floß lieblich von der Zunge herunter, wie dem Nestor des Homers, und <...> (Herder, S. 171); *инфинитивные обороты*: <...>, die man so oft macht, um eine Stufe aus der andern ausbilden zu wollen: <...> (Herder, S. 171); Wenn es unmoeglich seyn wird, zu beweisen, daß <...> (Wieland, S. 134); <...> desto mehr gelingt es ihm, jeden Zusammenhang zu loesen, der <...> (Schlegel, S. 174); *причастные обороты*: So wie die edle Kunst die edle Natur ueberlebte, so schreitet sie derselben auch in der Begeisterung, bildend und erweckend, voran (Schiller, S. 491).

Спорадически не маркируются: *придаточные образа действия и дополнительные*: <...>, warum es nicht eben so wie es erzaehlt wird, haette geschehen koennen, <...> (Wieland, S. 134); Ein Charakter, der <...> umfasst, und <...>, der was er in sich selbst unaufhoerlich zerstoert, unaufhoerlich ausser sich suchet, <...> (Schiller, S. 173); *придаточные сравнения*: <...> und einer ansehnlichen Classe von Menschen zu reden, so seltsam, <...> zu seyn als es unser Held <...> ist (Wieland, S. 135); <...> , in welchem die Natur getreuer und reiner als in irgend einem andern wirkt, und <...> (Schiller, S. 173);

инфинитивные обороты: <...>; so war es um so viel noethiger ihn auch dieser Probe zu unterwerfen, da <...> (Wieland, S. 135).

Эпистолярный жанр второй половины XVIII в. В письме Виланда к Рейнхарду (1762) используется virgula для отделения обращения и прощания: Wohlgeborener/ Hochzuverehrender Herr Geheimer Rath! (Wieland, S. 74); Leben Sie wohl, threurester Freund; ich bin mit der vollkommensten Hochachtung und Freundschaft / Ihr / ganz ergebener

Wieland (S. 411).

Точка с запятой отделяет относительно самостоятельные предложения: Meine Intention ist ihn zu vollenden, und dieser Gomer ist dazu bestimmt; zwey Theile davon liegen wuerklich fertig und die uebrigen liegen ganz ausgewickelt in meinem Kopf (S. 162).

В скобки заключаются вводные, попутные замечания: <...> und in den Besiß meines von der Stadtrechnung dependirenden Salarii fixi (wiewohl leßteres mit Protestation des Cathol. Antheils) gesetzt worden (S. 74).

Типе выражает условие, четко сформулированное и аргументированное даже с некоторой угрозой: In Frankreich wird der mittelmaeßigste Autor um die Helfte staerker bezahlt - Wenn sie condition nicht eingehen zu koennen glauben, so wollen wir von dieser Sache abstrahiren, nur wuenschte ich bald darueber benachrichtiget zu seyn, weil mir von Buchhandlern in Deutschland bereits Antraege gemacht worden, worauf <...> (S. 163).

Типе призывает к действию: Es ist etwas, wo Sie mir vielleicht mit wenigen Zeilen eine grosse Gefaelligkeit erweisen koennten – So hoeren Sie dann, ohne weitem Eingang (S. 410).

Типе используется и в функции современного дефиса: Die verlangte Summe ist entweder 1500-2000 fl. zu Vier pro Cento oder 10,000 auch allenfalls mehr zu 3½ pr. Ct – Lachen sie nicht, mein liebster Ceßner, daß ich, Wieland, Ihnen von solchen Dingen schreibe (S. 411). Типе перед Lachen маркирует

эллиптированную ситуацию – предполагаемую реакцию партнера по переписке.

Двойное тире употребляется в функции скобок – выделяет уточнение, дополнительную информацию: Nun muessen Sie Sich schon darein schicken sich den Kopf, aus dem die Idyllen hervorgegangen sind mit Staats= Policey= Finanz= und Miliz= vielleicht auch Malefiz-Sachen verstoeren zu lassen, wie ich auch – Sie im Groessern, ich im Kleinern – und das laeuft zulezt auf eins hinaus (S. 411).

Запятая маркирует различные связи внутри предложения: предикативные части, инфинитивные обороты, вводные предложения.

Спорадически не маркируются: *придаточные дополнительные*: Sie wissen daß meine Umstaende <...> (S. 162); *придаточные определительные*: Ich sehe den Agathon als ein Buch an das kaum anders als einen grossen Succesß in der Welt haben kan; <...> (S. 163); *бессоюзная связь*: Ich hoffe Sie werden sich in der Hoffnung des guten Succesßes Ihres dermaligen Verlags nicht betrogen finden; <...> (S. 162); *инфинитивные обороты*: <...> Sie wuerden Sich deßwegen ein Bedenken machen sich noch mit einem solchen ziemlich weitlaeufigen und betraechtliche expensen erfordernden Werke zu chargieren (S. 162).

Письма Гете к фрау фон Штейн характеризуются нерегулярностью употребления знаков, несмотря на развитую к концу столетия пунктуационную теорию. Бросается в глаза большое количество случаев неупотребления знаков: *бессоюзная связь*: Zu Obermarschalls bin ich gebeten ich sagte gleich zu, weil ich hoffte sie wuerden so artig seyn wie es auch eintrifft (S. 98); Einen Brief von dir habe ich nicht gefunden er wird erst Morgen ankommen die Wege sind gar erschroecklich (S. 186); *обращение*: Liebste Lotte ich bin wieder hier der Herzog geht die Nacht und ich bleibe (S. 98); *придаточное определительное*: <...> und ich unterschreibe den Ort wohin ich schreibe (S. 98); Es ist ein trefflicher Mensch, es hat eine wunderliche Scene

gegeben die ich dir erzahlen will (S. 98); *инфинитивные обороты*: <...> , wie freue ich mich dich wieder zu sehen (S. 99); <...> ich kann nicht den fluechligsten Gedancken haben dorthin zu gehn (s. 186); Man muß sie kennen, sie zusammen gesehen haben um es recht zu genießen (S. 186); *однородные члены*: Ich habe meine Zeit recht sehr vergnuegt zugebracht nur unterbrochen durch die Nachricht daß du nicht wohl bist (S. 99); *сравнения*: <...> und Leipzig war mir immer so eng wie jene erste Jahre (S. 100); Und es ist doch nichts natuerlicher als daß sie sind was sie sind (S. 100).

Часто не оформляется графически граница между придаточным и главным предложением: Seit 69 da ich von hier wegging bin ich nie ueber ein paar Tage hier gewesen, <...> (S. 100); Wann ich wieder abgehe weis ich nicht (S. 100).

Знаки не используются в эмоционально окрашенных предложениях: Adieu meine innig Geliebte zu der ich immer meine Gedancken wende auf die ich alles beziehe (S. 100).

Однако запятая маркирует рему, важную часть сообщения: Zwey Landschafften habe ich gesehen eine von Oberdingen die andre von Ruisdal beyde gezeichnet, von der größten Schoenheit (S. 100-101).

Пунктуационное оформление становится более последовательным, как только речь заходит о серьезных предметах: Jeder steht fuer sich, hat einige Freunde und geht in seinem Wesen fort, kein Obrer giebt einen allgemeinen Ton an, und jeder produziert sein kleines Original, er sey nun verstaendig, gelehret, albern, oder abgeschmackt, thaetig, gutherzig, trocken oder eigensinnig, und was der Quantitaeten mehr seyn moegen (S. 101).

Небрежность в отношении знаков проявляется даже в употреблении точки: Lebe wohl. du hoerst bald wieder von mir (S. 189), хотя малая точка вышла из употребления к концу XVII века.

Обращение, усиленное междометием, маркируется нерегулярно: O liebe Lotte ich bin dir mein Glueck zu Hause, <...> (S. 101); O liebe Lotte, wenn ich dich nicht haette ich ging in die weite Welt (S. 99).

Спорадически используется точка с запятой для выражения условно-следственных отношений: Dencke dir hinzu, daß der Mann ein Kuenstler ist hervorbringen, nachahmen und die Wercke andrer doppelt und dreyfach genießen kann; so wirst du wohl nicht einen gluecklicheren dencken koennen (S. 99); Wenn ich mir auch vornehme dich nicht mit meiner monotonen Leidenschaft zu unterhalten; so fließt es mir wider willen aus der Feder (S. 188).

Также спорадически употребляется и двоеточие в функции ввода прямой речи: Meine Gedancken waren immer bey dir und ich wiederhole dir immer: iemmer ich Menschen sehe deto mehr bin ich dein (S. 100).

Если в частных письмах к любимой женщине Гете практикует достаточно свободное употребление знаков, то совсем иная картина в письме Шиллера к Гете – нет никаких отступлений – графически маркируются все синтаксические связи. Двоеточие маркирует прямую речь: <...> so wuerde ich sagen: “er tritt von <...>.” (S. 183). Точка с запятой отделяет части союзных и бессоюзных сложных предложений: Wenn je eine poetische Erzaehlung der Huelfe des Wunderbaren und Ueberraschenden entbehren konnte, so ist es Ihr Roman; und gar leicht kann einem solchen Werke schaden, was ihm nicht nuetzt (S. 183); *следствие*: <...> sie kann und darf nicht, als sein Zweck und Ziel, vor ihm stehen, denn sobald er das Ziel sich daechte, so haette er es *eo ipso* auch erreicht; sie muß also als Fuehrerin *hinter* ihm stehen (S. 182); *причину*: Sie wollten freilich den Leser mehr selbst finden lassen, als ihn geradezu belehren; aber eben weil Sie doch etwas heraussagen, so glaubt man, dieses sei nun auch alles, und so haben Sie Ihre Idee enger beschraenkt, als wenn Sie es dem Leser ganz und gar ueberlassen haetten, sie

herauszusuchen (S. 183). Запятая регулярно маркирует предикативные части, сравнения, инфинитивные обороты.

Подытожим изменения, произошедшие в немецкой пунктуационной системе на протяжении XVIII в. *В первой половине XVIII в.* в пунктуационной теории заметным событием становится учение Фрейера (1722). Фрейер фактически говорит о полидетерминированном характере пунктуации, провозглашает, как и его предшественники, интонационный принцип, однако при формулировке правил обращается и к смыслу, и к синтаксической структуре. Фрейер кодифицирует одинарные кавычки, которые имели место в узусе второй половины XVII века. Их используют, согласно Фрейеру, для ввода цитат. В узусе первой половины XVIII в. появляются и закрывающие кавычки (Масков), их кодифицирует Готтшед (1748).

Знаки конца периода в кодификационных требованиях - это точка, вопросительный и восклицательный знаки, в узусе в этом качестве могут выступать и virgula, и двоеточие, и точка с запятой (Гриммельсгаузен). Вопросительный знак выражает не только прямой вопрос, но и риторический вопрос, в большом сообщении вопрос нейтрализуется, в узусе и в пунктуационной практике употребление знака совпадает. Восклицательный знак маркирует в узусе не только восхищение, восклицание, но и обращение, что в целом, отражено и в кодификации.

В функционировании скобок произошли изменения: если в XVII в. перед и после скобок не должно было быть других знаков (скобок было достаточно), то Фрейер (1722), основываясь на узусе, указывает, что после и перед скобками могут стоять и другие знаки. В скобки заключают попутные замечания, ремарки, уточняющую информацию, оценку. По-прежнему в теории и в узусе различаются круглые и квадратные скобки.

Многоточия нет в теоретических описаниях, но в узусе присутствует несколько конфигураций тире (-), (==), (= = =), которое по функциям

близко многоточию. Тире в узусе маркирует обрыв речи, переход к другой теме. В кодификации тире по-прежнему отсутствует.

В кодификационных источниках предпринимается попытка разделить функции точки с запятой и двоеточия, обращается внимание на иерархию знаков, на наличие других знаков, на объем периода, на наличие и тип союза. В узусе же продолжается функциональный рост точки с запятой (Приложение 1), многие функции точки с запятой и двоеточия по-прежнему совпадают (причинно-следственные, противительные, условно-следственные отношения, оформление союзной и бессоюзной связи, конец автосемантического предложения). Однако постепенно знаки функционально расходятся. Постановка двоеточия в узусе мотивирована вводом прямой речи, обобщением, заключением. Точка с запятой маркирует ряды однородных членов, параллельные конструкции, распространенные придаточные определительные (обычно в постпозиции).

В узусе виргула (в самом начале XVIII в.) или запятая достаточно регулярно обозначает все предикативные части, сравнения, уточнения, приложения, обращения, инфинитивные обороты, вводные предложения, однородные члены, сложную союзную и бессоюзную связь, а также конец автосемантического предложения (виргула). Эти же случаи кодифицирует Фрейер, другие кодификаторы (Эрнести 1721, Готтшед 1748) призывают не злоупотреблять знаками, поскольку это затемняет смысл высказывания.

Во второй половине XVIII в. для вопросительного и восклицательного знаков в кодификации (Аделунг 1782) оговариваются долгая пауза, соответствующий тон. В пунктуационной практике употребление этих знаков резко возрастает (“Буря и натиск”). Малая точка, вышедшая из употребления во второй половине XVII появляется в личной переписке (письмо Гете к фрау фон Штайн). Во второй половине XVIII в. происходит дальнейшее расширение функций знаков, находящихся на периферии пунктуационной системы. В узусе резко увеличивается

употребление тире (одиночное, парное), что отражает и кодификация (Аделунг). Аделунг говорит о злоупотреблении тире, которое в узусе может маркировать эллипс компонента, обращение, обрыв речи, переход к другой теме, может отделять реплики персонажей, маркирует неожиданное высказывание, придает особое ударение, акцентирует отрывок, подводит итог вышесказанному, заключает замечания вводного характера, используется как дефис.

Синонимия точки с запятой и двоеточия в узусе сохраняется на тех же участках пунктуационной системы, что и в первой половине века (причинно-следственные, противительные, условно-следственные отношения, оформление союзной и бессоюзной связи). Двоеточие специализируется на вводе прямой речи, обобщении, вводе примеров, выделении важной информации, что отражено и в узусе, и в кодификации. Точка с запятой используется в средних периодах и отделяет ряды однородных членов, выражает противительные отношения, вводит дополнительную информацию.

Виргула выходит из употребления в течение первой половины XVIII в., ее встречаем в письме Виланда (1782) в обращении и в прощании, как особый прием выражения уважения. Запятая регулярно маркирует практически все синтаксические построения, что отражено и в кодификации. Согласно Аделунгу, запятая отсутствует при нераспространенных инфинитивных оборотах, однако в нашей выборке это правило реализуется лишь в научной и философской прозе и эпистолярном жанре (в личной переписке), в других жанрах (и в официальной корреспонденции) инфинитивные обороты маркируются регулярно. В жанре научной прозы и личной переписке (Гете, Виланд, Шиллер) мы регистрируем увеличение графического неоформления придаточных относительных и придаточных дополнительных (Приложение 6), хотя в других жанрах маркируются практически все

синтаксические отношения. У Аделунга запятая стоит перед относительными местоимениями, то есть в кодификации придаточные относительные графически маркируются.

Рост графически немаркированных придаточных относительных и дополнительных мы связываем с влиянием французского языка, в котором подобные построения, как правило, не маркируются. В целом же, на материале немецких памятников разных жанров XVII – XVIII вв. подтверждается тезис о формировании в немецкой пунктуации структурного принципа. Однако знаки могут коррелировать и с ритмико-интонационным рисунком высказывания, что особенно характерно для рассмотренных траурных речей.

Выводы по второй главе

В сфере пунктуации проявляются общие и специфические черты конкретного языка. Так, пунктуационное оформление ранних памятников в разных языках характеризуется общими чертами (обычно использование различных комбинаций знаков, интонационно-риторический принцип пунктуации). Далее, с появлением книгопечатания, в связи с распространением грамотности, возникает необходимость в построении пунктуационной теории. Это время отмечено широкой вариативностью графического оформления памятников – употребление знаков препинания не дифференцировано, наряду со знаками препинания используются курсив, шрифтовое выделение и т. п., что, в целом, свидетельствует о становлении системы.

Проанализировав немецкую пунктуационную практику на хронологических срезах первой и второй половины XVII вв., мы пришли к выводу, что уже на этом этапе функции и значимость знаков препинания зависят от многих факторов. Так, бросается в глаза отличное от других

жанров оформление исторических хроник (вторая половина XVII века) и литературы религиозного характера, где периодически не маркируются границы придаточных определительных, придаточных дополнительных и инфинитивных оборотов, что мы связываем со спецификой жанра. В жанре исторических хроник прослеживаются традиции немецкого канцелярского стиля со строго регламентированными правилами: в отличие от других жанров, здесь графически на регулярной основе оформляются различные синтаксические конструкции, а также регулярно маркируются паузы устной речи. В жанре религиозной литературы преобладает интонационный принцип пунктуации, когда знаки препинания в большей степени коррелируют с паузами устной речи, а также во многом с интенцией говорящего/ пишущего.

Различиями отмечено графическое оформление придаточных определительных, придаточных дополнительных и инфинитивных оборотов также в жанре романа. В переводном романе Д. Беркли, который выполнил М. Опиц, такие конструкции графически часто не маркируются, в чем проявляется влияние оригинала (протографа). В барочном немецком романе, напротив, маркируются все синтаксические конструкции, можно даже говорить о гиперпунктуации.

На протяжении столетия мы наблюдаем количественное изменение корпуса знаков: со второй половины XVII века в практику вводится точка с запятой, однако и к концу XVII века ее функции нечетки, часто зоны функционирования точки с запятой и двоеточия совпадают. В функции знака конца автосемантического предложения точка с запятой часто совпадает с двоеточием и virguloй. Virгула является универсальным знаком членения периода – она членит как мелкие, так и крупные части периода.

На протяжении столетия наблюдается сосуществование двух принципов пунктуации: интонационно-риторического и со второй

половины XVII века все больший вес приобретает синтаксический принцип постановки знаков препинания. Соотношение кодифицированных норм и пунктуационной практики свидетельствует о большем разнообразии последней. Зоны функционирования двоеточия, virguly и точки с запятой часто совпадают (отделение автосемантических предложений, оформление сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений, оформление прямой речи, причинно-следственных отношений). Эта вариативность свойственна этапу становления пунктуационной системы на всем протяжении XVII века.

Первая половина XVIII столетия в плане узуса обогащается новым знаком - тире. В течение столетия тире очень быстро приобретает новые функции, становится знаком и межфразового, и внутрифразового пользования. Во второй половине XVIII века Аделунг (1782) говорит уже о злоупотреблении знаком. Примечательно, что первоначально тире использовалось как межфразовый знак (отделял реплики героев, обозначал резкий переход к другой сюжетной линии), во второй половине XVIII столетия появляются различные конфигурации тире как парного, двойного и одинарного знака. В парное тире заключена, как правило, оценка события автором; функции двойного и одинарного тире совпадают.

В первой половине XVIII века можно говорить об усилении синтаксической мотивации постановки знаков препинания, так как на письме обозначаются практически все синтаксические конструкции.

Некоторые зоны функционирования двоеточия и точки с запятой не дифференцировались на протяжении всего столетия (оформление сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений, условно-следственных отношений, причинно-следственных отношений), что, впрочем, отражено и в кодификации. Однако знаки имеют и четко специализированные зоны функционирования: для двоеточия это ввод прямой речи, пояснение, обобщение перед перечислением; для точки с

запятой – параллельные синтаксические конструкции, ряды однородных членов предложения, противительные отношения. Окончательно сформировались правила оформления прямой речи (в XVII веке это и двоеточие, и точка с запятой, и virgula). Кавычки (одинарные) появились сначала в узусе (вторая половина XVII в.), затем были кодифицированы Фрейером; парные кавычки кодифицирует Готтшед.

Во второй половине XVIII в. наблюдаем вторую волну нулевого пунктуирования придаточных дополнительных, придаточных относительных и инфинитивных конструкций (особенно если они имеют малый объем, или главное предложение малого объема, или они стоят в постпозиции). Такие графические заимствования проявляются в жанрах философской и научной прозы, в эпистолярном жанре, что мы связываем с несомненным авторитетом, влиянием французского языка. В эпистолярном жанре проявляются две разнонаправленные тенденции: деловая корреспонденция пунктуирована строго в соответствии с кодифицированной нормой, личная же переписка отражает эмоции, интенцию автора. В целом же превалирует синтаксический принцип постановки знаков препинания.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении двух столетий (XVII-XVIII вв.) корпус знаков изменился как в количественном, так и в качественном отношении. Кодификаторы фиксируют установившийся узус, то есть кодификация в этом отношении ретроспективна. На протяжении этих двух столетий происходит постепенный переход от интонационно-риторического к синтаксическому принципу пунктуации. Однако строго установленные, кодифицированные нормы могут нарушаться под влиянием более авторитетного языка (французского), что проявляется в пунктуировании придаточных определительных, придаточных дополнительных, инфинитивных оборотах.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ПУНКТУАЦИОННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Французская грамматическая традиция в XVI -XVIII вв.

Начиная с XVI в., с развитием книгопечатания появляется все больше печатных изданий, появляется стремление к более ясному, обозримому членению написанного: филологи делают попытки теоретического осмысления пунктуации, пытаются объяснить ее с точки зрения логики (д'Этабль 1529, Доле 1540, Мегре 1542, Рамюс 1572).

Так, одной из первых пунктуационных теорий французского языка явилась теория Э. Доле “La pvnctuation De La Langve Francoyse” (1540). Э. Доле считает, что языки различаются в речи, на письме, но одно их связывает – это пунктуация. Автор выделяет следующие знаки: запятая, которая обозначается (/) или (,); комма (:), колон (.), восклицательный знак, вопросительный знак, скобки.

Доле рассматривает понятие «период» - это изречение с законченным смыслом. Членение периода производят знаки препинания. Обычно период состоит из двух - трех частей. Доле отмечает разницу между колоном (.) и коммой (:) - комма «держит смысл в нерешительности», колон выражает заверченный смысл. Колон всегда стоит в конце предложения и после него следующее предложение начинается с заглавной буквы. Случается, что в периоде встречается две – три коммы: Il est bon de n' offenser personne: car il n'est nul petit enemy: et chacun tasche de se venger, quand il est offensé. Для дальнейшего членения внутри периода используют запятую.

Запятая отделяет различные компоненты. Согласно Доле, это могут быть прилагательные, существительные, глаголы, простые наречия, или прилагательные с существительным, или глагол с управлением. Запятая

ставится также перед словами *ou* и *et*. Если эти слова повторяются, то запятая только перед вторым словом: *Il a toujours esté constant et en bonne fortune, et en mauvlaise*.

В скобки заключаются слова, имеющие свой особый смысл. Скобки могут стоять в любой части периода. Перед и после скобок не могут стоять другие знаки, лишь вопросительный и восклицательный знаки могут стоять перед закрывающей скобкой: *Estant le plus fort en toutes choses il fut vaincu (quell hazard de querre!) et tost après fut victeur seulement par prudence*.

Встречаются также квадратные скобки, которые употребляются для слов, которые заимствованы из других языков. Вопросительный и восклицательный знаки – это знаки заверщенного смысла.

Таким образом, автор исходит из логико–грамматической основы пунктуации, когда главным критерием для постановки знака становится завершенность или незавершенность смысла. В данной концепции можно говорить об определенной иерархии знаков: знаки конца периода – это колон (.), вопросительный и восклицательный знаки; знак делимитации крупных частей периода – двоеточие (комма); дальнейшее членение – зона функционирования запятой, которая представлена двумя знаками (/ ,); автор рассматривает также две разновидности скобок.

Вклад французских грамматистов XVII - XVIII веков в развитие мировой науки, по оценке исследователей, поистине огромен. Богатая грамматическая традиция XVII - XVIII веков, представленная работами К. Вожла, Ф. Малерба, авторов грамматики Пор-Рояля, П. Бюфье, д'Оливе, П. Ресто, дю Марсэ, Дюкло, Н. Бозе и других авторов, являлась в то время наиболее развитой европейской грамматической традицией, на которую к концу XVIII века начала ориентироваться вся европейская грамматическая наука (Бокадорова 1987). И хотя на протяжении всего XVII века писатели, ученые, грамматисты и лексикографы говорят о необходимости

“упорядочить язык” (Будагов 1967:360), требование это коснулось не всех сфер языка.

Так, самыми признанными в этот период были грамматики К. Вожла и Ф. Малерба, однако в их работах не затрагиваются вопросы теории пунктуации. Мы связываем это невнимание к пунктуации с условиями функционирования и статуса французского языка по сравнению с латинским языком. В XVII - начале XVIII века, согласно

Н.Ю. Бокадоровой, превосходство классического латинского языка над французским языком (“вульгарным”) считалось почти неоспоримым, хотя еще в конце XVI века в манифесте поэтов Плеяды прозвучала мысль о том, что французский язык вполне “способен быть средством общения людей во всех сферах деятельности” (Будагов 1967:353). Но для этого, считали гуманисты XVII века, “необходимо сделать язык богатым”, обогащать его словарный запас (Будагов 1967:351). Итак, целью грамматистов-нормализаторов стала работа над словарем французского языка; главным было - отграничить, четко противопоставить язык двора, высшего общества языку простого народа, что диктовалось чисто идеологическими причинами, развитием пуризма.

Таким образом, в центре внимания языковедов была, прежде всего, лексика, вопрос обогащения языка, маргинальный же вопрос пунктуации не был так актуален для исследователей. Так, нами были просмотрены самые признанные грамматики К. Вожла и Ф. Малерба, грамматика Пор-Рояля, однако пунктуационных разделов в них не обнаружено.⁷

Пунктуация во французском языке рассматривается как составная часть орфографии. Так, пунктуационный раздел содержится в *Traité de l'Ortographie. Nova grammatica Gallica* Мокондюи (Mauconduit 1669). К

⁷ Следует упомянуть, что процесс работы осложнился поиском теоретических изысканий по французской пунктуации исследуемого периода: были просмотрены основные грамматики исследуемого периода, упомянутые в учебниках по истории французского языка.

пунктуации Мокондью относит то, что нельзя передать ни буквами, ни диакритическими знаками.

Автор различает следующие знаки препинания: точку, вопросительный и восклицательный знаки, двоеточие, точку с запятой, запятую, скобки, апостроф и две точки над гласной – трема (диакритический знак). Таким образом, в этом учении представлен основной корпус знаков.

Конечная точка ставится в конце периода, когда высказывание полностью завершено. Вопросительный знак употребляется после просьбы или вопроса, когда смысл уже завершен. Однако, если период объемный, то вопрос нейтрализуется: Je lui demanday s'il avoit commis ce crime; et il me repondit, etc. Восклицательный знак выражает восхищение, восклицание, удивление, изумление и употребляется после междометий ô, ah, eh, hélas и подобных. Знак ставится в конце периода или после междометия, но после него слово пишется с маленькой буквы, так как междометие не составляет целого периода: Ah! quel malheur est semblable au mien?

За знаками законченного смысла следует двоеточие, которое маркирует границу между “предыдущим и последующим”, то есть это знак деления крупных частей периода; автор отмечает, что двоеточие менее сильный знак, чем точка, оно обозначает не полностью завершенный смысл. Точка с запятой обозначает еще меньшую “совершенство, законченность” смысла, чем двоеточие. Запятая - это знак самого маленького разделения и самой большой связи между отдельными частями предложения. Это самый распространенный знак и пользоваться им надо аккуратно, “чтобы не запутать смысл”, то есть автор отмечает *смыслодифференцирующую функцию запятой*.

Скобки обозначают связь некоторых обстоятельств, которые “вырваны” из повествования, они не влияют на “предыдущее” и на

“последующее” и обозначаются квадратными скобками в начале и в конце. Автор говорит, что скобками надо пользоваться только по необходимости, а необходимость эта, согласно автору, возникает редко, так как в таких случаях достаточно использовать две запятые в начале и в конце такого “вырванного” предложения, то есть говорит о *парных знаках*. Таким образом, автор отмечает совпадение функций скобок и парных (!) запятых, подразумевая наличие выделительной функции у запятой.

Мокондую считает эти правила достаточными, чтобы познакомить обучающихся с одной из главных трудностей в обучении. Он полагает, что эти правила надо закреплять, читая хорошие книги, с прилежанием обдумывая способы пунктуирования текстов, которыми пользуются писатели. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в качестве нормативных автор признает употребление знаков препинания “хорошими писателями”. Данная работа появилась после грамматики Пор-Рояля и написана явно в ее духе: автор объясняет постановку знаков с точки зрения логики, разума. Мы видим логико-грамматическое обоснование для постановки знаков, когда главную роль играет завершенность/незавершенность смысла. Трудность заключается, на наш взгляд, в субъективности понятия “завершенный смысл”. Исходя из этого критерия, автор выстраивает свою иерархию знаков, которая в общих чертах уже сформировалась в учении Э. Доле (1540). Автор подчеркивает, что пунктуация – один из самых трудных разделов в обучении, но им можно овладеть, если обращаться к книгам “хороших авторов”.

XVIII век, по оценке исследователей, является периодом интенсивной перестройки всего европейского филологического знания. Франция в этот период являлась страной передовой филологической мысли и наряду с Англией и Германией определяла интересы и направления развития науки о языке в Европе. Значительное влияние

французской лингвистической мысли XVIII века можно объяснить не только широкой распространенностью французского языка в мире, но и принципиально “универсальной” ориентацией грамматического и стилистического учений, созданных во Франции в этот период. XVIII век во Франции был веком Просвещения, широкого распространения и демократизации литературно-письменной культуры. Изучение грамматики, риторики, поэтики и логики являлись основой “литературных” занятий. Специфика литературного процесса заключалась в широком интересе к вопросам языка и его описаний, к проблемам “общего” и “частного” в языке и в способах выражения мысли (Бокадорова 1987).

Вопросы пунктуации освещены и в *Grammaire françoise, sur un plan nouveau, Avec un Traité de la pronociation des e, et un Abregé des Régles de la Poësie Françoise* (1741).

Автор рассматривает пунктуацию как способ употребления различных знаков для разделения различных частей текста. Это точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, вопросительный и восклицательный знаки, скобки. Данные знаки, по мнению автора, помогают избежать двусмысленности, особенно в текстах Священного Писания, в изложении религиозных догм, законов, договоров. Автор констатирует, что чаще всего каждый автор вырабатывает свою собственную систему пунктуации, а общей системы нет. Автор признается, что очень трудно создать систему пунктуации, которая годилась бы и удовлетворяла бы требованиям всех. Причины отсутствия единой системы пунктуации автор видит в неопределенности, вариативности построения фраз, а также в разных намерениях пишущего. Тем не менее, он предлагает следующие правила.

Запятая разделяет имена, глаголы, наречия и части периода, если нет необходимости объединять их. Точка указывает, что период закончен, и что смысл полностью завершен. Двоеточие часто служит маркером

середины периода, смысл завершен не полностью. Точка с запятой обозначает смысл менее завершенный, чем у двоеточия и больший смысл, чем у запятой.

Автор говорит, что такое понимание функций знаков имеется в узусе, но он задается следующими вопросами: какая есть необходимость объединять имена, глаголы, наречия и части периода; что такое смысл менее и более завершенный; что такое законченный период, завершенный смысл. Далее автор пытается дать ответы на эти вопросы, для этого он анализирует примеры, пытается детализировать функции знаков.

Так, запятая служит отделению различных частей периода, в каждой из которых есть именительный падеж и глагол: *Si tant de gens se plaisent à lire des bagatelles, c'est peut-être que leur esprit ayant peu de force, ils aiment les choses aisées à comprendre. Если люди так любят читать пустяки, то это может быть из-за слабости духа, они любят легкие для понимания вещи.* Это сложный период, состоящий из трех частей, в каждой из которых есть предикативная группа.

Другое употребление запятой – дифференциация в одной части периода нескольких имен, глаголов, обстоятельств, которые не соединены союзом или изменяются одинаковым образом (автор имеет в виду однородные члены предложения): *La vertu, l'esprit, la science sont les vrais biens de l'homme.*

Автор конкретизирует постановку запятой и предлагает следующие правила: знак не ставят между тремя именами, глаголами, обстоятельствами: *Le rapport d'une partie à son tout* (отношение части к целому); *faire travailler à obtenir une grace* (заставить работать из милости); *bien mal composé* (плохо составленный).

Если слова во фразе соединены союзом, то запятую не ставят: *L'imagination et le jugement ne sont pas toujours d'accord* *Воображение и суждение не всегда находятся в согласии.* Запятую можно не ставить и

между двумя короткими фразами, особенно, если они построены по одному типу и соединены союзом: *Aléxandre conquiert l'Asie et il établit la Monarchie des Grecs*. Однако если с помощью союза соединяются две длинные фразы, или они разного построения, то используют запятую: *Nos François ont excellé dans la tragédie, et les anciens ne l'emportent pas sur nous en ce point* *Мы французы превосходны в трагедии, и древние не одержат верх над нами в этом вопросе*.

Иногда полное предложение содержит в себе другое, которое можно назвать партитивным, так как оно лишь часть полной фразы: *Pour entretenir la discipline dans un état, il faut quelquefois des exemples de sévérité* *Чтобы поддерживать порядок в государстве, надо жестоко обойтись с несколькими экземплярами*. Такие частичные фразы, где есть имя и глагол, отделяются при помощи запятой, если только они не экстремально короткие: *Celui qui trompe est trompé* *Тот, кто обманывает, обманут* – релевантным оказывается фактор объема конструкции.

Автор отмечает, что постановка знака зависит и от позиции таких частичных фраз: запятая ставится, если такие частичные фразы стоят в препозиции: *Pour répondre, il faut être interrogé*; запятая не ставится, если такие частичные фразы стоят в постпозиции, в естественном порядке: *Il faut être interrogé pour répondre*. То есть для графического отделения инфинитивного оборота релевантна его позиция.

Следующее условие для постановки запятой – объем фразы: запятая стоит между двумя пространными частями: *Il faut s'acoutumer à ne faire jamais des discours frivoles, pour être toujours en état de parler avec justesse*. Если эта частичная фраза – парентеза, вводное предложение, то ее необходимо выделить запятой с обеих сторон, если же вводное предложение состоит более чем из трех-четырех слов, то его заключают в квадратные скобки. Такие скобки подобны круглым скобкам, а те, в свою очередь, близки по функциям запятой. В этой работе, как и в работе

предыдущего автора (1669), отмечается сходство функций скобок и парных запятых.

В целом, автор соотносит постановку запятой с наличием предикативного отношения в части периода, он учитывает также факторы объема конструкций и позицию конструкции в периоде.

Точка ставится в конце периода, где смысл завершен. В середине периода используют точку с запятой и двоеточие, их функции, согласно автору этой грамматики (1741), одинаковы, они могут замещать друг друга. Вообще, эти знаки используют во всех случаях, где несколько частей периода зависят от предшествующего; часто при этом есть союзы *cependant* (тем не менее), *néanmoins* (однако), *mais* (но), *excepte que* (кроме, за исключением), *si bien que* (так что), *de manière que* (так, чтобы), *d'autant plus que* (тем более), *quoique* (хотя), *parce que* (потому что), *puisque* (потому что), *pourvu que* (только бы, лишь бы), *afin que* (чтобы), *du reste/au reste* (впрочем), *car* (так как) и тому подобные.

Рассматривая построение *Le siècle d'Auguste a tellement été celui des excellens poètes, qu'ils ont servi de modèles à tous les autres; cependant il n'a point porté de poètes tragiques* автор говорит, что в середине периода необходимо ставить знаки препинания, чтобы возобновить дыхание. Однако французские периоды, по сравнению с латинскими периодами, не такие объемные, и поэтому, по мнению автора, нет необходимости постоянно ставить знаки для уведомления о паузах. Таким образом, автор указывает на прямые корреляции между паузами устной речи и использованием знаков.

Автор пытается дифференцировать точку с запятой и двоеточие и уточняет, что двоеточие употребляется с союзами противительными, ограничительными, условными: *cependant*, *mais*, *néanmoins*, *d'ailleurs* (впрочем), *au reste*, *excepte*, *pourvu que*, *à condition*. Однако лучше поставить точку с запятой, если часть периода предстает как новая или иная часть:

vous êtes insensible aux bontez d'un Dieu qui vous a prévenu le premier; d'un Dieu qui n'est jaloux de votre cœur que pour votre propre félicité; q'un Dieu qui trouveroit également sa gloire à vous perdu par justice, comme à vous sauver par miséricorde (*Вы нечувствительны к доброте Бога, который предвосхитил вас; Бога, который не завидует вам; Бога, который <...>*).

Автор признает, что трудности возникают при установлении конца периода, критериями он называет смысл и намерения автора. Вопросительный и восклицательный знаки ставятся в конце периода, который заключает в себе вопрос или восхищение. В отличие от исследователей XVII века, автор не относит к пунктуации трему и апостроф.

Таким образом, даже в середине XVIII века автор констатирует отсутствие единой системы, единого подхода к французской пунктуации. Он выдвигает лишь приблизительные критерии для постановки знаков. Это синкретичные критерии, так как автор апеллирует и к интонации, и к завершенности/ незавершенности смысла, обращается к значениям союзов, выделяет предикативные отношения в частях периода. В качестве знаков середины периода выступают двоеточие, точка с запятой, запятая. Функции двоеточия и точки с запятой совпадают, хотя автор и пытается дифференцировать их значения (посредством союзов). Важными условиями, влияющими на выбор знака, автор называет объем частей периода, позицию конструкции, наличие союзов. Рассмотрение пунктуационных учений XVI-XVIII вв. убеждает в том, что в отношении набора знаков, функций знаков, используемых терминов, указанные сочинения менялись очень незначительно. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в области развития пунктуационной теории было сделано немало: сложился весь корпус знаков в современной конфигурации (не кодифицированы лишь многоточие и тире), сформировались ядерные

функции знаков, выявлены факторы, влияющие на выбор знака, признана сложная природа пунктуации.

Четко прописана иерархия знаков препинания; уже в конце XVII века указывается *смысłodифференцирующая функция запятой*, отмечена *выделительная функция парной запятой*. Главная функция запятой заключается в том, что она, разделяя отдельные фрагменты, одновременно сплавливает компоненты отдельного отрезка. Таким образом, идея Н.Л.Шубиной о том, что пунктуацию нужно изучать только в процессе текстовой деятельности, не нова, об этом французские исследователи говорили уже во второй половине XVII в. Дальнейшая динамика развития пунктуационной теории тесно связана со становлением синтаксической теории, следствием чего явилась разработка способов анализа предложения, конкретизация, уточнение пунктуационных правил.

3.2. Пунктуация во французских памятниках XVI века

Середина XVI века во Франции ознаменовалась деятельностью поэтов-гуманистов “Плеяды”, во главе которой стояли Ж. Дюбелле и П.Ронсар. Рассмотрим отрывки произведений этих авторов, а также отрывок из французской грамматики Р. Этьена на предмет установления особенностей пунктуационного узуса.

Распространенным знаком конца периода (наряду с точкой) в пунктуационной практике исследуемого периода является вопросительный знак: Pourquoy mandions nous les Langues etrangeres comme si nous auions honte d’user de la nostre? (du Bellay) *Почему мы изучаем иностранные языки, как будто мы стыдимся своего?* Несколько реже встречаем восклицательный знак: Vive la guerre! (La Satire Ménipée, p. 151).

Самая регулярная, типичная функция двоеточия – ввод обоснования, пояснения, которое оформляется обычно при помощи союза car:

Quiconques furent les premiers qui oserent abandonner la langue des anciens Grecs et Romains pour honorer celle de leur païs, ilz furent veritablement bon enfants & non ingratz citoyens, & et dignes d'estre couronnez sur une statue publique, & que d'aage en aage on face une perpetuelle memoire d'eux & de leurs vertus: non qu'il faille ignorer les langues estrangeres, ie te conseille de les sçavoir perfaictement, & d'elles comme d'un vieil tresor trouué soubz terre enrichir ta propre nation: car il est fort malaisé de <...> (Ronsard). *Всякий, кто любит древние языки, был хорошим ребенком и достоин быть коронованным; я советую тебе знать древние языки в совершенстве, они как сокровище обогащают твой народ, так как <...>*; Elle n'ha point de preterit: car on ne peult commander pour le passé, <...> (Estienne). В данной функции наряду с двоеточием спорадически встречается и точка с запятой: Combien que par l'Imperatif, aussi proprement se puisse dire; car autant vault *Faites cela*, et *Va la*, que, *Vous ferez cela*, et *Tu iras la*, prononcez en façon de commandemēt, ou remontrance avec les plus grans: car les soubiects ou moindres ne peuent pas commander à <...> (Estienne). Данный факт подтверждает тезис о ретроспективности кодификации (у Доле нет точки с запятой).

Не менее важной функцией двоеточия является выражение следственных отношений, вывода: Nul s'il n'est vrayment du tout ignare, voire priué de Sens commun, ne doute point que les choses n'ayent premierement été: puis apres, les motz auoir été inuenter pour les signifier: & par consequent aux nouuelles choses estre necessaire imposer nouueaux motz, <...> (du Bellay). *Это было бы полным невежеством сомневаться, что сначала появились вещи, а затем были изобретены слова для их обозначения, следовательно, для новых вещей нужны новые слова.*

Двоеточие выражает и противопоставления двух частей периода: Je suis bien d'Opinion que les Procureurs & Auocatx usent des termes propres à leur profession, sans rien innouer: mais vouloir oter la liberté à un scauant

Homme qui <...> (Du Bellay). *Я считаю, что прокуроры и адвокаты используют специальные для их профессии слова, но если они хотят лишить человека свободы, то <...>.*

Достаточно регулярно двоеточие используется для ввода и отделения примеров: La seconde mode ou maniere du Verbe, s'appelle Imperatiue, quand par iceluy on commande de faire quelque chose: come Aime (Estienne); Pour ce faire tu faudroit voir tous ces vieux Romains & Poëtes François, ou tu trouueras un *Aiourner*, pour *faire Iour* (que les Praticiens se sont fait propre): *Anuéter*, pour *faire Nuyt*: *Assener* pour *frappper ou on visoit*, & proprement d'un coup de Main: *Isnel* pour *Leger*: et <...> (Du Bellay). Однако для ввода примеров часто используется просто курсивное написание или сочетание запятой и курсива: Quelque fois on se sert du futur de l'Indicatif pour l'Imperatif comme, *Vous ferez cela, Tu iras la* (Estienne).

В скобки заключены попутные замечания, наблюдения автора: Pour ce faire tu faudroit voir tous ces vieux Romains & Poëtes François, ou tu trouueras un *Aiourner*, pour *faire Iour* (que les Praticiens se sont fait propre): <...> (Du Bellay) (*что свойственно практикам*).

В работе Ж. Дюбелле дважды встречаем многоточие. Оно маркирует необычные яркие сравнения и последующий переход к другой теме: Entre autres choses, ie garde bien nostre Poëte d'user de Noms propres Latins ou Grecs, chose vrayment aussi absurde, que si tu appliquois une Piece de Velours verd à une Robe de Velours rouge... Quand au reste, <...> (Du Bellay). *Среди прочего я вижу наших поэтов, которые используют греческие и латинские имена собственные, что также абсурдно, как если бы ты использовал кусок зеленого бархата для красного платья... Что касается прочего, <...>.*

Самым распространенным знаком членения предложения (периода) является запятая. Она, достаточно регулярно, отделяет:

- однородные члены предложения: <...> use de motz purement François, non toutesfois trop communs, non point aussi trop inusitez, si tu <...> (Du Bellay); Tu pratiqueras les artisans de tous mestiers, de Marine, Venneri, Fauconnerie, & <...> (Ronsard). *Ты используешь слова ремесленников всех специальностей: моряков, охотников, сокольничих и <...> - запятая (достаточно регулярно) стоит также после обобщающего слова, то есть представления о графическом отделении обобщающего слова еще не сложились;*
- обращения: Ne crains donques, Poëte futur, <...> (Du Bellay,);
- вводные слова и конструкции: Quand au reste, use de <...> (Du Bellay); Auec ce, on ha de coutume <...> (Estienne);
- уточнения: <...> imposer nouueaux motz, principalement ès Ars, dont l'usage <...> (Du Bellay);
- отделяет распространенную группу подлежащего от группы сказуемого: La seconde mode ou maniere du Verbe, s'appelle Imperatiue, quand <...> (Estienne); <...> , d'autant que les Poëtes hardis, ont les premiers forgé & comme les plus <...> (Ronsard);
- придаточные следствия: Tu ne dois reietter les mots de nos vieux Romains, ains les choisir avecques meure & prudente election (Ronsard). *Ты не должен отказываться от старых римских слов, следовательно, выбирай слова осторожно, благоразумно;*
- сравнение: Ne doute point que le modéré usaige de telz vocables ne donne grande maiesté tant du Vers, come à la Prose (du Bellay); Je te veux encores advertir de n'escorcher point le Latin, comme noc deuanciers, qui <...> (Ronsard). *Я не хочу ... как наши предшественники....* Однако придаточное сравнительное регулярно не маркируется: Pourquoi mandions nous les Langues etrangeres comme si nous auions honte d'user de la nostre? (du Bellay). *Почему мы изучаем иностранные языки, как будто мы стыдимся своего?;*

- придаточные условия (достаточно распространенные или в препозиции): <...>: car tout ainsi qu'on ne peut dire un corps humain beaux, plaisant & accomply, s'il n'est composé de sang, venes, <...> (Ronsard); Et si Horace permet qu'on puyse en un long Poëme dormir quelques-fois, est-il deffendu en ce mesme endroict user de <...> (Du Bellay). Cp. – нераспространенные: <...> , ne se faut soucier s'il sont Gascons, Normans, <...> (Ronsard); <...>: car il est fort malaisé de bien escrire en langue vulgaire si on n'est parfaitement, à tout le moins <...> (Ronsard).

В формирующейся в этот период французской пунктуационной практике примечательна судьба придаточных относительных (ПО): пояснительных и определительных⁸.

Пояснительные ПО вводят дополнительную информацию, оценку автора, то есть они автосемантичны, вводятся при помощи dont, que, qui, auquel и выделяются при помощи запятых: <...> si auant en cete Mer, qui ie soie en danger du naufrage, <...> (Du Bellay)...*если бы я был в море, я был бы в опасности кораблекрушения*; les <...> motz, dont l'usaige <...> (Du Bellay); <...>: car on ne peult commander pour le passé, qui est temps irreuocable (Estienne).

Определительные ПО являются обязательной конструктивной частью главного предложения (синсемантичны), что обуславливает отсутствие запятой: Mais de peur que le vent <...> (Du Bellay); <...> ieunes Gentilshommes qui font plus profession de bien combattre que de bien parler (Ronsard).

Помимо придаточных относительных определительных, запятая практически всегда отсутствует и в придаточных дополнительных, образа действия, инфинитивных оборотах. Однако, если инфинитивный оборот

⁸ Тенденция к разграничению их функционального статуса наблюдается уже в синтаксисе старофранцузского языка (IX-XIII вв.) (Парамонова 1975); теоретическая разработка вопроса – заслуга современных романистов (Реферовская 1969, Веденина 1988, Гак 2004).

вклинивается в структуру SPO, (а фиксированный порядок слов сложился во французском языке к концу XV в.), то запятая употребляется: <...> les mots, lesquels pour estre beaux & significatifs, ont esté receus, louez, & admirez d'un chacun (Ronsard). *Слова для красоты и обозначения были приняты и одобрены всеми.*

Сопоставив пунктуационную практику и пунктуационную теорию (Доле 1540) XVI в., приходим к выводу о том, что кодификация отстает от узуса в количественном отношении: Доле не вводит в свое учение многоточие, в узусе же оно представлено у Дюбелле и маркирует конец яркого сравнения и последующий переход к другой теме. Знаками конца периода в узусе являются точка, вопросительный и восклицательный знаки, что закреплено и в теории. Употребление круглых скобок в практике XVI столетия соответствует кодифицированным Доле рекомендациям, однако в нашей выборке мы не обнаружили квадратных скобок. Кодифицированные правила для двоеточия на данном этапе развития пунктуационной теории сформулированы очень общо – “смысл не завершен”. В узусе такая трактовка интерпретируется как разделение частей периода с последующим обоснованием, следствием, выводом, противопоставлением частей периода, а также ввод примеров.

В практике столетия встречается и точка с запятой, хотя ее нет в кодифицированных правилах Доле. Соотношение двоеточия и точки с запятой в нашей выборке 27:4, то есть точка с запятой только входит письменную практику. Функция точки с запятой - ввод обоснования (обычно союз car) совпадает с зоной функционирования двоеточия. Такие случаи совпадения функциональных зон знаков неизбежно сопутствуют языковой эволюции. Далее, Доле приводит две конфигурации запятой (/ ,), однако в нашей выборке virguly нет. Широкая трактовка запятой в кодификации – отделение различных компонентов периода на практике означает отделение различных предикативных частей, однородных членов,

разного рода уточнений (приложение, обращение, различные обороты, вводные конструкции).

Таким образом, в пунктуационной теории и практике середины XVI века присутствуют основные знаки членения периода, начинает использоваться точка с запятой. Двоеточие и запятая – основные знаки внутреннего членения. В это время в узусе достаточно четко выделяются группировки придаточных предложений, требующих различного графического оформления, данный факт, однако, не нашел отражения в теории, что характерно для раннего этапа становления системы. Примечательно, что постановка знака может быть мотивирована различными факторами: объем конструкций, позиция играют при этом не последнюю роль (инфинитивные конструкции, придаточные предложения). На определенных участках (пояснение, ввод примеров) мы наблюдаем вариативность знаков (двоеточие – точка с запятой, двоеточие – запятая - курсив).

3.3. Пунктуация во французских памятниках XVII века

В анализируемом отрывке работы ведущего грамматиста XVII века К. Вожла “Remarques sur la Langue Françoise” (1647) использованы лишь три знака: точка (знак конца предложения), запятая и точка с запятой.

Точка с запятой отделяет крупные части периода, выражая пояснительные отношения: Il est certain que la Court est comme un magasin; d'où nostre langue tire quantité de beaux termes pour exprimer nos pensées, et que <...> (Vaugelas); Ce n'est pas pourtant que la Cour ne contribue incomparablement plus à l'Usage que les Autheurs, ny qu'il y ait aucune proportion de l'un à l'autre; car enfin la parole qui se prononce, est la premiere en ordre et <...> (Vaugelas).

Функции запятой также разнообразны, как и в середине XVI века, она *регулярно* отделяет:

- однородные члены: <...> , et que tut le monde appelle le Roy, ou le Tyran, l'arbitre, ou le maistre des langues (p. 71);
- вводные конструкции: Car si ce n'est autre chose, comme quelques-uns se l'imaginent, que la façon ordinaire de parler d'une nation <...> (p. 71);
- разделяет части сложносочиненного и бессоюзного сложного предложений: Mais cette opinion choque tellement l'experience generale, qu'elle se reflète d'elle mesme, et ie n'ay iamais peu comprendre, comme <...> (p. 71); Toutefois quelque avantage que <...>, elle n'est pas siffisante toute seule de seruir de regle, il faut que la Court et les bons Autheurs y concourent, et <...> (p. 72);
- стоит после обобщающего слова перед перечислением, *как в прошлом столетии*: Il y a sans doute deux formes d'Usages, un bon et un mauuais (p. 71);
- отделяет распространенную группу подлежащего от группы сказуемого, *что имело место и в прошлом столетии*: Il est vray que d'ajouster à la lecture, la frequentation de la Court et des gens sçarants en la Langue, est encore toute autre chose, <...> (p. 72);
- инфинитивные обороты большого объема, часто в инициальной позиции: Pour le mieux faire entendre, il est nécessaire <...> (p. 71);
- придаточные условия, времени, причины, уступки, сравнения, определительные поясняющего характера.

XVII век – расцвет классицизма во Франции, предполагавшего строгое различие «низких» и «высоких» жанров. Рассмотрим функционирование знаков препинания в «низком» жанре драматургии. Специфика низких жанров состоит в том, что они изображают повседневную жизнь народа, полную заурядных событий, переживаний; на

письме эти переживания и эмоции передаются при помощи вопросительного и восклицательного знаков: Mon fils est mort! Es tu hors de sens? (Cyrano de Bergerac).

Многоточие маркирует обрыв речи: <...>, je le leur renverrai pour rien..... Ah! que diable, que diable, aller faire en cette galère?..... Ou dis – leur qu autrement <...>(Cyrano de Bergerac).

Многоточие в начале строки маркирует паузу обдумывания, принятия решения: Paquier, donne–moi le réceptacle des instruments de l’immortalité (Cyrano de Bergerac).

Двоеточие вводит прямую речь и пояснение: Soutiens – moi: je suis mort (Cyrano de Bergerac).

Точка с запятой отделяет части сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений: Tu ne devais pas parler de rangon; ils se seront moqués de toi (Cyrano de Bergerac); C’est en cela que la chose est plus merveilleuse; et, quoique l’on ne les ait point vus en France que là, que <...> (Cyrano de Bergerac).

Точка с запятой отделяет также ряды однородных членов: Granger, pédant; Corbineli, valet de son fils; Paquier, cuistre du pédant (Cyrano de Bergerac).

Запятая регулярно обозначает обращение, уточнение, вводные слова, однородные члены, приложение, границы частей небольших по объему бессоюзных: Hélas! tout est perdu, votre fils est mort (Cyrano de Bergerac) и сложносочиненных предложений: <...>: votre fils, à la vérité, n’est pas mort, mais il est entre les mains des Turcs (Cyrano de Bergerac).

При помощи запятой отделяются также различные придаточные предложения: причины, условия, времени, уступки, ряд относительных.

Аналогична пунктуационная картина в одноименной пьесе Мольера. При помощи круглых скобок оформляются ремарки: (Tirant sa bourse de sa poche, et la présentant à Scapin).

Эпистолярный жанр расцветает во Франции в XVII веке. Обширная официальная, ученая, дружеская, любовная переписка отвечали разнообразным социальным и культурным запросам общества, письма становились неотъемлемой частью светского быта (Дезен 1988).

Для данного жанра характерны пространственные периоды с четким членением внутри периода. Двоеточие и точка с запятой выполняют уже разные функции: зоны их функционирования уже четко определены.

Двоеточие выступает в традиционных функциях - пояснение и ввод прямой речи. Точка с запятой – излюбленный знак авторов писем. Нами установлено три основных функции этого знака: 1) отделение частей сложносочиненного предложения: J'avais bien oui dire que <...>, et qu'il <...>; mais j'avoue que <...> (Voiture); 2) отделение частей бессоюзного сложного предложения: Je n'ai point fait la pièce que vous m'imputez et qui vous pique; je l'ai requise de Paris avec une lettre qui m'a appris le nom de son auteur; il l'adresse à un de nos amis, qui <...> (Corneille) – *Я не писал пьесы, которую вы мне приписываете; я получил ее в письме из Парижа; это письмо было адресовано одному из наших друзей*; 3) обоснование: Si je fais quelque réflexion sur leurs actions, j'en reçois le même plaisir que vous auriez de voir les paysans qui cultivent vos campagnes; car je vois que tout leur travail sert à embellir le lieu de ma demeure et <...> (Descartes) - *и если я делаю некоторые замечания по этому поводу, то я получаю от этого удовольствие <...>, т.к. я вижу, что вся их работа служит <...>; <...>.*

Полемический характер некоторых писем предполагает использование вопросительных и восклицательных знаков: <...>, vous appelez cela des civilités d'auteur! (Corneille); Quel autre lieu pourrait-on choisir, dans le reste du monde, où toutes les commodités de la vie soient si faciles à trouver que dans celui-ci? (Descartes).

Запятая регулярно маркирует обращения, вводные слова, однородные члены, части сложносочиненных предложений небольшого

объема, придаточные времени, следствия, условия, уступки, причастные и инфинитивные обороты в препозиции или большого объема, некоторые придаточные относительные, препозицию придаточного предложения перед главным.

Итак, функции знаков препинания в драматургии и в эпистолярном жанре определенным образом упорядочены, можно отметить их большую эмоциональность (многоточие, вопросительный и восклицательный знаки), что объясняется спецификой жанра.

Философская проза первой половины XVII в. представлена работами Паскаля, Декарта. Для философской прозы характерны пространные периоды, вопросительные предложения, некоторая недосказанность – все эти факты вызывают к жизни соответствующую пунктуацию. Недосказанность выражается многоточием: Je savais que les langues que l'on y apprend sont nécessaires pour l'intelligence les livres anciens; que <...>; que <...>; et enfin qu'il est bon de les avoir toutes examinées, <...> afin de connaître leur juste valeur et se garder d'en être trompé... (Descartes. Discours de la méthode).

Наряду с многоточием немало в философской прозе вопросительных и восклицательных предложений: Qui dispense la réputation? qui donne le respect et la vénération aux personnes, aux <..>, sinon cette faculté imaginante? Combien toutes les richesses de la terre insuffisantes sans son consentement! (Pascal. L'Imagination).

Знаками членения пространных периодов являются двоеточие, точка с запятой, запятая.

Двоеточие маркирует 1) пояснение: Comme au contraire, je comparais les écrits des anciens païens, qui <...>: ils élèvent fort haut les vertus, et <...> (Descartes) – *напротив, я сравнивал писмена древних язычников, которые <...>: они воспитывают верх добродетелей и <...>*; 2) выражает причинно-следственные, условно – следственные отношения: <...>; ou

nous rappelons le passé, pour l'arrêter comme trop prompt: si imprudents que nous errons dans les temps qui <...> (Pascal); <...>, je demeurais tout le jour enfermé dans un poêle, où j'avais tout le loisir de m'entretenir de mes pensées: entre lesquelles l'une des premières fut que je m'avisai de considérer que <...> (Descartes) – *я оставался на печи, где я мог беседовать со своими мыслями, одна из которых заставила меня подумать <...>.*

Точка с запятой отделяет на регулярной основе: ряды однородных членов; части сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений; пояснение: L'imagination dispose de tout; elle fait la beauté, la justice, et le bonheur, qui est le tout du monde (Pascal).

Приведем типичный пример из сочинения «Рассуждение о методе» Декарта: Je savais que les langues que l'on y apprend sont nécessaire pour l'intelligence des livres anciens; que la gentillesse des fables réveille l'esprit; que <...>; que la poésie a des délicatesses et des douceurs très ravissantes; que <...>; que la théologie enseigne à gagner le ciel; que <...>; et enfin qu'il est bon de <...> (p. 12). *Я знал, что языки, которые там изучают, необходимы для понимания старинных книг; что остроумие басни будит ум; что поэзия <...>.* Итак, точка с запятой является знаком отделения крупных частей периода (параллелизм структуры). Внутреннее членение периода, более мелкое, чем точка с запятой, выполняет запятая.

Инфинитивные обороты, как правило, не выделяются, однако в препозиции к синтаксическому ядру предложения *причастные и инфинитивные обороты* обычно отделяются при помощи запятой: Et, pour parler des choses humaines, je crois que <...> (Descartes); Mais, étant le plus souvent fausse, elle ne donne aucune marque de sa qualité, marquant de même caractère le vrai et le faux (Pascal); Cette superbe puissance, ennemie de la raison, qui se plaît à la contrôler et à la dominer, pour montrer combien elle peut en toutes choses, a établi dans l'homme une seconde nature (Pascal). *Эта сила, враг разума, которая любит контролировать и доминировать,*

чтобы продемонстрировать свои способности, учредила в человеке вторую натуру. Структурное ядро этого предложения *puissance ... a établi* разорвано целым рядом уточняющих элементов, и это повлекло за собой их соответствующую интонационную и графическую обособленность.

Научно-популярная проза первой половины XVII в.

Многоточие (три/ четыре/ пять точек) у Сирано де Бержерака в «Contre l'hiver» вводит в ситуацию: Le barbare ne s'est pas contenté d'avoir ôté la lanque à nos oiseaux, <...> (p. 230).

Другая функция многоточия - подтолкнуть читателя к размышлению, представить себе изображаемую картину: <...>; que peut-être la neige est l'écume des plantes qui meurent enragées, et que les vents qui soufflent tant de froid, sont les derniers soupirs de la nature agonisante (p. 231) – *что может быть деревья и снег <...> - это последние вздохи агонизирующей природы....*

Двоеточие маркирует традиционно пояснение: Quant à l'unité de lieu, je n'en trouve aucun précepte dans Aristote ni dans Horace: c'est ce qui porte <...> (Corneille); Ce royaume n'avait que deux sortes d'ennemis qu'il dût craindre: les huguenots et les Espagnols (Voiture);

- условие: Si nous ne pouvons la rentermer dans ces deux heures, prenons-en quatre, six, dix: mais ne passons pas de beaucoup les vingt – quatre heures de peur de <...> (Corneille);

- контраст, противопоставление двух частей периода: <...>, il nous faut chercher quelque autre accommodement pour l'unité de lieu, si nous la voulons conserver dans tous nos poèmes: autrement il faudrait prononcer contre beaucoup de ceux que <...> (Corneille). *Надо искать другое условие для единства места, если мы хотим его сохранить во всей поэме – в противном случае следовало бы <...>;*

- прямую речь: Je dirai plus: la tragédie doit exciter de la pitié et de la crainte, et <...> (Corneille).

Функции точки с запятой: отделение частей сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений, распространенных рядов однородных членов, что фиксируем и в других жанрах.

Запятая маркирует различные уточняющие слова, конструкции, которые расширяют или нарушают синтаксическое ядро: Tous, sans différence ni de religion, ni de sexe ni de condition, s'animent à chasser l'ennemi commun (Mézeray).

Пунктуация в философских трудах второй половины XVII в.

Иерархия знаков сложилась. Двоеточие выражает пояснение либо контраст: Mais la broderie et les ornements y ajoutent encore la magnificence: je loue donc le travail de l'ouvrier (La Bruyère); Il est impossible que cette confusions dans la louange ne produise la même confusion dans l'esprit, et que ceux qui s'accoutument à louer tout ne s'accoutument aussi à approuver tout: mais, quand la fausseté ne serait que dans les paroles, et non dans l'esprit, cela suffit pour éloigner ceux qui aiment sincèrement la verité (Arnauld).

Наиболее часто встречаются точка с запятой и запятая. Проиллюстрируем это утверждение примером из «Логики Пор-Рояля» Арно: La raison en est que les hommes ne considèrent guerre les choses qu'en détail; ils ne jugent que selon leur plus forte impression et ne sentent que ce qui les frappe davantage; ainsi,lorsqu'ils aperçoivent dans un discours beaucoup de vérités, ils ne remarquent pas les erreurs qui y sont mêlées; et, au contraire, s'il y a des vérités mêlées parmi beaucoup d'erreurs, ils ne font attention qu'aux erreurs, le fort emportant le faible, et l'impression la plus vive étouffant celle qui est plus obscure (Arnauld) – *Причина того в том, что люди почти не принимают во внимание сами вещи, а только их детали; они судят в соответствии с их впечатлениями; итак, когда они слышат много правды, они не замечают ошибок в речи, и, наоборот, если во лжи есть правда, то они обращают внимание только на ошибки, т.е. сила затмевает слабость, а впечатление – самая живая материя, хотя и более*

неизвестная. Период распадается на 4 части: причина; пояснение; вывод, следствие; обратный вывод. Точка с запятой является графическим маркером этих 4 смысловых частей; запятая отделяет вводные слова, придаточные условия, нарушение структуры SPO.

Знаки в научно-популярной прозе второй половины XVII в.

Важным событием в научной жизни Франции второй половины XVII века стала публикация грамматики Пор-Рояля (1660). Рассмотрим функции знаков в этой известной грамматике.

Точка стоит в конце названия книги, главы, что характерно для исследуемого периода: Chapitre XXIV. De la Syntaxe ou Construction des mots ensemble.

Двоеточие маркирует:

- пояснение: La seconde, leur signification: c'est à dire, la manière dont les hommes s'en fervent pour signifier leurs pensées (Arnauld);
- ввод обобщающего слова перед перечислением (что было новым по сравнению с предыдущим периодом): Ainsi l'on peut considérer deux choses dans ces signes: La première; ce qu'ils sont par leur nature, c'est à dire, entant que sons & caractères. La seconde, <...> *Таким образом, речевые знаки можно рассматривать с двух сторон. Первое – это то, чем знаки являются по своей природе, а именно... Второе <...>;*
- ввод примера: <...>; & par conséquent il doit être au pluriel: *homines docti, hommes doctes* (p. 5).

Точка с запятой:

- отделяет распространенные однородные члены: La Construction des mots se distingue Généralement, en celle de Convenance, quand les mots doivent convenir ensemble; en celle de régimes, quand l'un des deux cause une variation dans l'autre (p. 4) – *Конструкции сочетаний слов можно в самом общем виде подразделить на согласовательные, в которых слова должны согласовываться друг с другом, и конструкции управления, когда одно*

слово обуславливает определенные изменения в другом; Ce qui ne change pas le rapport spécifique à chaque cas; mais fais voir que l'usage in a pû choisir tel à sa fantaisie (p. 6) – Заметим, что это не может изменить характера надежных отношений в целом, но дает нам возможность убедиться в том, что в обиходе все совершается произвольно;

- вводит следствие, вывод: Car le substantif étant le sujet qui est marqué confusément, quoy que directement par l'adjectif, si le mot substantif marque plusieurs, il y a plusieurs sujets de la forme marquée par l'adjectif: & par conséquent il doit être au pluriel: homines docti, hommes doctes (p. 5) – *Поскольку существительное находит некоторое обозначение в прилагательном, то как скоро существительное обозначает несколько объектов, то и прилагательное должно быть поставлено в форму множественного числа.*

Грамматике Пор-Рояля характерны небольшие по объему предложения. Самым распространенным знаком членения предложения является запятая.

Запятая: - отделяет группу подлежащего от группы сказуемого: Parler, est expliquer ses pensées par des signes, que <...> (p. 4). *Говорить – значит объяснять свои мысли при помощи знаков, которые...*; La Syntaxe de régime au contraire, est presque toute arbitraire, & <...> (p. 5) – *синтаксис управления, напротив, произволен <...>;*

- придаточные места, условия, причины, придаточные относительные пояснительные: Mais parce que ces sons passent, on a inventé d'autres signes pour les rendre durables & visibles, qui sont les caractères de l'écriture, que les Grecs appellent γράμματα, d'où est venu le mot de Grammaire (p. 4). *Но поскольку эти знаки преходящи, то были изобретены другие знаки, чтобы сделать первые устойчивыми и зримыми. Это знаки письменности, которые греки называли γράμματα, откуда и пошло слово грамматика;*

- вводные, уточняющие элементы, элементы, разрушающие структуру SPO: La première, pour la plus grande partie, est la même dans toutes les Langue, parce que c'est une suite naturelle de ce qui est en usage presque par tout, pour mieux distinguer le discours (p. 152). – *Первый тип являет нам во всех языках почти единообразную сущность, так как последняя выступает естественным следствием того, что почти повсеместно встречается в обиходе и способствует лучшему пониманию речи.*

Аналогичную ситуацию наблюдаем в конце XVII века. Проанализируем отрывок словаря, изданного Французской Академией (1694). C'est dans cet estat où la Langue François se trouve aujourd'huy qu'a esté composé ce Dictionnaire; et pour la représenter dans ce mesme estat, l'Académie a jugé qu'elle ne devoit pas y mettre les vieux mots qui sont entièrement hors d'usage, ni les termes des Arts et des Sciences qui entrent rarement dans le Discours: elle s'est retranchée à la Langue commune, telle qu'elle est dans le commerce ordinaire des honnestes gens, et telle que les Orateurs et les Poëtes l'employent; ce qui comprend tout ce qui peut <...> (p. 79). *Этот словарь отражает то состояние, в котором находится французский язык в настоящий момент. Академия посчитала, что не следует помещать в словарь старые слова, которые полностью уже вышли из употребления, а также выражения искусства и науки, которые в речи употребляются редко. Академия, следовательно, ограничилась обычным языком общения честных людей, тех, кто ...* Двоеточие членит период на две части, дальнейшая сегментация выполнена при помощи точки с запятой и запятой.

Таким образом, к концу XVII века можно констатировать, что в основных своих чертах пунктуационная иерархия уже сложилась: выбор знака зависит от объема периода; знаками крупного членения периода являются двоеточие и точка с запятой; двоеточие – знак крупного членения

периода XVI в. уступил в XVII в. свои позиции точке с запятой; запятая отвечает за более мелкое членение внутри части периода.

В практике XVII в. наблюдаем дальнейшее расширение функций многоточия: обрыв речи, пауза обдумывания, ввод в ситуацию (в абсолютном начале предложения), хотя в кодификации знак по-прежнему не отражен. Не находят отражение в кодификации и парные кавычки, которые обрамляют прямую речь с первой половины XVII в. Со второй половины XVII в. в узусе фиксируется и тире для отделения реплик персонажей, однако знак также не отражен в кодификации. Все эти факты подтверждают тезис о ретроспективности последней.

Функции скобок, точки, вопросительного и восклицательного знаков в узусе и в кодификации установились на протяжении XVI в. и на протяжении XVII столетия не изменились. Сформировалось ядро пунктуационной системы из знаков конца предложения.

Знаки начала и середины предложения (периферия системы) еще часто взаимозаменяемы, хотя к концу XVII в. их функции все больше дифференцируются. Двоеточие как знак между “предыдущим и последующим” на практике выражает следующие отношения: пояснение, ввод прямой речи, причинно-следственные, условно-следственные отношения, обобщение, ввод примеров. Эти функции двоеточия не претерпевают изменений на протяжении века, и все-таки двоеточие сдает свои позиции точке с запятой.

Точка с запятой в кодификации считается более слабым знаком, чем двоеточие, на практике же обладает большим потенциалом - это отделение рядов однородных членов, оформление причинно-следственных отношений, пояснение, оформление связи бессоюзных сложных и сложносочиненных предложений. Функциональную синонимию двоеточия и точки с запятой (пояснение, оформление причинно-следственных отношений) наблюдаем на протяжении всего столетия.

Запятая в кодификации выступает в двух разновидностях: как одиночная (функция отделения) и как парная (функция выделения). Обе разновидности представлены и в узусе: отделение – оформление однородных членов, отделение частей сложных предложений небольшого объема, отделение предикативных частей; выделение – оформление разного рода конструкций уточняющего характера, а именно: инфинитивные, причастные обороты, обращения, приложения, вводные конструкции).

В пунктуации находит свое отражение культ разума, логики, когда все, что нарушает естественную структуру французского предложения, требует графического обозначения. Явно прослеживается различное графическое оформление двух типов придаточных предложений: (1) тесно связанных с главным предложением (придаточные дополнительные, относительные определительные), без которых главное предложение было бы не полным; (2) придаточные, менее тесно связанные с главным (придаточные причины, следствия, условия, относительные пояснительные). Характер связи придаточного предложения (тесная, менее тесная) влияет на графическое оформление названных придаточных предложений. В целом, пунктуационная практика XVII в. разнообразнее требований кодификационных руководств.

3.4. Пунктуация во французских памятниках XVIII века

В “Персидских письмах” Монтескье (1720) самым распространенным знаком крупного членения является точка с запятой. Рассмотрим типичный пример: *Quelques-uns même de ces peuples, comme les Vandales en Afrique, les Gots en Espagne, déposaient leurs rois dès qu’ils n’en étaient pas satisfaits; et, chez les autres, l’autorité du prince était bornée de mille manières différentes: un grand nombre de seigneurs la partageaient avec*

lui; les guerres n'étaient entreprises que de leur consentement; les dépouilles étaient partagées entre le chef et les soldats; <...> *Некоторые из этих народов, как, например, вандалы в Африке, готы в Испании, даже смещали своих королей, если были ими недовольны, у других же народов власть государя была ограничена множеством различных способов: эту власть с ним разделяло большое количество сеньоров; войны предпринимались только с их согласия; военная добыча делилась между военачальником и воинами; <...>*. Точка с запятой отделяет относительно самостоятельные предложения, двоеточие встречается лишь в традиционных ядерных функциях – ввода прямой речи и пояснения, запятая отделяет компоненты, которые вклиниваются в структуру SPO. Мы констатируем, что точка с запятой решительно отодвинула двоеточие на периферию пунктуационной системы (в нашем фрагменте их соотношение 21: 4).

Аналогичную пунктуационную картину наблюдаем и во второй половине XVIII века (философская проза, роман, комедия). Во всех просмотренных нами памятниках доминирует точка с запятой:

Chaque animal a son instinct; et l' instinct de l'homme, fortifié par la raison, le porte à la société ait dégradé l'homme, c'est l'éloignement de la société qui le dégrage (Voltaire). Les uns passent leur vie à rassembler des matériaux, manœuvres utiles et laborieux; les autres, orgueilleux architectes, s'empressent à les mettre en œuvres (Diderot). *Одни посвящают свою жизнь собиранию материалов – это полезная и трудоемкая работа; другие, гордые зодчие, спешат их использовать.* Permettez-moi, mon cher chevalier, ajouta-t-il en m'embrassant, d'y mettre seulement une condition; c'est que vous m'apprendrez le lieu de votre demeure, et que <...> (L'Abbé Prévost). – *Разрешите мне...поставить одно условие – вы скажете мне место вашего пребывания.* В этом примере точка с запятой выступает как маркер пояснения, выполняя, таким образом, даже ядерную функцию двоеточия.

В жанре драматургии представлены относительно короткие высказывания, часто неполные, вследствие высокой экспрессивности. Двоеточие практически не встречается, вместо него используется точка с запятой: Je ne me trompe; c'est le comte Almaviva (Beaumarchais) – *я не ошибаюсь – это граф Альмавива*. Отделение частей сложных (союзных и бессоюзных) предложений – также функции точки с запятой: Oui, je vous reconnais; voilà les bontés familières dont vous m'avez toujours honoré (Beaumarchais).

Тире, в отличие от немецкого языка, представлено в двух функциях: отделяет реплики героев и маркирует резкий контраст, неожиданный вывод: <...> il me prendrait pour Espagnol du temps d'Isabelle. – Pourquoi non? Chacun court après le bonheur. Il est pour moi dans le cœur de Rosine. – Mais quoi! suivre la femme à Séville, quand Madrid et la court offrent de toutes parts des plaisirs si faciles! – Et c'est cela même que je fuis. – *это напоминает мне времена королевы Изабеллы. А почему бы нет? Каждый охотится за своим счастьем. Мое – в сердце Розины. А что? Подстергать женщину в Севилье, когда в Мадриде столько доступных наслаждений! – но их-то я и избегаю.*

Многоточие маркирует обрыв речи, раздумье, припоминание, эти функции были нами зафиксированы и в прошлом веке.

Употребление запятой продемонстрируем на примере: Quand on a rapporté au ministre que je faisais, je puis dire assez joliment, des bouquets à Chloris, que j'envoyais des énigmes aux journaux, qu'il courait des madrigaux de ma façon, en un mot, quand il a su que j'étais imprimé tout vif, il a pris la chose au tragique et m'a fait ôter mon emploi, sous prétexte que l'amour des lettres est incompatible avec l'esprit des affaires (Beaumarchais).- *Когда министру донесли, что я сочиняю любовные стихи, и смею думать, довольно изящные, что посылаю в газеты загадки, что мои мадригалы ходят по рукам, что...он серьезно взглянул на дело и* Запятая

графически оформляет однородные члены, вводные, уточняющие элементы, постановку главного предложения после придаточного, что в целом характерно и для прошедшего столетия.

Сопоставим узус и теорию XVIII в. Знаки конца периода – точка, вопросительный и восклицательный знаки функционально не изменяются. Как и в предыдущем столетии мы наблюдаем дальнейшую дифференциацию двоеточия (прямая речь, пояснение) и точки с запятой (отделение рядов однородных членов, оформление причинно-следственных отношений, пояснение, оформление связи бессоюзных сложных и сложносочиненных предложений). В функции пояснения (союзы *car*, *mais*, *parce que* и др.) синонимия этих знаков отражена и в узусе, и в кодификации (Приложение 2).

Функции скобок не изменились на протяжении трех столетий – в них заключают иную информацию, скобки близки функционально парным запятым. В узусе регулярно, как и в XVII в. для оформления прямой речи используются кавычки, но и в этом веке они не отражены в кодификации. Тире, зафиксированное со второй половины XVII в., не кодифицировано и в XVIII в., в узусе же тире маркирует смену персонажа и резкий переход к другой теме. Многоточие – универсальный в узусе знак начала (ввод в ситуацию), середины (обрыв речи, припоминание) и конца (размышление) предложения – также не отражен в кодификации, то есть возможности узуса снова оказываются шире нормы.

Таким образом, к концу XVIII в. в узусе представлены практически все современные знаки, в кодификации же зафиксированы далеко не все инновации. На основе проведенного анализа можно говорить об изменениях в статусе знаков крупных узлов членения – двоеточие, излюбленный знак XVI в., уходит на периферию, уступая место точке с запятой, что обусловлено, на наш взгляд, прагматическими

соображениями. В XVII веке данные знаки имеют несколько тождественных зон функционирования; решение использовать один знак для всех спорных случаев (проявление языкового закона аналогии) - это выход из сложившейся пунктуационной задачи. Спор этот решается в пользу точки с запятой в силу того, что двоеточие имеет за собой долгую традицию и ядерные функции – ввод пояснения и прямой речи, а относительно новый знак получает новые функции.

Выводы по третьей главе

К середине XVI столетия во Франции проявляется живой интерес к родному языку, что связано, прежде всего, с деятельностью «Плеяды». Корпус знаков представлен почти всеми современными знаками (кроме тире и кавычек).

В качестве основы для постановки знаков можно отметить взаимодействие интонационных и смысловых критериев. Так, проявлением интонационного принципа является отделение при помощи запятой (на регулярной основе) распространенной инициальной обстоятельственной группы, отделение распространенной группы подлежащего от группы сказуемого, обособление распространенного инфинитивного оборота в инициальной позиции.

Тенденция к разграничению двух группировок придаточных предложений (тесно связанных с антецедентом главного предложения и менее связанных) влечет за собой их различное пунктуационное оформление. В практике XVI столетия (в отличие от кодификации) отмечается использование точки с запятой и многоточия. Знаки конца предложения – точка, вопросительный и восклицательный знаки формируют ядро пунктуационной системы. Функции периферийных знаков еще отчетливо не сложились.

В XVII веке происходит экспансия точки с запятой, наблюдается ее функциональный рост, особенно в жанре философской прозы. Постепенно складывается специализация знаков середины предложения. Анализ памятников свидетельствует о том, что двоеточие маркирует ввод прямой речи, пояснительные и причинно-следственные отношения, обобщение перед перечислением; функции точки с запятой – оформление союзной и бессоюзной связи между крупными частями периода, причинно-следственные и условно-следственные отношения, отделение рядов однородных членов предложения, пояснение. Борьба этих двух конкурирующих знаков середины предложения (оформление пояснительных и причинно-следственных отношений) проходит на протяжении всего XVII столетия.

В узусе XVII в. имеет место дальнейший рост функций многоточия: обрыв речи, пауза обдумывания, ввод в ситуацию (в абсолютном начале предложения), хотя в кодификации знак по-прежнему не отражен. С первой половины XVII в. в узусе фиксируем парные кавычки, которые обрамляют прямую речь, в кодификации же знак не представлен. Со второй половины XVII в. в узусе зарегистрировано тире при отделении реплик персонажей, однако знак также не отражен в кодификации.

Функции скобок, точки, вопросительного и восклицательного знаков в узусе и в кодификации установились на протяжении XVI в. и на протяжении XVII столетия не изменились. Запятая маркирует предикативные части, однородные члены, уточняющие конструкции, нарушение синтаксической структуры SPO.

В XVIII в. в узусе (но не в кодификации) представлены все современные знаки, представлена (в узусе и в кодификации) оппозиция одиночный – парный знак (скобки, запятые), четко выделены знаки конца, середины и начала предложения, оппозиция “грамматикализованные – семантические” знаки. “Грамматикализованные” знаки маркируют

синтаксические отношения, структуру предложения, “семантические” знаки – свидетельствуют о введении в текст дополнительной информации. Можно говорить о сложившейся иерархии знаков, где запятая - самый слабый знак, который производит графическую маркировку уточняющих компонентов предложения.

Пунктуационный узус позволяет говорить о том, что постановка запятой обусловлена:

- типом придаточного предложения (можно говорить об определенной традиции отделения некоторых типов придаточных от главного предложения),
- позицией конструкции (придаточное предложение в препозиции к главному предложению регулярно маркируется),
- позицией конструкции по отношению к ядру предложения SPO (инфинитивные обороты в препозиции отделяются запятой регулярно),
- объемом конструкции (может маркироваться граница между распространенной группой подлежащего и группой сказуемого),
- интенцией автора, который сам определяет, что важно для повествования (оформление придаточных относительных).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пунктуация в современном понимании как вспомогательный письменный код способствует организации текста, оптимальному, адекватному его пониманию, проявлению личностно-ориентированного начала.

Формирование национальных языков, предшествующее Просвещению, а вместе с тем и развитие пунктуации окрашено идиоэтнической спецификой. На современном этапе пунктуация характеризуется общими релевантными свойствами, что не в последнюю очередь связано с процессами глобализации, стремительным развитием новых способов передачи и хранения информации, перераспределением соотношения вербального и невербального компонентов в письменном тексте и др.

Как следствие этих эволюционных изменений в когнитивной деятельности человека постепенно происходит смена нормативных установок. Так, немецкая пунктуационная система (и в меньшей степени русская) становится на современном этапе более демократичной, намечается сдвиг от структурного к коммуникативному принципу пунктуации. Смена норм в целом обусловлена тем, что язык это не нечто раз и навсегда установленное, а «живой организм» по определению В. Гумбольдта.

Сами языковые нормы также не являются чем-то застывшим, установленным раз и навсегда, они так же, как и язык, изменчивы, хотя и обладают устойчивостью. В целом динамика языковых норм, в том числе пунктуационных, выглядит следующим образом: определенные тенденции зарождаются в узусе, получают распространение, т.е. одобряются социумом, затем эти тенденции осознаются как нормативные и кодифицируются.

Характер кодифицированных норм разный, что связано со специфическими внутривидовыми особенностями развития каждого языка, условиями формирования нации и единого национального языкового стандарта, а также культурными традициями, взаимодействием с другими культурами. На основании различия в характере кодификационных норм выделяются два противопоставленных типа пунктуационной нормы: “немецкий” (строго регламентированный) и “французский” (более свободный). В исследовании показано, что для становления “немецкого” типа пунктуации решающими становятся следующие факторы: отсутствие единого политического центра, борьба между севером и югом, влияние более авторитетных языков (латинский и французский), развитие рационалистических концепций, сознательная нормотворческая деятельность, стремление к упорядочению всех сфер жизнедеятельности.

В исследовании прослеживается мысль, что исследуемый период, XVII-XVIII вв. для немецкого языка - это этап формирования единого национального языка, его норм, в том числе и пунктуационных. В XV-XVI вв. для немецкого языка можно констатировать, что вопросы пунктуации активно разрабатываются, однако говорить однозначно о соотношении узуса и нормы не представляется возможным в силу нескольких обстоятельств. Это, в первую очередь, отсутствие единого стандарта как такового (многообразие образцов), нечеткость критериев («незаконченная или законченная речь»), различная терминология у разных авторов, варьирующийся арсенал знаков, их конфигурация. В пунктуационной теории и в узусе превалирует интонационно-риторическое начало.

В XVII в. интонационное начало как ориентир сохраняется, однако все большую роль начинает играть структурный принцип. Так, на основе интонационных критериев в практике первой половины XVII столетия мы фиксируем регулярные корреляции между виригулой и интонационными

паузами (распространенное инициальное обстоятельство, отделение распространенной группы подлежащего от группы сказуемого). Однако знаки могут обозначать и границу совпадения интонационных и структурных отрезков (однородные члены предложения, предикативные части), т. е. наблюдается корреляция и со структурой, что объясняется сложной природой пунктуации. Во второй половине XVII в. корреляции с паузами устной речи зафиксированы лишь в исторических хрониках, траурных речах, что связывано, на наш взгляд, с традицией и принадлежностью жанра исторических хроник канцелярскому стилю. Кодификационные руководства (учение Харсдерфера 1647) регистрируют изменения, произошедшие в пунктуационной практике, когда знаки препинания - уже не отражение пауз устной речи, а “пограничный камень, который дает понять, что с чем связано”. Таким образом, в нормативном осмыслении пунктуационной системы происходит постепенный переход от интонационно-риторического принципа (в подражание латинской традиции) к логико-грамматическому, когда пунктуация уже не призвана отражать на письме особенности просодики устной речи, а маркирует логические отношения в периоде, что в первую очередь связано с идеями рационализма (грамматика Пор-Рояля).

Говоря о соотношении узуса и нормы, следует в целом отметить ретроспективность последней, так как авторы пунктуационных учений исходили при формулировании своих правил из употребления знаков лучшими писателями, т.е. они закрепляли существующий узус. Однако об однозначном следовании норме говорить нельзя: наряду с относительно “правильно” пунктуированными источниками нередки случаи «нерегламентированного» пунктуирования, а зачастую и почти полное пренебрежение к пунктуации (личная переписка).

К началу XVIII века в общих чертах оформился переход к синтаксическому принципу (основе) пунктуации, когда знаки маркируют

границы определенных синтаксических построений. В кодификации представлены все знаки в их современной конфигурации. Отсутствие многоточия связано, по-видимому, с тем, что оно было представлено как разновидность тире (-), (...), (= = =).

В этот период правила для отдельных знаков конкретизируются, при этом учитываются и интонация, и логические отношения, и структура предложения. Выбор знака мотивирован также пунктуационной ситуацией (наличие других знаков, их аранжировка), объемом конструкций, позицией в предложении.

На протяжении XVIII века складывается специализация знаков с основным набором традиционных функций. Для двоеточия – это пояснение, обоснование, ввод прямой речи, примера, обобщение перед перечислением. Для точки с запятой – отделение рядов однородных членов, отделение параллельных синтаксических конструкций. Общая зона функционирования данных знаков – выражение условно-следственных, причинно-следственных, уступительных отношений. Выбор знака мотивируется объемом периода, наличием определенных союзов и аранжировкой других знаков.

Результаты исследования свидетельствуют о значительных расхождениях между узусом и нормой, особенно это касается произведений представителей «Бури и натиска». В целом, на протяжении XVIII века складываются пунктуационные нормы, близкие современным.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что развитие пунктуационной нормы во *Франции* происходило иначе.

Постоянное взаимодействие с латинским языком, а позже стремление четко противопоставить язык двора языку простого народа – эти факторы привели к идее обогащения, совершенствования языка. Созданная в 1635 г. Французская Академия занялась исключительно вопросами обогащения языка, его диверсификации, что привело к

выработке «совершенных», по мнению французских грамматистов, стилевых образцов. «Самодостаточности» языковой системы способствовали также сформировавшийся прогрессивный характер предложения, где определяемое всегда стоит рядом с определяющим, и разветвленная система союзов. Под воздействием данных факторов пунктуация во французском языке стала не столь приоритетной, поскольку все смысловые и синтаксические отношения передавал фиксированный порядок слов, богатый арсенал лексических средств, широкий выбор союзов и союзных слов. В узусе знаки отделяли/ выделяли лишь элементы, препятствующие линейному разворачиванию смысла (инициальная инфинитивная группа, инициальные распространенные обстоятельства).

Немаловажным является и то, что различные культурные сценарии, отношение к историческому прошлому также сыграли определенную роль при установлении пунктуационной нормы. Во Франции интерес к пунктуации проявляется уже с XVI века, предпринимаются попытки ее описания. В следующем столетии, отмеченном бурным развитием логики, философии прежних знаков уже недостаточно: в практику вводится точка с запятой. В нормативных источниках исследуются функции знаков – называются смыслоразличительная и выделительная функции знаков. Приходит понимание того, что пунктуации можно научиться, только работая с образцовым текстом.

В ходе исследования нами установлено, что «французский» тип пунктуации в основных своих чертах сформировался уже к концу XVII в.

Таким образом, говоря о специфике функционирования пунктуационных систем немецкого и французского языков, необходимо, на наш взгляд, говорить о различиях в процессах становления этих систем, и особо акцентировать различный характер нормализации и кодификации, неодинаковые условия, в которых они протекали. Не последнюю роль играет и отношение общества (в лице государства в том числе) к данному

вопросу и это отношение проявилось по-разному. Во Франции пунктуационные нормы практически не изменились с XVII в. и бережно сохраняются. В Германии же стремление регламентировать все сферы общественной жизни отразилось на письме «сверхпунктуацией» там, где можно обойтись лексическими средствами и порядком слов.

Суммируя основные результаты проведенного исследования, можно констатировать следующее.

Пунктуационная система является функционально-адаптивной системой, реагирующей на изменения в социуме, в ней представлены центр и периферия. Это свойство является общим для обеих систем. В ходе становления системы появляются новые знаки, происходит перераспределение функций знаков, наблюдается полифункциональность знаков, их способность обслуживать разные участки системы, складываются внутрисистемные отношения, иерархия знаков, происходит нормализация узуса. Формируются группировки межфразовых и внутрифразовых знаков, затем отделяющих и выделяющих, приходит осознание смыслодифференцирующей функции знаков.

Кодификационные требования в целом сформулированы более узко, возможности системы, представленные в узусе, намного шире, что свидетельствует о ретроспективности кодификации. Периферийные явления служат источником колебаний нормы, что, в свою очередь, создает основу для «новой» нормы – на протяжении столетий наблюдается варьирование функций знаков, тождество их функциональных зон на определенных участках пунктуационной системы, затем перераспределение их функций.

Сопоставляя освещение вопросов пунктуации в немецких и французских руководствах исследуемого периода, нами зафиксирован тот факт, что корпус знаков раньше был описан во французской

пунктуационной теории, однако функциональный потенциал некоторых знаков шире представлен в немецкой пунктуационной теории (тире).

Зоны функционирования некоторых знаков совпадают в обоих языках: обозначение конца высказывания, отделение однородных членов, уточняющих элементов, предикативных частей, препозиция придаточного предложения, делимитация прямой речи и слов автора. Знаки в обоих языках представлены как полидетерминированные явления, их выбор может быть мотивирован объемом конструкции, ее позицией, наличием определенных союзов, иерархией знаков, их аранжировкой, интенцией автора, стилем повествования, даже отношениями респондентов (деловая и личная переписка). Общим свойством систем является и первоначальная корреляция пунктуационных знаков с интонационно-риторической стороной высказывания. С развитием синтаксических представлений складывается идиоэтническая специфика пунктуационных систем.

На идиоэтническую специфику пунктуационных норм и языковых норм в целом влияют следующие факторы: условия формирования национального языка, условия, в которых протекали процессы нормализации и кодификации, степень сознательного отношения к этим процессам в обществе, их оценка в социуме, особенности менталитета народа, степень влияния других письменных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М.: Изд-во литературы на ин. языках, 1955.
2. Адмони, В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка / В.Г. Адмони. - М., 1963.
3. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988.
4. Адмони, В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке / В.Г. Адмони. – М.: Высш. шк., 1973.
5. Адмони, В.Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1966. – 214 с.
6. Адмони, В.Г. Структурно – смысловое ядро предложения [Текст] / В.Г. Адмони // Члены предложения в языках различных типов. - Л.: Наука, 1972. – С. 35-50.
7. Адмони, В.Г. Тенденции развития структуры предложений и функциональные стили в современном немецком литературном языке (На примере употребления причастных конструкций) [Текст] / В.Г. Адмони // Вопросы филологии немецкого языка. – Вологда, 1971. - С. 3 - 17.
8. Александрова, О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале англ. языка: Учебное пособие / О.В. Александрова. - М.: Высш. шк., 1984. – 211 с.
9. Аллендорф, К.А. Очерк истории французского языка: Пособие для преподавателей / К.А. Аллендорф. – М., 1959. – 182 с.
10. Амирова, Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка / Т.А. Амирова. – М.: Изд-во Наука, 1985. – 286 с.

11. Артамонов, С.Д. История зарубежной литературы XVII-XVIII вв. / С.Д. Артамонов, З.Т. Гражданская, Р.М. Самарин. – М.: Просвещение, 1973. – 800 с.
12. Асташова, Е.В. Влияют ли ошибки в печатном тексте на его восприятие и оценку? [Текст] / Е.В. Асташова // Проблемы социо-и психолингвистики. Выпуск 5. Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма. Сб. статей. – Пермь, 2004. – С. 89 - 93.
13. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш.Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
14. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш.Балли. – М.: Иностранная литература, 1961.
15. Бах, А. История немецкого языка /А. Бах. - М., 1956.
16. Березин, Ф.М. История лингвистических учений / Ф.М. Березин.- М.: Высш. шк., 1975. - 304 с.
17. Бокадорова, Н.Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII - начала XIX века. Структура знания о языке / Н.Ю. Бокадорова. - М.: Наука, 1987. – 150 с.
18. Будагов, Р.А. Филология и культура / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 304 с.
19. Валгина, Н.С. Знаки препинания как средство выражения смысла в тексте [Текст] / Н.С. Валгина // Филологические науки. - 2004. - № 1. - С. 16 - 26.
20. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. - М.: Агар, 2000. – 416 с.
21. Валгина, Н.С. Основы русской пунктуации [Текст] // Современный русский язык: Учебник / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. - М.: Логос, 2002. - С. 491 - 498.
22. Валгина, Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение /Н.С. Валгина. - М.: Просвещение, 1979.

23. Вахек, Й. К проблеме письменного языка / Й. Вахек // Введение в языкознание. Хрестоматия: Учебное пособие для вузов / Сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. - М.: Аспект Пресс, 2001. - 341 с.
24. Введение в германскую филологию: Учебник для I - II курсов филол. фак. ун-тов / М.Г. Арсеньева, С.П. Балашова, В.П. Берков, Л.Н. Соловьева. - М.: Высш. шк., 1980. - 319 с.
25. Веденина, Л.Г. Пунктуация французского языка / Л.Г. Веденина. - М.: Высш. шк., 1975. - 167 с.
26. Веденина, Л.Г. Французское предложение в речи: Учебное пособие / Л.Г.Веденина. - М.: Высш. шк., 1991. - 192 с.
27. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая; перевод с англ. А.Д. Шмелева. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 272 с.
28. Виноградов, В.А. Лингвистические аспекты обучения языку / В.А. Виноградов. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. - Выпуск 2. - 63 с.
29. Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова) / В.В. Виноградов. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. - 400 с.
30. Ворожцова, И.Б. Личностно-деятельностная модель обучения иностранному языку / И.Б.Ворожцова. - Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2000.- 344 с.
31. Вульф, Н.В. Орфографические инновации в немецком языке в конце XIX – XX веков [Текст] : Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В.Вульф. - Спб., 2003.
32. Гаевская, Т.И. Вопросы русской пунктуации в трудах грамматистов XVI –XVIII вв. / Т.И. Гаевская. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1973.
33. Гаевская, Т.И. Несколько замечаний по вопросу о пунктуации грамот

- начала XVIII века, направленных на Верхотурье [Текст] / Т.И. Гаевская // Ученые записки / Пермский гос. пед. ин-т. - 1958. – Выпуск 17. – С. - 115 - 121.
34. Гак, В.Г. Введение во французскую филологию: Учеб. пособие / В.Г. Гак. - М.: Просвещение, 1986.
35. Гак, В.Г. О плюрализме в лингвистических теориях [Текст] / В.Г. Гак // Филологические науки. – 1997. - № 6. - С.36 - 40.
36. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. - Л.: Просвещение, 1977.
37. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. - М.: Добросвет, 2000. – 831 с.
38. Ганшина, К.А. Современный французский язык / К.А. Ганшина, М.Н. Петерсон. – М., 1947. – 206 с.
39. Гельб, И.Е. Опыт изучения письма (основы грамматики) / И.Е. Гельб. – М.: Радуга, 1982.
40. Голев, Н.Д. Коммуникативные проблемы русской пунктуации [Текст] / Н.Д. Голев // Язык и история: Международный сборник науч. тр. – Глазов: ГГПИ, 2005. - С. 28 - 37.
41. Головин, Б.Н. Основы культуры речи: Учебное пособие / Б.Н. Головин. – М.: Высш. шк., 1980. – 335 с.
42. Горбачевич, К.С. Изменение норм русского литературного языка / К.С. Горбачевич. – Л.: Изд-во Просвещение, 1971.
43. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма / К.С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1978. – 237 с.
44. Гостеева, С.А. О функциях знаков препинания в предложениях, содержащих компоненты с двусторонней синтаксической связью / С.А. Гостеева // Современная русская пунктуация. – М.: Наука, 1979.
45. Грамматика английского языка / В.Л. Каушанская, Р.Л. Ковнер и др. – Л.: Учпедгиз, 1963.

46. Граудина, Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты / Л.К. Граудина. – М.: Изд-во Наука, 1980. – 276 с.
47. Гринев, С.В. К уточнению некоторых основных понятий семиотики [Текст] / С.В. Гринев // Филологические науки. – 1997. - № 2. – С. 67 - 75.
48. Гулыга, Е.В. Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка / Е.В. Гулыга., Е.В. Розен. – Л., 1977. – 158 с.
49. Гумбольдт, В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] / В.О.Гумбольдт // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX в.в. в очерках и извлечениях. – М., 1964. – Ч.1. - С. 57-69.
50. Гухман, М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Часть II / М.М. Гухман. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
51. Гухман, М.М. Становление литературной нормы немецкого национального языка/ Гухман М.М. // Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды института языкознания. Том X. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 307 с.
52. Гухман, М.М. История немецкого литературного языка XVI – XVIII вв. / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко. - М., 1984. – 248 с.
53. Дедова, О.В. Графическая неоднородность как категория гипертекста [Текст] / О.В. Дедова // Вестник МУ. - 2002. - № 6. – С. 91 – 103.
54. Дезен, Н.А. Эпистолярный жанр во французской литературе XVII века / Н.А. Дезен. - М., 1988.
55. Добиаш–Рождественская, О.А. История письма в средние века / О.А. Добиаш–Рождественская. – 3-е изд. – М.: Книга, 1987.
56. Доза, А. История французского языка / А. Доза. – М.: Иностранная литература, 1956.
57. Домашнев, А.И. Новая немецкая орфография [Текст] / А.И. Домашнев // Вопросы языкознания. - 1999. - № 1.- С.64 - 69.

58. Дьяконов, И.М. Письмо / И.М. Дьяконов // Лингв. энцикл. словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990.
59. Едличка, А. Литературный язык в современной коммуникации [Текст] / А. Едличка // Новое в зарубеж. лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. - Выпуск XX.- С. 38 - 134.
60. Едличка, А. Типы норм языковой коммуникации [Текст] / А. Едличка // Новое в зарубеж. лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Выпуск XX.- С.135 - 149.
61. Жирмунский, В.М. История немецкого языка / В.М. Жирмунский. - М., 1948.
62. Жирмунский, В.М. Общее и германское языкознание: избр.тр. / В.М.Жирмунский. – Л.: Наука, 1976. - 695 с.
63. Зильберман, Л.И. Запятая как семантико-синтаксический сигнал / Л.И. Зильберман, Г.И. Абрамова. - М.: Наука, 1973. – 75 с.
64. Зиндер, Л.Р. Очерк общей теории письма / Л.Р. Зиндер. - Л.: Наука, 1987. – 110 с.
65. Иванова, В.Ф. История и принципы русской пунктуации / В.Ф. Иванова – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. - С.236 - 242.
66. Иванова, В.Ф. О первоначальном употреблении тире в русской печати / В.Ф. Иванова // Современная русская пунктуация. – М.: Наука, 1979.
67. Иванова, В.Ф. Современный русский язык: Графика и орфография / В.Ф. Иванова. - М.: Просвещение, 1976. – 247 с.
68. Иванова – Лукьянова, Г.Н. Чтение вслух с опорой на пунктуацию / Г.Н. Иванова – Лукьянова. - М., 1988. – 182 с.
69. Иофик, Л.Л. Сложное предложение в ново-английском языке / Л.Л. Иофик. – Л.: ЛГУ, 1968. - 212 с.
70. История Средних веков: в 2 т. Т.2: Раннее новое время: Учебник / Под ред. С.П.Карпова. – 5-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. – 432 с.

71. История французского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. яз., 1963. – 447 с.
72. Истрин, В.А. Возникновение и развитие письма / В.А. Истрин. – М.: Наука, 1965. – 596 с.
73. Ицкович, В.А. Очерки синтаксической нормы / В.А. Ицкович. – М.: Изд-во Наука, 1982. – 198 с.
74. Ицкович, В.А. Языковая норма / В.А. Ицкович. – М.: Просвещение, 1968. – 93 с.
75. Каравашкина, М.В. Понятие «нормы» и «узуса» и их применение к русскому литературному языку до XVII века [Текст] / М.В. Каравашкина // Филологические науки. - 1999. - № 6. - С. 102 - 112.
76. Карапетян, Г.К. Графическое оформление синтаксических единиц в памятниках XVI - XVII веков (на материале немецкого языка) [Текст] / Г.К. Карапетян // Сб. науч. тр. / МГПИ им. М. Тореца. – М., 1975. – Выпуск 93.- С. 146 - 155.
77. Карапетян, Г.К. Соотношение синтаксической структуры, пунктуации и интонации в немецком предложении [Текст] / Г.К. Карапетян, О.Г. Козьмин // Вопросы строя немецкой речи. – М., 1982. - С. 86 - 89.
78. Карапетян, Г.К. Функциональные особенности знаков препинания в современном немецком языке [Текст] / Г.К. Карапетян // Вопросы лингвистики и методики преподавания ин. языков. – М., 1982. - Выпуск 6. – С. 95 - 101.
79. Кольцова, Л.М. Изучение и обучение пунктуации в современных условиях [Текст] / Л.М. Кольцова // Русская словесность на рубеже веков: методология и методика преподавания русского языка. – Воронеж, 2004. - С. 91 – 92.
80. Кольцова, Л.М. Тенденции развития современной пунктуации [Текст] / Л.М. Кольцова // Русский язык: Сб. научн. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1997. – С. 93 - 95.

81. Кольцова, Л.М. Теория текстовой пунктуации в новой лингвистической парадигме [Текст] / Л.М. Кольцова // Русская словесность на рубеже веков: методология и методика преподавания русского языка. – Воронеж, 2004. - С. 92 – 95.
82. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история: Сб. Новое в лингвистике. - М.: Изд-во ин. литературы, 1963. – Выпуск 3.
83. Кусова, Р.И. Иоганн Бедикер и немецкая грамматическая традиция XVII-XVIII веков / Р.И. Кусова. - Орджоникидзе, 1975. – 282 с.
84. Лучиньски, Э. Кодификация нормы и практика пунктуации в современном польском языке [Текст] / Э.Лучиньски // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции 14-16 марта 2002 года С. Петербург. – Спб.: Изд-во Спб ун-та, 2004. – С. 285 - 289.
85. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
86. Меркулова, И. Г. Периферийные знаки препинания в современной французской прозе [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Г. Меркулова. - М., 2001.
87. Михайловская, Е.В. Прагмалингвистические проблемы английской пунктуации (на материале двоеточия) [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Михайловская. - М., 2001. – 27 с .
88. Моисеев, А.И. Звуки и буквы, буквы и цифры / А.И. Моисеев. – М.: Просвещение, 1987.
89. Москальская, О.И. История немецкого языка / О.И. Москальская. – Л.: Учпедгиз, 1959.
90. Мыркин, В.Я. Всегда ли языковая норма соотносится с системой? [Текст] / В.Я.Мыркин // Филологические науки. – 1998. - № 3. – С. 22 - 31.
91. Наумович, А.Н. Основы современной русской пунктуации. Функции

знаков препинания / А.Н. Наумович // Современная русская пунктуация. - Минск, 1983.

92. Некрасова, Т.А. К вопросу развития грамматических средств подчинения в немецком языке (на материале языка XVI века) [Текст] / Т.А. Некрасова // Вопросы филологии и методики преподавания ин. языков.- Челябинск, 1963. – С. 28 - 40.

93. Николаева, Т.М. От звука к тексту [Текст] / Т.М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.

94. Николаева, Т.М. О функциях пунктуационных знаков в русском языке [Текст] /Т.М. Николаева // Современная русская пунктуация. – М.: Наука, 1979. – С. 43 - 52.

95. Орехова, Н.Н. К методологии изучения языковых норм [Текст] / Н.Н. Орехова // Теория и типология грамматических систем: Материалы всероссийской научно-практ. конф. – Ижевск, 2003.- С.130 - 132.

96. Орехова, Н.Н. Пунктуация и письмо: Монография. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. - 216 с.

97. Орехова, Н.Н. Пунктуационная система языка: эволюция узуса и нормы [Текст] / Н.Н. Орехова // Проблемы школьного и дошкольного образования. - Глазов, 2002. – С. 40 - 41.

98. Орехова, Н.Н. Пунктуационная система языка в динамическом аспекте [Текст] / Н.Н. Орехова // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции 14-16 марта 2002 года С. Петербург. – Спб.: Изд-во Спб ун-та, 2004. - С. 318 - 321.

99. Осипов, Б.И. История русского письма / Б.И. Осипов. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1990.

100. Осипов, Б.И. История русской орфографии и пунктуации / Б.И. Осипов. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 253 с.

101. Осипов, Б.И. Учителю об истории русского письма / Б.И. Осипов. – Омск, 1999. – 124 с.

102. Парамонова, С.А. Об отделении относительного предложения от антецедента в старофранцузском языке [Текст] / С.А. Парамонова // XXVIII Герценовские чтения. Иностранные языки. Научные доклады. Ленинград. 1975. – С. 154 - 157.
103. Пиотровская, Л.А. Психолингвистические механизмы интонационного декодирования письменного текста [Текст] / Л.А. Пиотровская // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции 14-16 марта 2002 года С. Петербург. – Спб.: Изд-во Спб ун-та, 2004. - С. 263 - 271.
104. Пунктуация // Русский язык: Энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Дрофа, 1997.- С. 244 - 245.
105. Пунктуация // Лингв. энцикл. словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 406 - 407.
106. Ремнева, М.Л. Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы / М.Л. Ремнева. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 143 с.
107. Реферовская, Л.А. Синтаксис современного французского языка. (Сложное предложение) / Л.А. Реферовская. – Л.: Изд-во “Наука”, Ленинградское отделение, 1969. – 230 с.
108. Россман, В. И. Техники пунктуации: знак пунктуации как философский метод [Текст] / В.И. Россман // Вопросы философии. - 2003. - № 4. - С. 68 - 76.
109. Селина, И.А. Соотношение прескриптивной и дескриптивной норм в синтаксисе современной французской речи [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.А. Селина. - М., 2003. – 21 с.
110. Семенюк, Н.Н. Норма языковая // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А.Серебренников. – М.: Изд-во Наука, 1970.

111. Семенюк, Н.Н. Норма языковая [Текст] / Н.Н. Семенюк // Лингв. энцикл. словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 337 - 338.
112. Семенюк, Н.Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия / Н.Н. Семенюк. - М.: Наука, 1967.
113. Сергиевский, М.В. Проблемы социальной диалектологии в истории французского языка XVI-XVII вв. / М.В. Сергиевский // История советского языкознания: некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия / Сост. Ф.М.Березин. – М.: Высш. шк., 1988. - С.46 - 53.
114. Синтаксис и норма. М.: Изд-во Наука, 1974. – 282 с.
115. Смирнов, В.П. Франция в XX веке: Пособие для студентов вузов / В.П. Смирнов. – М.: Дрофа, 2001. – 352 с.
116. Современная русская пунктуация. – М.: Наука, 1979.
117. Спиридонова, Л.Ф. Роль И.Х.Аделунга в установлении орфографических и грамматических норм немецкого национального литературного языка [Текст]: Автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.Ф. Спиридонова. - М., 1963. – 16 с.
118. Тарабасова, Н.И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII века / Н.И. Тарабасова. – М.: Наука, 1986.
119. Тевдорадзе, М.Н. Английская пунктуация в функциональном аспекте [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ М.Н. Тевдорадзе. - М., 1991. – 20 с.
120. Томмазо, Б. Проблема нормирования и стандартизации языка в итальянской лингвистике [Текст]: Автореф. дис. ... канд.филол. наук: 10.02.19 / Б.Томмазо. – М., 2003. – 24 с.
121. Уфимцева, А.А. Знак языковой / А.А. Уфимцева // Лингв. энцикл. словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 167.
122. Фоли, Джон. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли. – М.: Вече АСТ, 1997. - С. 70 - 81.

123. Филичева, Н.И. История немецкого языка: Учебное пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / Н.И. Филичева. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 304 с.
124. Хлебникова, И.Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка (фонология, морфология): учеб. пособие / И.Б.Хлебникова.- 3-е изд., испр.- М.: ЧеРо, 2001. - 184 с.
125. Черниговская, Т.В. От истории письма к современным психолингвистическим исследованиям [Текст] / Т.В. Черниговская // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции 14-16 марта 2002 года С. Петербург. – Спб.: Изд-во Спб ун-та, 2004. – С. 8 - 15.
126. Шапиро, А.Б. Основы русской пунктуации / А.Б. Шапиро. – М., 1965. – 343 с.
127. Шапиро, А.Б. Современный русский язык: Пунктуация / А.Б. Шапиро. – М., 1974.
128. Шварцкопф, Б.С. О параметрах кодификации пунктуационной нормы [Текст] / Б.С. Шварцкопф // Язык: система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 65 - 78.
129. Шварцкопф, Б.С. Опыт интерпретации современной русской пунктуации в аспекте «система – норма» [Текст] / Б.С. Шварцкопф // Язык - система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. статей Института русского языка РАН. - М., 1995.- С. 46 - 52.
130. Шварцкопф, Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование / Б.С. Шварцкопф. – М.: Наука, 1988.
131. Шигаревская, Н.А. Основы французской пунктуации / Н.А.Шигаревская. - М.: Просвещение, 1975. – 110 с.
132. Шишмарев, В.Ф. Книга для чтения по истории французского языка. – М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – 557 с.
133. Шубина, Н.Л. Метаграфемика как дополнительный семиотический

код в сфере письменной коммуникации [Текст] / Н.Л. Шубина // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: Материалы международной конференции 14-16 марта 2002года С.Петербург. – Спб.: Изд-во Спб ун-та, 2004. - С. 272 - 279.

134. Шубина, Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского языка [Текст]: Автореф. докторс. дис. / Н.Л. Шубина. – Спб, 1999.

135. Шубина, Н.Л. // Русский язык и культура речи: Учебник для вузов / Под ред. В.Д.Черняк. - М.: Высш. шк., Спб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. - С. 336 - 375.

136. Шурыгина, И.А. Соотношение нормы и узуса: лингвистические и социокультурные аспекты реформы немецкой орфографии [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / И.А. Шурыгина. – М., 2002.

137. Щерба, Л.В. Пунктуация // Литературная энциклопедия. - Т. IX. - М., 1935.

138. Щерба, Л.В. Теория русского письма / Л.В. Щерба. - Л.: Наука, 1983. - 133 с.

139. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Изд-во Наука Ленингр. отделение, 1974. – 426 с.

140. Щербакова, А.В. Активные процессы в современном немецком письменном языке [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19/ А.В. Щербакова. – Тамбов, 2001.

141. Щетинкин, В.Е. История французского языка: Учебное пособие для фак. ин. языка пед. вузов / В.Е. Щетинкин. - М.: Высш. шк., 1984. - 188 с.

142. Хакимова, Е.М. Статистические и динамические аспекты языковой нормы: Анализ, систематизация, обоснование [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.М. Хакимова. - Челябинск, 2003. – 22 с.

143. Admoni, W. Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache (1470-1730) IV. Akademie – Verlag. - Berlin, 1980.

144. Baudusch, R. Punkt, Punkt, Komma, Strich. Regeln und Zweifelsfälle der deutschen Zeichensetzung. Funktion und Gebrauch der Satzzeichen mit Beispielen und Übersichten. VEB Bibliographisches Institut. - Leipzig, 1984.
145. Baudusch, R. Interpunktion und Sprachkultur. In: Sprachwissenschaft und Sprachkultur: Tagungsband der Konferenz in Neubrandenburg am 10. und 11. Mai 1990/ Karl Ernst Sommerfeldt (Hrsg.). – Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris: Lang, 1991. - S. 167 - 176.
146. Baudusch, R. Zur Reform der Zeichensetzung - Begründung und Kommentar // Zur Neuregelung der deutschen Orthographie: Begründung und Kritik, 1997. - S. 243 - 258.
147. Behrens, U. Interpunktion als Markierung syntaktischer Konstruktionen // Reihe Germanische Linguistik 97 / Peter Eisenberg / Hartmut Günther (Hgg.) Schriftsystem und Orthographie. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1989. – S. 356.
148. Bödiker, J. Grundsätze Der Deutschen Sprachen im Reden und Schreiben / Samt einem Bericht vom rechten Gebrauch Der Vorwoerter / Der studierenden Jugend und allen Deutschliebenden zum Besten Vorgestellter von Johanne Boedikero P. Coelln an der Spree, 1690.
149. Catach, N. La Ponctuation // Langue française. Février 1980. - p. 16 - 59.
150. Catach, N. La Ponctuation // Martin Riegel. Jean Christophe Pellat, Rene Rioul. Grammaire méthodique du français. Presses Universitaires de France, 1994. - p. 83 - 97.
151. Catach, N. La Ponctuation et les caractères spéciaux // L'Orthographe française à l'époque de la Renaissance par N.Catach. – Genève. Librairie Droz, 1968. – p. 70-80, 295 - 300.
152. Dolet, E. La Maniere de bien traduire d'une langue en aultre (1540). – Slatkine Reprints Genève, 1972. – p. 16 - 25.
153. Duden. Deutsche Orthographie. 3., neu bearb. Aufl. unter der Leitung von D. Neri. – Dudenverlag. – Mannheim, 2000.

154. Die Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. In zwei Bänden. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1969.
155. Dürscheid, C. Einführung in die Schriftlinguistik. Westdeutscher Verlag. - Wiesbaden, 2002. – S. 298.
156. Einführung in die Grammatik und Orthographie der deutschen Gegenwartssprache. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von K.-E. Sommerfeldt, G. Starke, D. Nerius. VEB Leipzig, 1983. - S. 304.
157. Eggers, H. Deutsche Sprachgeschichte IV. Das Neuhochdeutsche. Rowohlt / H. Eggers. - 1977.
158. Gerhardt, Ph. Einführung ins Frühneuhochdeutsche: Sprachgeschichte-Grammatik-Texte.- Heidelberg: Quelle&Meyer, 1980.
159. Frühneuhochdeutsche Grammatik / Oskar Reichmann; Klaus – Peter Wegera (Hrsg.) Von Robert Peter Ebert... - Tübingen: Niemeyer, 1993. – S. 540.
160. Frank, C. Neue französische Grammatik: Das Neue Fachbuch, Ebersbach, 1993. – S. 510.
161. Gallmann, P. Zum Komma bei Infinitivgruppen // Zur Neuregelung der deutschen Orthographie. Tübingen, 1997.
162. Germanistische Arbeitshefte // F. Hartweg / Klaus – Peter – Wegera. Frühneuhochdeutsch. Eine Einführung in die deutsche Sprache des Spätmittelalters und der frühen Neuzeit. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1989.
163. Grammaire françoise, sur un plan nouveau, Avec un Traité de la prononciation des e, & un Abregé des Régles de la Poësie Françoise. Paris. 1741. - p. 392 - 411.
164. Grammaire Larousse du français contemporain. Librairie Larousse. Paris. 1964. – p. 490.
165. Gottsched, J. C. Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jeßigen Jahrhunderts abgefasset von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1748. – S. 544.

166. Höchli, S. Zur Geschichte der Interpunktion im Deutschen. Eine kritische Darstellung der Lehrschriften von der zweiten Hälfte des 15.Jh-ts bis zum Ende des 18. Jh-ts. – Walter de Gruyter. Berlin, Neu York. 1981. – S. 328.
167. Jansen – Tang, D. Ziele und Möglichkeiten einer Reform der deutschen Orthographie seit 1901. Verlag Peter Lang. F.a/M. Bern. New York. Paris, 1988. - S. 650.
168. Jakob Grimms Grammatik der Hochdeutschen Sprache unserer Zeit. Für Schulen und Privatunterricht. Bearbeitet von J.Eiselein, Professor. Verlagshandlung zu Belle – Vue, bei constanz. 1843. – S. 374.
169. Keller, R.E. Die deutsche Sprache und ihre historische Entwicklung. Helmut Busne Verlag. Hammburg, 1986. – S. 630.
170. Koelwel, E. Vom Punkt bis zum Bindestrich // Texte zur Geschichte der deutschen Interpunktion und ihrer Reform 1462 - 1983. / Hrsg. von B.Garbe. Georg Olms Verlag. Hildesheim. Zürich, New York, 1984. - S. 18 - 70.
171. Langue française. Grammaires du texte médiéval. Larousse, 1978.
172. L'Orthographe française à l'époque de la Renaissance par Nina Catach. Geneve. Librairie Droz, 1968. – S. 495.
173. La ponctuation et l'art d'écrire par J.Brun.- Paris. Bruxelles, 1957. – p. 240.
174. Mauconduit. Traité de l'orthographie. Nova Grammatica Gallica, 1669. - Slatkine Reprints Genève, 1972. – p. 140 - 145.
175. Mentrup, W. Die Groß – und Kleinschreibung im Deutschen und ihre Regeln. Historische Entwicklung und Vorschlag zur Neuregelung.- Tübingen, 1979. – S. 150.
176. Mentrup, W. Materialien zur historischen Entwicklung der gross-und kleinschreibung.- Tübingen, 1980.
177. Mentrup, W. Rechtschreibreform in der Diskussion.- Tübingen, 1979.
178. Mentrup, W. Zur Zeichensetzung im Deutschen – Die Regeln und ihre Reform. Oder: Müssen Dudenregeln so sein, wie sie sind? Gunter Narr Verlag Tübingen, 1983. – S. 244.

179. Moser, V. Historisch-grammatische Einführung in die frühneuhochdeutschen Schrift dialecte, 1971. Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt. – S. 266.
180. Müller – Alfeld, T. Deutsche Grammatik. Düsseldorf. ECON Taschenbuch Verlag, 1987. – S. 255.
181. Nerius, D. Zur Funktion und Struktur der Schreibung des Niederdeutschen. In: Vulpis Adolatio: Festschrift für Hubertus Menke zum 60. Geburtstag / Herausgegeben von Robert Peters. Universitätsverlag. C. Winter, - Heidelberg, 2001. - S. 973.
182. Nerius, D. Untersuchung zur Herausbildung einer nation Norm der deutschen Literatursprache im XVIII Jh. / Nerius, D. – VEB Max Niemeyer Verlag Halle (Saale), 1967. – S. 130.
183. Penzl H. Frühneuhochdeutsch. - Bern, 1984.
184. Riegel M. Jean-Christophe Pellat, Rene Rioul. Grammaire méthodique du français. Presses Universitaires de France. 1994. – S. 640.
185. Risse, U. Untersuchungen zum Gebrauch der Majuskel in deutschsprachigen Bibeln des XVI Jahrhunderts. Heidelberg, 1980. – S. 134.
186. Salvat M. Historique de la Ponctuation // Grand Larousse de la langue française en sept volumes. Tome cinquieme, Paris, 1986. - p. 4458 - 4459.
187. Sinder, L., Stroewa, T. Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte. Зиндер Л.П., Строева Т.В. Практикум по истории немецкого языка. Учебное пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / Sinder, L., Stroewa, T. – Л.: Просвещение, 1977. – 303 с.
188. Schildt, J. Abriß der Geschichte der deutschen Sprache / Schildt, J. – Berlin, 1984.
189. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache. Stuttgart / Leipzig, 1993. – S. 384.
190. Schmidt W. Volk ABC der deutschen Rechtschreibung und Zeichensetzung. Leipzig, 1976. – S. 270.

191. Schottelius J.G. Ausführliche Arbeit von der Teutschen Hauptsprache. 1 Teil, 1663. Herausgegeben von Wolfgang Hecht, Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1967. – S. 790.
192. Semenjuk N.N. Sprachnormung im Aspekt der kulturell – historischen Entwicklung // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch, 1992. H/g Petra Köhler – Haering. Moskauer Staatlichen Pädagogischen Univ – t. S. 64 - 67.
193. Texte zur Geschichte der deutschen Interpunktion und ihrer Reform 1462 - 1983. Herausgegeben von B. Garbe. 1984. Germanistische Linguistik 4 - 6/83. Georg Olms Verlag. Hildesheim. Zürich. New York. – S. 363.
194. The French language in the seventeenth century. Peter Rickard. Brewer D.S. 1992. – p. 551.
195. Traité Raisonné de ponctuation ou Emploi rationnel des signes qui servent a répandre la clarté dans le discoivrs par F.Lhernault correcteur d'imprimerie. Paris, 1881. – p. 178.
196. Tschirch, F. Geschichte der deutschen Sprache / von F. Tschirch Berlin: Erich Schmidt, 1989. – S. 304.
197. Von deutscher Sprache. Aufsätze, Vorträge und Plaudeseien von Otto Behagel. Lahr in Baden. Druck und Verlag von Moriß Schauenburg, 1927. - S. 400.
198. Wolff, G. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch / G. Wolff. – Tübingen; Basel; Francke, 1999. – S. 312.
199. Zeichensetzung. Stiluntersuchungen an deutscher Prosadichtung von Jürgen Stenzel. Göttingen. Vandenhoeck & Ruprecht, 1970. – S. 134.
200. Zur Reform der deutschen Orthographie. Materialien der «Internationalen Sprachwissenschaftlichen Tagung zur Reform der deutschen Orthographie».- Wien, 1978.

Словари

1. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н.Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990.

2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. - М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов. - под общ. ред. Скворцова Л.И.. - 24-е изд., испр. - М.: Оникс 21 век, Мир и образование, 2003. – 895с.
4. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – М.: Изд-во МАПТ, 1998. – 1248с.
5. Lexikon der germanistischen Linguistik / hrsg. von H.P.Althaus. Studienausgabe III. Tübingen, Niemeyer, 1980.
6. Большой энциклопедический словарь. Языкознание: второе (репринтное) издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года.- М.: Большая Рос. энцикл., 1998.- 685 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Abdankung von Andreas Tscherning // Trauerreden von Barock. - Wiesbaden: Franz Steiner, 1973. - S. 32 - 35.
2. Abdankung von Crysostomus Schultz // Trauerreden von Barock. - Wiesbaden: Franz Steiner, 1973. - S. 50 - 53.
3. Abdankung von Gottfried Küpfender // Trauerreden von Barock. - Wiesbaden: Franz Steiner, 1973. - S. 392 - 395.
4. Adelungk W.H. Kurze historische Beschreibung der ... - Hamburg, Neumann, 1696. – S. 90 - 93.
5. Aller jetzt=regierender Churfürstlicher Gnaden..., Leipzig, bey Fritsch, 1697.- S. 8-13, 20 - 21.
6. Andreaea J.V. Allgemeine und General Reformation der gantzen weiten Welt...- Regensburg: Wilhelm Wessell, 1681. - S. 62 - 69.
7. Andersohn J. Sendbrief=Schreiben aus Hamburg... - Hamburg, 1689.
8. Arnold G. Nero verfolgt die Christen // F.A.Pischon Denkmäler der deutschen Sprache von der frühesten Zeit bis jetzt. III. Theil. - Berlin: Verlag von Duncker und Humboldt, 1843. - S. 494 - 496.
9. Barclay J. Argenis // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 3 - 5.
10. Böhme J. Von dem Paradeiss // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 221 - 225.
11. Buchholtz A.H. Des Christlichen Teutschen Gross-Fürsten Herkules...// Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 13 - 15.
12. Clara A. a St. Geflügelter Mercurius // H.Eggers Deutsche Sprachgeschichte IV. Das Neuhochdeutsche. - Rowohlt, 1977. - S.79 - 80.

13. Clara A. a St. Aus Judas dem Erbschelm // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M. Simion in Berlin, 1844. – S. 576 - 580.
14. Die Teutsche Gross-Königin Leonilda // Historisch-politische Schauspiele.-Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1987. - S. 1 - 23.
15. Die verwüstete und verödete Schäferey- Leoriamder und Perelina // Schäferei Romane des Barock. - Rowohlt: Reinbek bei Hamburg, 1970. - S. 100 - 108.
16. Fichte J.G. Grundriss des Eigenthümlichen der Wissenschaftslehre in Rücksicht auf das theoretische Vermögen. - Jena und Leipzig, 1795. - S. 6 - 15.
17. Gellert / Lustspiele // Reihe / Deutsche Neudrucke 18.Jh. Christian Fürchtegott. Verlagsbuchhandlung. - Stuttgart, 1966.- S. 154 - 167.
18. Goethes Briefe an Frau von Stein. II Band. - Frankfurt am Main. Literarische Anstalt, 1885. - S. 98 - 105, 186 - 189.
19. Goethe J.W. Wilhelm Meisters Lehrjahre // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 172 - 173.
20. Goethe J.W. Leiden des jungen Werthers // K.G.Kupffer. Musterstücke aus deutschen Klassikern. II. Teil von Goethe bis zur Gegenwart. – Riga: Verlag der Aktien-Gesellschaft Walters und Rapa, 1923. – S. 3 - 5.
21. Gottscheds Wochenschrift “Der Biedermann”// G. Wolff. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen; Basel; Francke, 1999. – S. 156 -157.
22. Gottsched J. Ch. Versuch einer Critischen Dichtkunst // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M. Simion in Berlin, 1844. – S. 332 - 335.

23. Grimmelshausen. H.J.Ch. Der Abentheuerliche Simplicissimus // G. Wolff. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen; Basel; Francke, 1999. – S. 150 - 151.
24. Grimmelshausen. H.J.Ch. Dess Wunderbarlichen Vogelnessts Zweiter theil..., 1749. – S. 12 - 21.
25. Gryphius A. Gardenio und Celinde // H.Eggers Deutsche Sprachgeschichte IV. Das Neuhochdeutsche. - Rowohlt, 1977. - S.78 - 79.
26. Gundling N.H. Neuer Unterredungen Dritter Monat oder Martius // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 58 - 61.
27. Harsdörffer G.Ph. Frawen=Zimmer Gespräch=Spiel // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 5 - 6, 533 - 537.
28. Harsdörffer G.Ph. Dess Beklagten Antwort // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 7.
29. Herbst G. Des Schlesischen Gärtners lustiger Spatziergang.....- Oells: Heinrich Bockshammern, 1692.
30. Herder J.G. Von den Lebensaltern einer Sprache // G. Wolff. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen; Basel; Francke, 1999. – S. 170-171.
31. Herder J.G. Briefe zu Beförderung der Humanität // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 174 - 175.
32. Hippel Th. G. Kreug = und Querzüge des Ritters A bis 3 // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 453 - 459.

33. Hirschfeld S.G von Simplicius // F.A.Pischo Denkmäler der deutschen Sprache von der frühesten Zeit bis jetzt. III. Theil.-Berlin: Verlag von Duncker und Humboldt, 1843.- S. 477 - 480.
34. Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten von Immanuel Kant. Vierte Auflage. - Frankfurt und Leipzig, 1794. - S. 1 - 14.
35. Kant I. Kritik der practischen Vernunft von Immanuel Kant. Vierte Auflage. - Riga, bey Johann Friedrich Harknoch, 1797.
36. Kant I. Träume eines Geistersehers, erläutert durch Träume der Metaphyst // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844.
37. Klinger. Simsone Grisaldo // Sturm und Drang. Dichtungen aus der Geniezeit. Dritter Teil. - Berlin. Leipzig. Wien. Stuttgart. Deutscher Verlagshaus Bong & Co.
38. Lebenslauf und Abdankung von Georg Albrecht Hagedorn // Trauerreden von Barock. - Wiesbaden: Franz Steiner, 1973. - S. 344 - 347.
39. Lessing G.E. Philotas // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 405 - 409.
40. Mascou J.J. Geschichte der Deutschen // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 324 - 327.
41. Öhlenschläger A. Von anderen Sachen, so die Perser...// Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 502 - 503.

42. Opener Ph.J. Aus der Predigt // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 565 - 567.
43. Opitz M. Die Nimphe Hercinie führt in ihre Höhle// F.A.Pischon Denkmäler der deutschen Sprache von der frühesten Zeit bis jetzt. III. Theil. - Berlin: Verlag von Duncker und Humboldt, 1843. - S. 52 - 54.
44. Opitz M. Gesammelte Werke. Kritische Ausgabe. Bd III. I. Teil. - Stuttgart: Anton Hiersemann, 1970.
45. Opitz M. Prosodia Germanica // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 232 - 239.
46. Schiller F. [Brief] An Goethe // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 182 - 183.
47. Schiller F. Aus den Briefen über die ästhetische Erziehung des Menschen // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 490 - 492.
48. Schiller F. Die Räuber // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 488 - 489.
49. Schiller F. Über naïve und sentimentalische Dichtung // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 173 - 175.

50. Schlegel J.A. Von der Eintheilung der Künste // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 96 - 97.
51. Schlegel A. W. Briefe über Poesie, Silbenmaß und Sprache // G. Wolff. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen; Basel; Francke, 1999. – S.174-175.
52. Schottelius J.G. Ethica. Die Sittenkunst oder Wollebenskunst. - Bern und München: Francke Verlag, 1980. - S. 1- 9.
53. Schottelius J.G. Lob der “Teutschen HauptSprache”// G. Wolff. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen; Basel; Francke, 1999. – S.160-161.
54. Stieler K. Der Teutschen Sprache Stammbau...// Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 280 - 284.
55. Schuppius. J.B. Salomo oder Regenten=Spiegel // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 526 - 527.
56. Trauerrede von Baltzer Siegmund von Storch // Trauerreden von Barock.- Wiesbaden: Franz Steiner, 1973. - S. 220 - 223.
57. Wielands Briefwechsel (1760 – 1769). - Akademie–Verlag. – Berlin, 1975.
58. Wolff Ch. Welt-Weisheit in deutscher Sprache // G. Wolff. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen; Basel; Francke, 1999. – S. 161-163.
59. Zesen Ph. Assenat // Romantheorie. Dokumentation ihrer Geschichte in Deutschland 1620-1880. - Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1971. - S. 20 - 21.

60. Zesen Ph. Roselieb // Ph. Zesen. Sämtliche Werke. Walter de Greyter. – Berlin, 1993. – S. 80 - 87.
61. Ziegler H.A. Asiatische Banise // Lesebuch der deutschen Prosa. Musterstücke der prosaischen Literatur der Deutschen, nach der Folge der Schriftsteller und der Entwicklung der Sprache. Von Theodor Wundt. Verlegt von M.Simion in Berlin, 1844. – S. 285 - 289.
62. Zinzendorf N.G. Herrnhuter Gesangbuch // G. Wolff. Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen; Basel; Francke, 1999. – S. 155 - 156.
63. Arnauld. Logique de Port-Royal. L'Exactitude dans le jugement // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier –Ferrières Bibliotheque Larousse. - Paris, 1862. - p. 44 - 47.
64. Balzac. A monsieur Corneille // Morceaux choisis des classiques français du XVII-e siècle. – Paris, librairie Ch. Delagrave, 1897. – p. 128 - 129.
65. Beaumarchais. Figaro // Le XVIII-e siècle par les Textes, 1895. - p. 304 - 307.
66. Du Bellay J. La Defense et Illustration de la Langue François // В.Е. Щетинкин. Практикум по истории французского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 69 - 71.
67. Bruyère la. Le Fat // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse. - Paris, 1862. - p. 150 - 151.
68. Cyrano de Bergerac. Contre l'hiver // Morceaux choisis des classiques français du XVII-e siècle. – Paris, librairie Ch. Delagrave, 1897. – p. 230 - 237.
69. Dictionnaire de L'Academie Française // В.Е. Щетинкин. Практикум по истории французского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 79.

70. Diderot. Philosophie Experimentale et Philosophie Rationnelle // Le XVIII-e siècle par les Textes, 1895. - p. 158 - 159.
71. Diderot D. Collection complete des œuvres philosophiques, littéraires et dramatiques de M.Diderot. Tome I. – Londres, 1713. – p. 372 - 375.
72. Cardinal de Retz. Les Fantômes // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse. - Paris, 1862. – p. 58 - 59.
73. Descartes. Discours de la Méthode // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse. - Paris, 1862. – p. 10 - 13.
74. Descartes. Lettres sur Amsterdam // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse.- Paris. 1862. – p. 17 - 18.
75. Scarron. Le Roman Comique // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse.- Paris, 1862. – p. 37 - 39.
76. Corneille. De la Tragédie bourgeoise ou drame // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse.- Paris, 1862. – p. 32 - 33.
77. Corneille. Lettre apologétique // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse.- Paris, 1862. – p. 27 - 29.
78. Estienne R. Traicté Grammaire François // В.Е. Щетинкин. Практикум по истории французского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 67.
79. Grammaire generale et raisonnée. Lancelot, C. et Arnault A. - Amsterdam, 1703. – p. 6 - 7, 13 - 21, 153 - 157.
80. L'Esprit de Montaigne, ou des Maximes, Pensées, Jugement... - Londres, 1783. – p. 304 - 307.

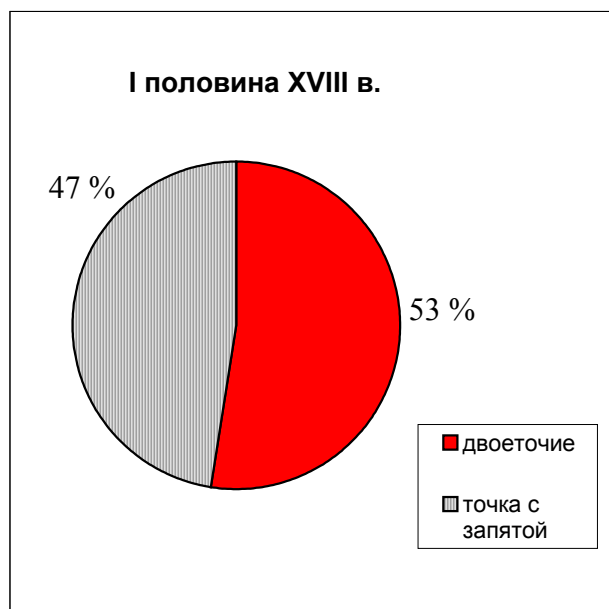
81. Mézeray. Abrégé chronologique de l'Histoire de France // Morceaux choisis des classiques français du XVII-e siècle. – Paris, librairie Ch. Delagrave, 1897. – p. 110 - 111.
82. M de La Fayette. Mémoires. Relation de la mort de M Henriette d'Angleterre // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliothèque Larousse.- Paris, 1862. - p. 118 - 121.
83. M De Scudéry. De l'Instruction des femmes // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliothèque Larousse.- Paris, 1862. - p. 35 - 36.
84. Molière. Les Fourberies de Scapin // Morceaux choisis des classiques français du XVII-e siècle. – Paris, librairie Ch. Delagrave, 1897. – p. 244 - 246.
85. Montesquieu. Réflexions D'Un Philosophie sur L'Histoire des Peuples // Le XVIII-e siècle par les Textes, 1895. - p. 58 - 61.
86. Montesquieu. Œuvres complètes du Montesquieu. Tome première. – Paris: Chez J.-B. Garnery, Libraire, 1820.- p. 24 - 28.
87. Pascal. L'Imagination // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliothèque Larousse.- Paris, 1862. – p. 72 - 75.
87. Prévost l'Abbé. Manon Lescaut // Le XVIII-e siècle par les Textes, 1895. - p. 344 -349.
88. Ronsard P. de Abrégé de l'Art Poétique François // В.Е. Щетинкин. Практикум по истории французского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 67 - 69.
89. Vaugelas C. F. de Remarques sur la Langue Française // В.Е. Щетинкин. Практикум по истории французского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 71 - 73.

90. Voiture. Lettres. Apologie de la politique de Richelieu // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliothèque Larousse. - Paris, 1862. – p. 19 - 20.
91. Voltaire. Candide // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliothèque Larousse.- Paris, 1862. - p. 116 - 119.
92. Voltaire. Bornes de L'Esprit Humain // Le XVIII-e siècle par les Textes, 1895. - p. 148 - 149.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Соотношение двоеточия и точки с запятой на протяжении двух столетий (Немецкий язык XVII-XVIII вв.)

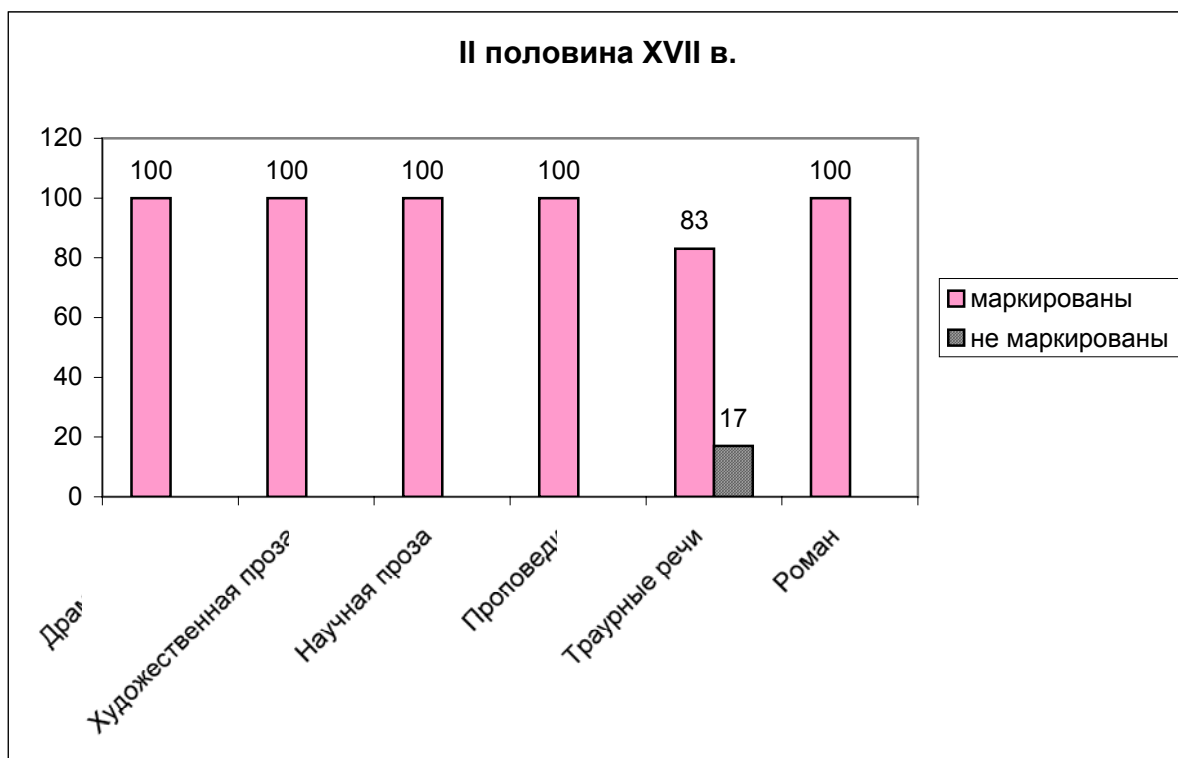
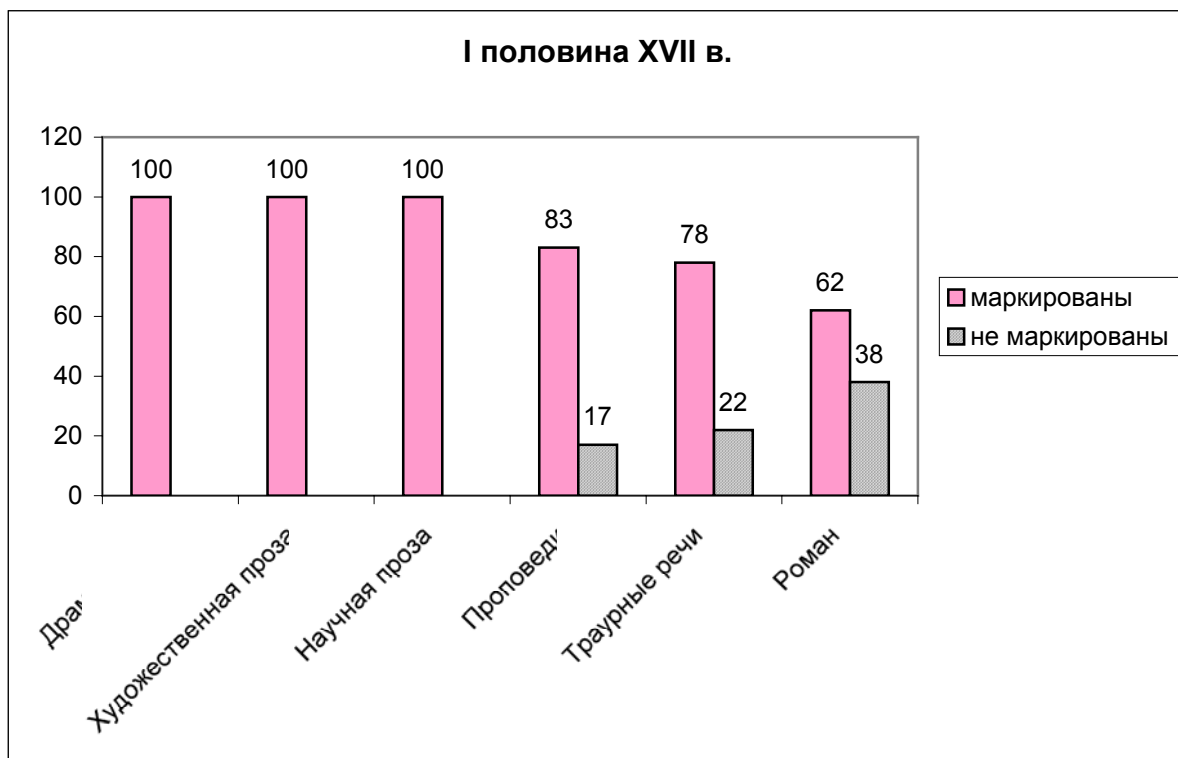
Приложение 2

Соотношение двоеточия и точки с запятой на протяжении трех столетий (Французский язык XVI-XVIII вв.)

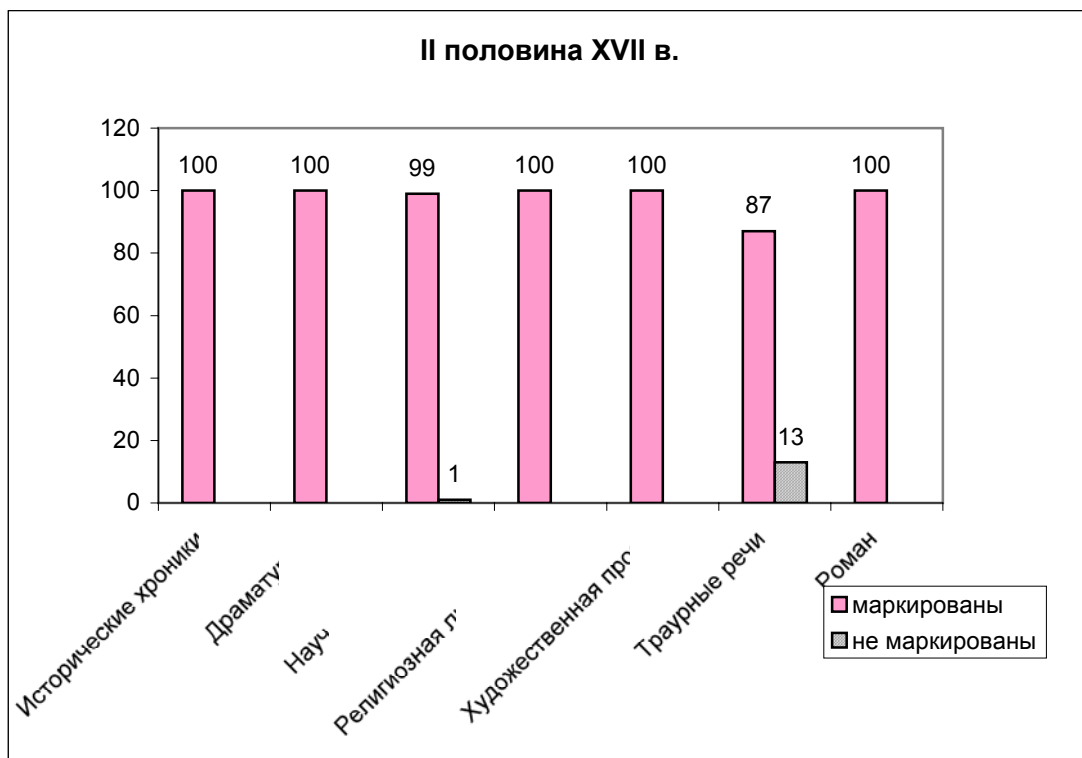
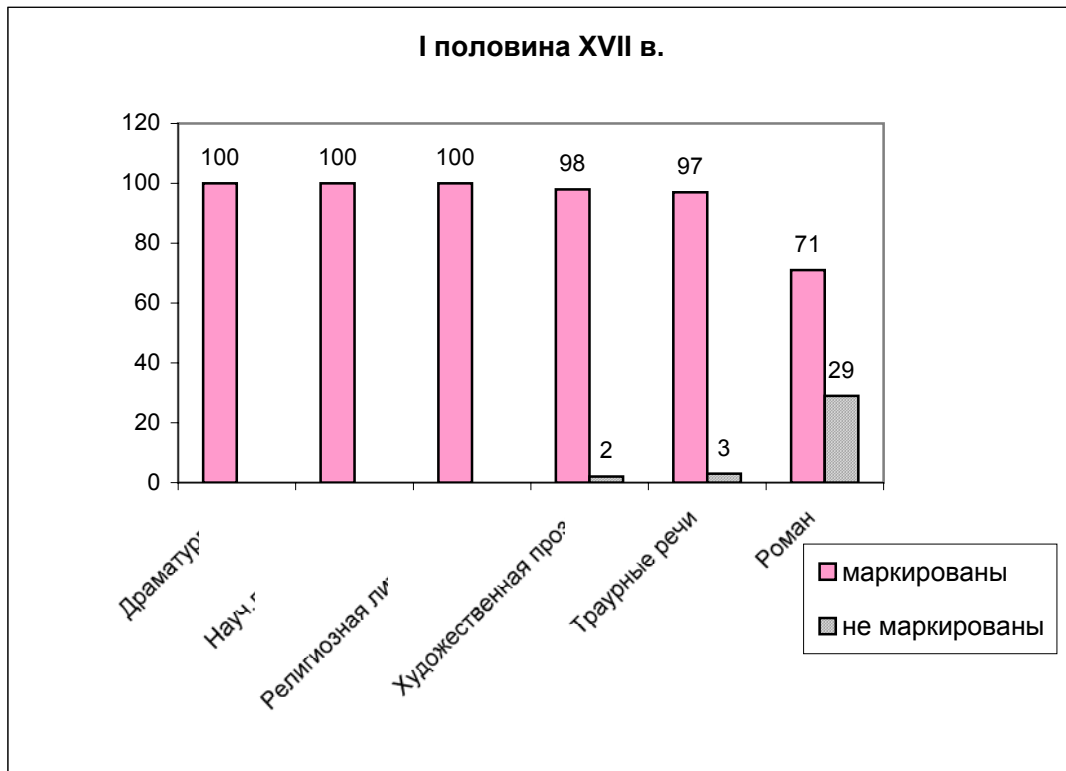
Приложение 3

Графическое оформление придаточных дополнительных предложений (Немецкий язык XVII в.)

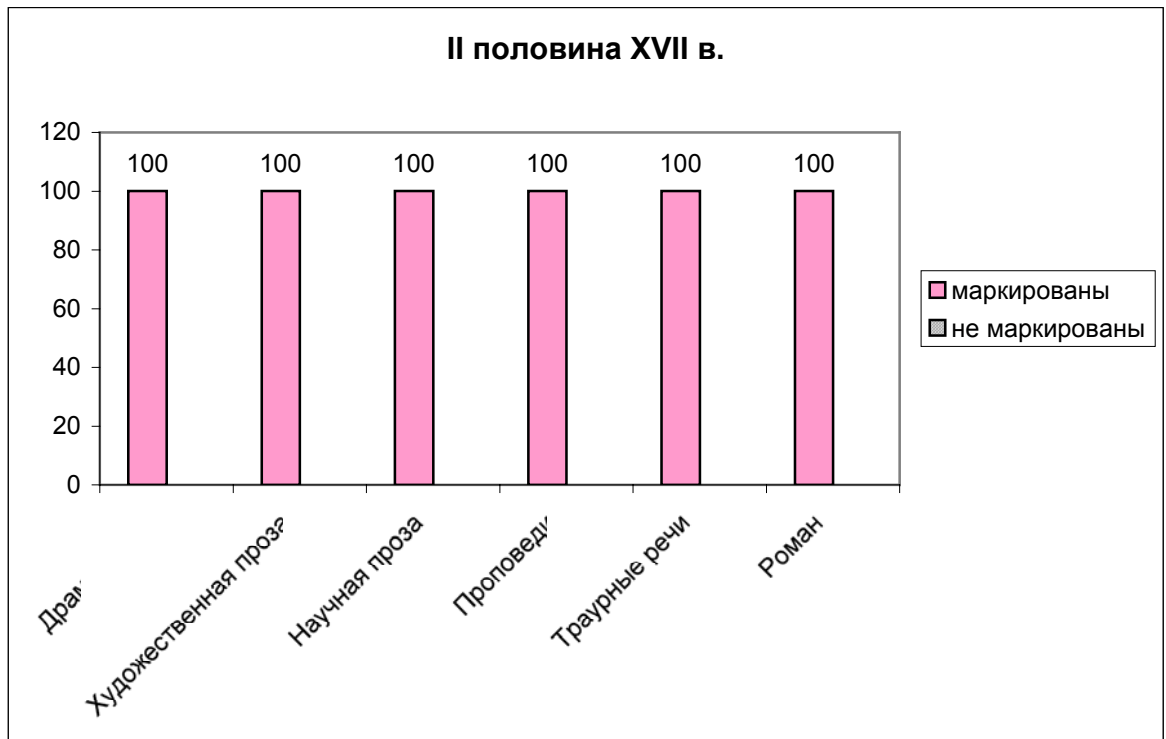
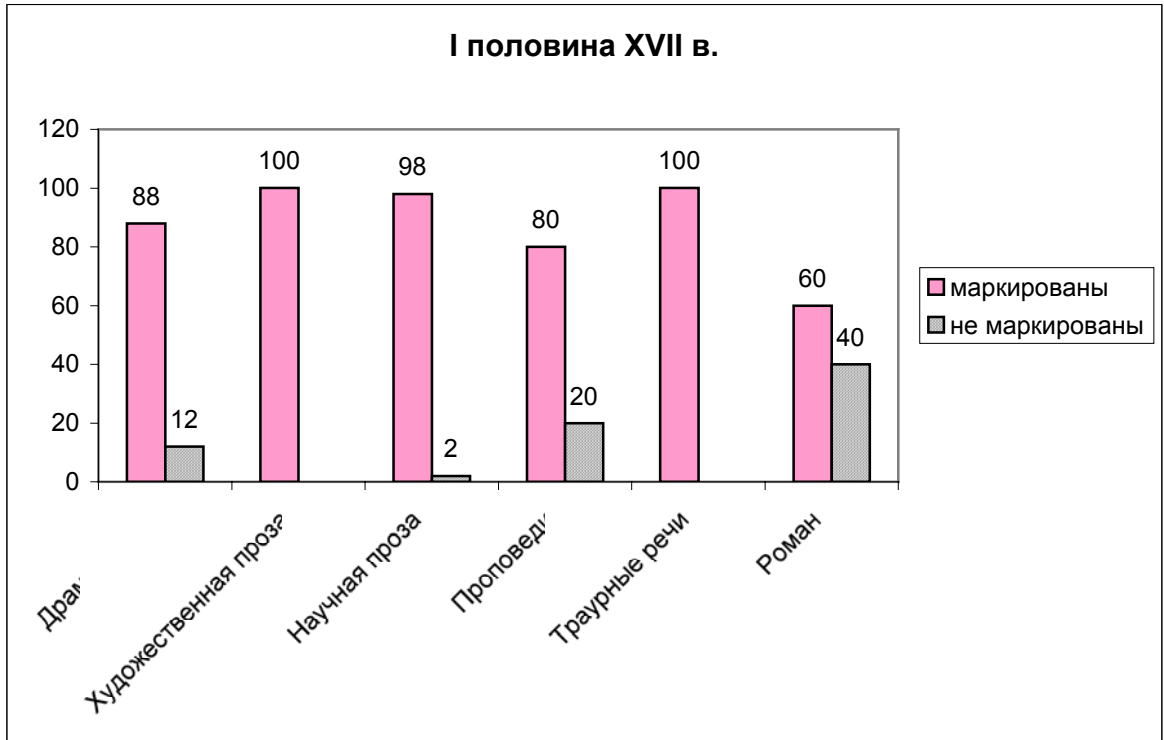
Приложение 4

Графическое оформление придаточных определительных предложений (Немецкий язык XVII в.)

Приложение 5

Графическое оформление инфинитивных оборотов (Немецкий язык XVII в.)

Приложение 6

Графическое оформление придаточных дополнительных, определительных и инфинитивных оборотов (Немецкий язык XVIII в.)

